

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

РОБЕРТ ДЖОРДАН

НОЖ СНОВИДЕНИЙ

КОЛЕСО ВРЕМЕНИ

Книга 11

Роберт Джордан
Нож сновидений
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Колесо Времени», книга 11

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132656
Колесо Времени. Книга 11. Нож сновидений: АСТ, АСТ Москва,
Харвест;
ISBN 978-5-389-24218-0*

Аннотация

Последняя битва не за горами. Об этом говорят знамения, повсеместно наблюдаемые людьми: на улицах городов и сел появляются ходячие мертвецы, они больше не в состоянии покоиться в земле с миром; восстают из небытия города и исчезают на глазах у людей... Все это знак того, что истончается окружающая реальность и укрепляется могущество Темного. Так говорят древние предсказания.

Ранд ал'Тор, Дракон Возрожденный, скрывается в отдаленном поместье, чтобы опасность, ему грозящая, не коснулась кого-нибудь еще. Убеденный, что для Последней битвы нужно собрать как можно большее войско, он наконец решает заключить с явившимися из-за океана шончан жизненно необходимое перемирие.

Илэйн, осажденная в Кэймлине, обороняет город от войск Аримиллы, претендующей на андорский трон, и одновременно ведет переговоры с представителями других знатных Домов.

Эгвейн, возведенную на Престол Амерлин мятежными Айз Седай и схваченную в результате предательства, доставляют в Тар Валон, в Белую Башню.

А сам лагерь противников Элайды взбудоражен таинственными убийствами, совершенными посредством Единой Силы...

В настоящем издании текст романа заново отредактирован и исправлен.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	189
Глава 2	226
Глава 3	270
Глава 4	288
Глава 5	316
Глава 6	348
Конец ознакомительного фрагмента.	374

Роберт Джордан

Колесо Времени. Книга

11. Нож сновидений

Robert Jordan KNIFE OF DREAMS

Copyright © 2005 by Bandersnatch Group, Inc.

Maps by Ellisa Mitchell Interior illustrations by Matthew C. Nielsen and Ellisa Mitchell All rights reserved

© Т. А. Велимеев, перевод, 2009 © А. Н. Ютанова, перевод, 2009

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

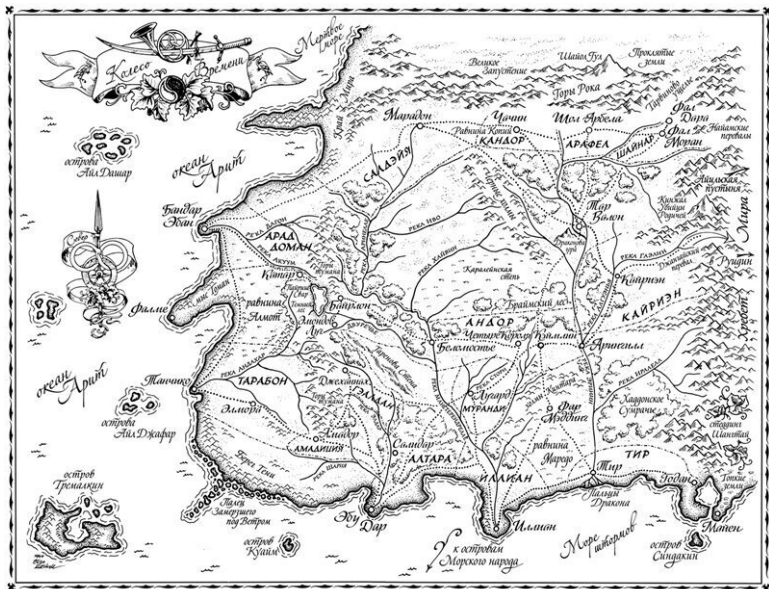
Издательство Азбука®

*Памяти Чарльза Сент-Джорджа Синклера
Адамса*

6 июля 1976 – 13 апреля 2005

*Сладость победы и горечь поражения – все равно
что нож сновидений.*

Из книги Мэдока Комадрина «Туман и сталь»

Пролог

Угли на сухую траву

Солнце еще только начало взбираться по небосклону, и от Галада и трех его вооруженных спутников протянулись вперед длинные утренние тени. Деревья вокруг стояли густо – дубы и болотные мирты, сосны и сургамы-кислокамедники, и на большинстве виднелась рыжеватая весенняя поросль. Всадники рысью двигались по проходившей прямо через лес дороге, и Галад старался выбросить из головы все ненужное, успокоить разум, но постоянно мешала какая-то мелочь. В царящей под лесным пологом тишине раздавался лишь приглушенный стук копыт. На ветвях не чирикали птицы, не пересвистывались белки. Слишком тихо для этого времени – лес будто бы затаил дыхание и замер. Некогда, задолго до возникновения Амадиции и Тарабона, тут пролегал оживленный торговый тракт, и из-под желтоватой глины, наезженной и утопанной до твердой корки, кое-где проглядывали остатки древних камней, которыми он был вымощен давным-давно. Вокруг, не считая всадников, не было видно ни единой живой души – только очень далеко впереди одинокую фермерскую телегу медленно тащил куда-то вол. Пути торговых караванов сместились намного севернее, деревни и фермы обезлюдели, а мифические заброшенные копи

Айлгара так и оставались позабыты среди горных кряжей, нагромождения которых начинались всего в нескольких милях южнее. В той же стороне небосвода сбивались в кучу, предвещая ненастье, темнеющие облака; если они продолжат свое неспешное наступление по небу, то во второй половине дня прольется дождь. Над кромкой деревьев, вокруг прогалов у лесной опушки, выписывал петли краснокрылый ястреб. Он тоже охотится, как и сам Галад. Но действовать Галаду в своей охоте придется в душе, а не на лесной опушке.

Показалась большая усадьба с домом, которую шончан пожаловали Эамону Валде, и Галад подобрал поводья, жалея, что на голове нет шлема: тогда, чтобы потянуть время, можно было бы поправить ремень под подбородком. Пришлось ограничиться тем, что он расстегнул и передвинул пряжку перевязи с мечом, сделав вид, будто оружие висит не так, как следует. Облачаться в доспехи смысла не имело. Если утро пойдет так, как Галад надеется, то кирасу и кольчугу все равно пришлось бы снимать, а если дела обернутся совсем худо, то доспехи защитят его не лучше, чем белый плащ.

Расположенный в отдалении от столицы дворец в прошлом служил королю Амадиции охотничьим домиком. Большое деревянное здание под синей крышей, с балкончиками, выкрашенными в алый цвет, и деревянными шпилями по углам, покоилось на каменном фундаменте и походило на невысокий холм с крутыми склонами. Надворные по-

стройки, конюшни и амбары, мастерские и маленькие домики для слуг и ремесленников занимали всю просторную поляну вокруг главного здания, но, раскрашенные в синий и красный цвета, почти не уступали ему по внешнему великолепию. Среди построек виднелись фигурки мужчин и женщин – крошечные на таком расстоянии; там же под присмотром старших играли дети. Картина обыденной жизни, в которой не осталось ничего обыденного. Спутники Галада поглядывали на него без всякого выражения, сидя в седлах в начищенных шлемах и кирасах. Нетерпеливо переступали копытами лошади – недолгая поездка от лагеря нисколько не утомила отдохнувших за ночь и поутру полных сил животных.

– Будет вполне понятно, если вы передумаете, Дамодред, – нарушил молчание Тром. – Обвинение суровое, горькое, точно полынь, но...

– Я – не передумаю, – прервал его Галад. В своих намерениях он утвердился еще вчера и отступить не собирался. Но все же был благодарен Трому – он дал Галаду возможность заговорить о том, что волновало юношу. Когда Галад выезжал из лагеря, Тром с двумя спутниками просто появился рядом с ним – не проронив ни слова, они отправились вместе с Галадом. Тогда казалось, что слова не нужны. – А как насчет вас троих? Со мной вы многим рискуете. Незачем вам идти на такой риск. Как бы ни кончился день, вам все это припомнят. Дело касается только меня, и я разрешаю вам

отправиться своей дорогой. – Сказано слишком холодно, но сегодня утром Галад был не в состоянии подбирать верные слова или давать волю чувствам.

Коренастый воин покачал головой:

– Закон есть закон. И вдобавок я воспользуюсь преимуществами своего нового звания.

На груди Трома, на левой стороне его белого плаща, ниже эмблемы многолучевого солнца, красовались три золотых узла-банта, по форме похожие на звезды, – капитанский знак различия. В сражении при Джерамеле погибли очень многие, и по меньшей мере три лорд-капитана. Тогда Чада Света сражались против шончан, а не на их стороне.

– Служа Свету, я совершил немало темных дел, – сумрачно произнес Байар. На его костлявом лице сверкали глубоко посаженные глаза – сверкали так, будто оскорбление нанесли ему лично. – Дел чернее глухой безлунной ночи. И наверное, еще совершать придется, но есть настолько черные дела, что с ними невозможно примириться. – У него был такой вид, словно он вот-вот сплюнет от отвращения.

– Верно, – пробормотал юный Борнхальд, проведя рукой в боевой перчатке по губам. Галад всегда видел в нем «юношу», хотя тот был всего несколькими годами моложе его. Глаза Дэйна были налиты кровью – прошлую ночь он опять выпил слишком много бренди. – Если сделал что-то неправильное, даже на службе Свету, значит, чтобы это уравновесить, нужно сделать что-то правильное.

Байар что-то мрачно буркнул. Наверное, он имел в виду совсем не то, о чем сказал Борнхальд.

– Очень хорошо, – сказал Галад, – но если кто-то решит повернуть назад, винить его не в чем. Дело здесь касается лишь меня одного.

Галад ударом каблуков послал гнедого мерина в легкий галоп, и на душе у него потеплело, когда он услышал быстрый стук копыт лошадей своих спутников. Нагнав его, они поехали рядом, и белые плащи вздувались от ветра. Конечно, он должен был отправиться сюда один, однако если рядом будут эти трое, то, возможно, их присутствие не позволит тут же взять его под арест и повесить без лишних церемоний. Нельзя сказать, что Галад вообще рассчитывал остаться в живых. Но если что-то нужно сделать, то это должно быть сделано, и не важно, какой ценой.

Лошадиные копыта громко загремели по выложенному камнем пандусу, который вел к усадьбе, поэтому на появившуюся из леса четверку всадников обратили взоры все, кто находился на просторном центральном дворе. Здесь было полсотни Чад Света в сверкающих кольчужно-пластинчатых доспехах и конических шлемах, большинство из них – верхом. Услужливые конюхи-амадийцы в темной одежде держали под уздцы лошадей для тех из Детей, кто еще не сидел в седле. Внутренние балконы пустовали, если не считать нескольких слуг – они делали вид, что подметают их, но сами то и дело окидывали двор заинтригованными взглядами. В

стороне от прочих стоял Радам Асунава, окруженный, точно телохранителями, шестеркой рослых Вопросающих; украсившая их плащи эмблема многолучевого солнца была наложена на багряного цвета значок в виде крючковатого пастырского посоха. Десница Света всегда держалась наособицу от остальных Детей Света, и подобную манеру те считали совершенно правильной. Из всех находившихся во дворе Чад один лишь седовласый Асунава был без доспехов. Лицо главы Вопросающих выражало такую вселенскую скорбь, что рядом с ним Байар показался бы розовощеким бодрячком, а на его ослепительно-белом плаще красовался только ярко-красный пастырский посох – этим он также отличался от прочих Детей Света. Но Галад лишь скользнул по Вопросающим взглядом – его внимание во внутреннем дворе приковывал к себе только один-единственный человек. Может, Асунава и сыграл какую-то роль – его причастность оставалась неясной, – однако призвать к ответу верховного инквизитора способен только лорд капитан-командор.

Эамон Валда не мог похвастаться высоким ростом, но со смуглого сурового лица не сходило властное выражение – повиновения от остальных он ожидал как должное. И повиновение – это самое меньшее из должного. Он стоял, широко расставив ноги в сапогах и горделиво вскинув голову, излучая вокруг себя властность и надменность, поверх его раззолоченной полной кирасы лежала бело-золотая накидка лорда капитан-командора – шелковая и расшитая куда бо-

гаче, чем любая из тех, что когда-то носил на своих плечах Пейдрон Найол. Шелковым же был и белый плащ Валды, на каждой стороне груди золоченой канителью вышиты эмблемы многолучевого солнца, и шелковой была его шитая золотом белая куртка. Под мышкой Валда держал шлем – вызолоченный и украшенный спереди лучистым солнечным диском, а на его левой руке, поверх кованой стальной перчатки, красовался массивный золотой перстень, на крупном желтом сапфире которого было вырезано многолучевое солнце. Еще один знак благоволения, проявленного со стороны шончан.

Валда чуть нахмурился, когда Галад и его спутники спешили перед ним и отсалютовали, приложив согнутую правую руку к груди. Подбежавшие подобострастные конюхи приняли поводья.

– Тром, почему ты до сих пор не отправился в Насад? – В словах Валды звучало неодобрение. – Остальные лорд-капитаны сейчас уже на полпути туда.

Сам Валда на встречи с шончан всегда прибывал позже всех, вероятно, чтобы тем самым показать, что в Чадах Света сохранилась толика независимости, хотя от прочих высших офицеров он требовал неукоснительной явки в оговоренное время, пусть даже для этого в путь отправляться приходилось до рассвета. Поэтому удивительно было видеть его уже готовым к отъезду, – должно быть, предстоящая встреча была очень важной.

По-видимому, сейчас Валда полагал за лучшее не под-

вергать испытанию терпение новых господ. Шончан и так не слишком-то скрывали своего недоверчивого отношения к Детям Света.

Тром не выказал ни малейшей неуверенности, чего вряд ли можно было ожидать от человека, носящего свое нынешнее звание от силы месяц.

– Неотложное дело, милорд капитан-командор, – вежливо произнес он, отвешивая точно выверенный поклон – ни на волосок не ниже, но и не выше, чем того требовал этикет. – Один из Чад Света, находящийся под моим командованием, выдвигает против другого Чада обвинение в том, что тот оскорбил его родственницу и жестоко обращался с нею, и заявляет о своем праве на Суд Света. Согласно закону, вы должны удовлетворить его просьбу о поединке или отвергнуть ее.

Прежде чем Валда успел заговорить, раздался голос Асунавы.

– Странная просьба, сын мой, – заметил он, недоуменно склонив голову набок и глядя поверх сложенных домиком рук. Даже голос верховного инквизитора звучал печально, – казалось, неведение Трома доставляет ему настоящую боль. Глаза Асунавы полыхали, точно уголья на раскаленной жаровне. – Обычно сам обвиняемый просил мечом рассудить дело, и, убежден, обычно это случалось тогда, когда он понимал, что весомость и убедительность доказательств определенно свидетельствуют о его виновности. Во всяком слу-

чае, к Суду Света не прибегали вот уже почти четыреста лет. Назовите мне имя того, кого обвиняют, и я улажу дело без лишнего шума. – От тона Асунавы повеяло холодом, как из бессолнечной пещеры морозной зимой, но в темных глазах по-прежнему полыхал огонь. – Тут мы среди чужеземцев, и нельзя, чтобы они узнали, будто кто-то из Чад способен совершить столь низкий поступок.

– С просьбой обратились ко мне, Асунава! – резко, будто укусил, произнес Валда.

Его взор чуть ли не обжигал неприкрытой ненавистью. Скорее всего, ему просто пришлось не по вкусу, что в разговор вклинился верховный инквизитор. Отбросив полу плаща за спину, он положил ладонь на длинную рукоять своего меча, дужки эфеса которого оканчивались кольцами, и выпрямился во весь рост. Склонный к картинным позам и жестам, Валда возвысил голос, так что, наверное, даже находившиеся внутри дома его слышали, и заговорил – скорее, принялся произносить речь:

– Думаю, многие из прежних наших обычаев стоит возродить, и упомянутый закон действует по-прежнему. И всегда будет исполняться, как то записано в древности. Свет дарует право на справедливость, потому что сам Свет есть справедливость. Известите своего подчиненного, Тром, что он вправе выдвинуть обвинение и встретиться с тем, кого обвиняет, с мечом в руках. Если же тот вознамерится отказаться от поединка, то я заявляю, что тем самым он признает свою вину

и будет по моему приказу повешен на месте, а его имущество и звание, как гласит закон, перейдут обвинителю. Мною сказано все. – При этих словах он метнул еще один злобный взгляд на верховного инквизитора. Наверное, их действительно снедала взаимная ненависть.

Тром вновь отвесил церемонный поклон:

– Милорд капитан-командор, вы уже сами обо всем его известили. Что скажете, Дамодред?

Галад ощутил охвативший его холод. Испытывал он вовсе не страх, а чувство какой-то пустоты. Когда в пьяной болтовне Дэйн обмолвился о дошедших до его ушей неких смутных слухах, а Байар неохотно подтвердил, что это вовсе не слухи, Галада затопила ярость – испепеляющее до глубины души пламя, которое довело его едва ли не до безумия. Ему казалось, что у него вот-вот лопнет голова, если раньше не разорвется сердце. Теперь же он был холоден как лед, не ведая никаких чувств. Галад тоже поклонился, не менее церемонно, чем Тром. Многое, что нужно сказать, определяет закон, однако остальные слова он подбирал очень тщательно, стараясь как мог, чтобы тень позора не коснулась столь дорогой для него памяти.

– Эамон Валда, Чадосвета, я призываю тебя на Суд Света за недопустимое оскорбление особы Моргейз Траканд, королевы Андора, и за ее убийство.

Смерть женщины, к которой Галад относился как к матери, подтвердить не мог никто, но Галад был убежден, что она

мертва. Добрый десяток очевидцев с уверенностью утверждал, что из Цитадели Света она исчезла до того, как крепость пала перед шончанской армией, и не меньше людей свидетельствовало о том, что сама Моргейз не могла ее покинуть, ведь она находилась там не по своей воле, а как пленница.

Валда ничем не выдал, что потрясен или удивлен выдвинутыми против него обвинениями. Судя по появившейся на лице капитан-командора улыбке, Галад дорого поплатится за свои безрассудные слова, однако легкий изгиб губ говорил также и о презрении, какое он испытывал к своему обвинителю. Но не успел Валда раскрыть рот, как вновь вмешался Асунава.

– Что за глупости! – произнес он тоном скорее печальным, чем сердитым. – Уведите дурака, и мы выясним, какое отношение он имеет к заговору, каковой злоумышляют приспешники Темного, дабы опорочить Детей Света.

Повинуясь его жесту, двое Вопросающих шагнули к Галаду: один – с не сулящей ничего доброго злой ухмылкой, лицо второго не выражало ничего – точь-в-точь ремесленник за обыденной работой.

Но сделали они лишь один шаг. По всему двору раздавались тихие звуки – с таким скрипом и шорохом мечи выходят из ножен. Хотя большинство Чад Света только ослабили клинки в ножнах, не меньше десятка из них обнажили оружие полностью – и теперь держали мечи в опущенных руках,

острием вниз. Конюхи-амадицийцы сгорбились, съежились, испуганно сбившись в кучки и изо всех сил стараясь, чтобы их было не видно и не слышно. Нет сомнений, они бросились бы врассыпную, достань у них смелости. Густые брови Асунавы поползли на лоб, он, явно не веря своим глазам, обводил всех ошеломленным взглядом. Узловатые пальцы сжались в кулаки, впившись в ткань белого плаща. Как ни странно, казалось, на миг даже Валда изумился. Вряд ли он мог ожидать, что после произнесенной им во всеуслышание речи Чада позволят арестовать обвинителя. Но так или иначе, от потрясения Валда оправился быстро.

– Вот видишь, Асунава, – произнес он чуть ли не обрадованно, – Дети Света подчиняются моим приказам и закону, а не прихотям Вопрошающих. – Руку со шлемом он протянул вбок и назад, чтобы кто-то забрал его. – Я отвергаю твои абсурдные обвинения, юный Галад, и твою мерзкую ложь вообью тебе в глотку. Ибо это – грязная ложь или в лучшем случае слова, вызванные помутнением разума. Ибо только безумец может поверить в злобные слухи, распушенные припешниками Темного или кем-то еще, кто желает дурного Чадам Света. В любом случае ты оклеветал меня самым низким и подлым образом, поэтому я принимаю твой вызов на Суд Света. В поединке я и убью тебя.

Последнее едва ли соответствовало ритуалу, но Валда отверг обвинение и принял вызов – этого совершенно достаточно.

Сообразив, что так и стоит со шлемом в вытянутой руке, Валда впери́л хмурый взгляд искоса на одного из спешившихся Чад, тощего салдэйца по имени Кашгар, пока тот не сделал шаг вперед и не забрал у командира шлем. Кашгар был всего-навсего подлейтенантом и походил на мальчишку, несмотря на крупный крючковатый нос и густые, похожие на перевернутые рога усы, однако в движениях его ясно читалось нежелание, и голос Валды стал куда зловещей и язвительней, когда, расстегнув перевязь с мечом и протянув ее вслед шлему, капитан-командор произнес:

– Поосторожней с этим, Кашгар. Это клинок, отмеченный клеймом цапли. – Расстегнув фибулу, он уронил свой шелковый плащ на мощеный камень, туда же последовала накидка-табар. Руки Валды двинулись к застежкам доспехов. По-видимому, ему не хотелось проверять, вдруг у кого-то еще нет желания помочь ему. Лицо Валды оставалось спокойным, разве что горевший яростью взгляд обещал покарать не одного лишь Галада. – Как я понимаю, Дамодред, твоей сестре захотелось стать Айз Седай. Пожалуй, мне совершенно ясно, с чего все началось. Было время, когда я с сожалением отнесся бы к твоей гибели, но не сегодня. Наверное, стоит отослать твою голову в Белую Башню, чтобы ведьмы полюбовались на плоды своих козней.

Дэйн, чье обеспокоенное лицо прорезали морщины, взял у Галада плащ и перевязь с мечом и стоял, переминаясь с ноги на ногу, как будто не был уверен, что поступает правильно.

но. Что ж, у него был шанс отказаться, а теперь уже поздно менять решение. Байар положил ладонь в боевой перчатке на плечо Галаду и наклонился к юноше.

– Он любит наносить удары по рукам и ногам, – произнес он негромко, искоса поглядывая на Валду. Судя по его взору, между Валдой и им явно пробежала черная кошка. Разумеется, сейчас выражение лица Байара немного отличалось от обычного. – Ему нравится, когда противник истекает кровью, пока не обессилеет настолько, что не сможет ни сделать шаг, ни поднять меч. Вот тогда сам он и нанесет последний удар. Вдобавок он быстрее гадюки, но куда чаще станет разить тебя слева, и того же он ждет от тебя.

Галад кивнул. Многие правши сочтут для себя такой способ ведения боя более простым, но эта манера – странная слабость для мастера клинка. Гарет Брин и Генри Хаслин во время тренировок учили Галада вести бой по-разному, в зависимости от того, какая рука лежит на эфесе меча впереди, так что на эту уловку он не попадет. Необычно к тому же, что Валда стремится затягивать бой. Самого Галада наставляли, что схватку следует завершать как можно быстрее и без ненужных выкрутасов.

– Благодарю, – сказал он, и на лице с запавшими щеками появилась мрачная гримаса.

При всем желании Байара нельзя было назвать приятным человеком, да и сам он как будто не питал никаких теплых чувств ни к кому, за единственным исключением: он вы-

казывал расположение одному лишь юному Борнхальду. Из троих, кто отправился с Галадом, присутствие Байара оказалось самым большим сюрпризом, но он был тут, и это говорило в его пользу.

Валда, который в расшитой золотом белой куртке стоял, подбоченившись, в центре двора, повернулся на месте, окинув собравшихся вокруг людей суровым взглядом.

– Всем отойти к стенам! – громко скомандовал он. Чада Света и конюхи исполнили приказание, и лошадиные подковы звонко процокали по мощеным камням. Асунава и его Вопрошающие подобрали поводья своих лошадей, причем лицо верховного инквизитора пылало холодной яростью. – Держитесь подальше от середины. Мы с юным Дамодредом сразимся тут...

– Простите, милорд капитан-командор, – с легким поклоном промолвил Тром, – но поскольку вы участник судебного поединка, то не можете быть арбитром. Не считая верховного инквизитора, который по закону не может принимать участия в Суде, после вас наивысший ранг здесь имею я. Так что, думаю, вы не станете возражать?..

Валда метнул на Трома злобный взгляд, потом отошел к Кашгару и встал рядом, скрестив руки на груди. С нарочитым раздражением он принялся притопывать ногой в нетерпеливом ожидании начала Суда.

Галад вздохнул. Если схватка обернется против него, что, кажется, случится почти наверняка, у его друга появится

враг – самый могущественный человек среди Чад Света. Повидимому, у Трома он появился бы в любом случае, но теперь почти наверняка.

– Приглядывай за ними, – сказал Галад Борнхальду, кивком указывая на верховых Вопрошающих, сбившихся в кучку у ворот.

Асунавские подручники по-прежнему окружали его кольцом, будто телохранители, причем у всех ладони как бы невзначай опустились на рукояти мечей.

– Зачем? Даже Асунава теперь не сможет вмешаться. Это было бы против закона.

Галад едва сдержал новый вздох. Юный Дэйн пробыл в рядах Детей Света намного дольше его, а его отец служил ордену всю жизнь, но, кажется, молодой человек знает о Чадах Света куда меньше, чем узнал о них сам Галад. Для Вопрошающих законом будет то, что они назовут законом.

– Просто не спускай с них глаз, – сказал Галад.

Тром встал в центре двора и поднял над головой обнаженный меч, держа клинок параллельно земле. В отличие от Валды он произнес слова, какие и было предписано:

– Мы собрались здесь под Светом, дабы стать свидетелями Суда Света, право на который священно для каждого Чада Света. Свет осияет истину, и здесь Свет озарит справедливость. Пусть говорит только тот, у кого есть на то законное право, и пусть всякий, кто вздумает вмешаться, будет сражен без промедления. Здесь обретет под Светом правосудие

тот, кто жизнью поклялся служить Свету, силой оружия и волей Света. Поединщики должны встретиться без оружия там, где я стою, – продолжал Тром, опустив руку с мечом, – и переговорить друг с другом с глазу на глаз. Да поможет им Свет найти верные слова, чтобы не довести дела до кровопролития, в ином же случае в этот день суждено умереть одному из Детей Света, его имя будет вычеркнуто из всех наших списков, а память о нем будет предана проклятию. И во имя Света, да будет так!

Тром отошел в сторону, и Валда двинулся на середину двора – он ступал так, словно двигался в боевой связке под названием «Кот пересекает двор замка», – очень вызывающая походка. Он знал, что не существует слов, способных остановить кровопролитие. Для него бой уже начался. Галад же просто зашагал навстречу своему противнику. Он был почти на голову выше Валды, но тот держался так, словно превосходил юношу во всем, даже в росте, и просто-таки излучал уверенность в своей победе.

На этот раз улыбка Валды была презрительной.

– Нечего сказать, мальчишка? Чему удивляться – ведь через минуту мастер клинка снесет тебе голову. Впрочем, перед тем, как убить тебя, хотелось бы мне вбить в нее одну вещь. Девка была жива и здорова, когда я ее видел в последний раз, а если теперь она мертва, то мне жаль. – Ухмылка его стала шире, пренебрежительная и насмешливая. – Эта лошадка была лучшей из всех, кого мне доводилось оседлы-

вать, и надеюсь, что когда-нибудь опять на ней поезжу.

В душе Галада багровой волной вскипела слепящая, опаляющая ярость, но усилием воли он заставил себя повернуться к Валде спиной и отойти прочь, отправляя свой гнев в воображаемые язычки пламени, — как этому его научили два его наставника. Тот, кто сражается в гневе, в гневе же и погибает. Когда Галад подошел к Борнхальду, он уже достиг того состояния сознания, которое Гарет и Генри называли «единением». Паря в пустоте, Галад сомкнул пальцы на рукояти меча, который протянул ему Дэйн, и вытащил из ножен чуть искривленный клинок, тотчас же ставший частью его самого.

— Что он сказал? — спросил Дэйн. — У тебя на миг стало такое лицо, что мне почудилось, ты его прямо там убьешь.

Байар схватил Дэйна за руку.

— Не отвлекай его, — проворчал он.

Галада ничто не могло отвлечь. Его слух отчетливо и ясно различал все звуки: поскрипывание кожаных седел, звон подковы, стук копыт о каменные плиты. Он даже слышал жужжание мух в десяти шагах от себя, как будто они вились возле его головы. Ему даже показалось, что он уловил движение их крылышек. Он был един с мухами, с двором, с двумя мужчинами. Они были частью его, и его ничто и никто не могло отвлечь.

Стоявший на другой стороне двора Валда дождался, пока Галад повернется, и только потом обнажил меч — одним

молниеносным движением. Клинок в его левой руке очертил в воздухе размытый серебристый круг, а затем, перескочив в правую руку, еще один и потом замер недвижно, острием вверх. Держа меч двумя руками перед собой, Валда двинулся вперед, и вновь – «Кот пересекает двор замка».

Подняв свой клинок, Галад шагнул ему навстречу, даже не задумываясь о том, как двигается, какую стойку принимает, – позиции и шаг определяло состояние, в котором пребывало его сознание. Его называли пустотой, и только наметанный глаз сумел бы определить, что Галад не просто идет. Только опытный глаз уловил бы, что каждое мгновение он сохраняет идеальное равновесие. Свой отмеченный эмблемой цапли клинок Валда получил отнюдь не благодаря фаворитизму. Его умение владеть оружием оценивали пять мастеров клинка и единогласно пожаловали ему это звание. Голосование всегда должно было быть единогласным. Существовал и другой способ получить подобный клинок – нужно убить его обладателя в честном поединке, один на один. Когда Валда удостоился меча с цаплей, ему было меньше лет, чем Галаду теперь. Да это и не важно. Он не должен сосредоточивать свои мысли на смерти Валды. Пустота, ничто – вот на чем он должен сосредоточиться. Но Галад желал Валде смерти, даже если придется прибегнуть к приему «Вложить меч в ножны»: чтобы Валда умер, он с готовностью примет в свое тело этот отмеченный знаком цапли клинок. Если дойдет до этого, то Галад согласен на такой исход.

Валда не стал тратить времени на маневры. Едва Галад оказался в пределах досягаемости, как ему на шею с быстрой молнии обрушился удар под названием «Срывание низко висящего яблока», как будто противник и в самом деле намеревался в первую же минуту схватки отрубить ему голову. Было несколько возможных ответов, все вбиты упорными тренировками, но в каких-то удаленных уголках сознания Галада смутно всплыли предостережения Байара, а еще тот факт, что Валда сам предупреждал его о том же самом. Предупреждал даже дважды. Не осознавая, что делает, Галад выбрал иной вариант действий и шагнул в сторону и вперед в то самое мгновение, когда «Срывание низко висящего яблока» превратилось в «Поглаживание леопарда». Глаза Валды расширились от удивления, когда его клинок прошел в считанных дюймах от левого бедра Галада, и округлились еще больше, когда «Рассечение шелка» оставило ему порез на правом предплечье, но он тотчас же отправил «Голубя в полет», причем столь стремительно, что Галаду пришлось отскочить назад, прежде чем его клинок успел глубоко ужалить, и юноша едва успел парировать атаку «Зимородком, кружащим над прудом».

Они сходились, расходились, вытанцовывая формы, плавно скользя по каменным плитам. «Ящерица в боярышнике» встречалась с «Трехзубцовой молнией». «Листу на ветерке» противостоял «Угорь среди листов кувшинки», а «Два скачущих зайца» сталкивались с «Колибри, целующей медвя-

ную розу». Они сходились, расходились, двигаясь словно в каком-то танце, в фигурах которого опытный глаз различал стойки, атаки и их парирование. Галад раз за разом нападал, но Валда был стремителен, как гадюка. «Танцующий тетерев-глухарь» стоил Галаду неглубокого пореза на левом плече, а «Красный сокол, хватающий голубя» – еще одного на левой руке, но чуть побольше. «Река Света» могла бы унести отсеченную руку, если бы ему не удалось в последний момент отразить в отчаянной попытке смертоносный удар при помощи «Дождя на крепком ветру». Бойцы сходились, расходились – безостановочно мелькали клинки, взблескивая и звеня сталью о сталь.

Галад не знал, сколько времени они уже ведут схватку. Времени не существовало, было только настоящее. Казалось, они с Валдой сражаются как будто на дне моря, каждое движение было замедленным, словно бы отягощенное бременем водной толщи. На лице Валды проступил пот, но он самоуверенно улыбался, по-видимому ничуть не встревоженный порезом на предплечье – до сих пор единственной у него раной. Галад чувствовал, как и у него самого пот градом катится по лицу, щиплет глаза. И по руке струилась кровь. Рано или поздно, но полученные им раны замедлят движения, возможно, они уже сказываются на его реакции, но Галад получил еще две – в левое бедро, и эти-то раны были куда более серьезны. Кровь пропитала штаны и затекла в сапог, а Галад не мог скрыть легкой хромоты, которая со вре-

менем только станет сильнее. Если Валда должен умереть, то кончать с ним нужно поскорей.

Напоказ Галад сделал глубокий вдох, потом второй, втягивая воздух ртом, затем – еще один. Пусть Валда думает, будто противнику нужно перевести дыхание. Он сделал выпад клинком в «Продевании нитки», метя Валде в левое плечо, причем не с той быстротой, с какой следовало бы. Тот без труда отразил меч Галада «Взлетающей ласточкой», немедленно перешедшей в «Прыжок льва». Этот маневр стоил Галаду третьей раны в бедро – он пошел на риск выказать в обороне не бо́льшую быстроту, чем в атаке.

Вновь он предпринял «Продевание нитки», целясь Валде в плечо, и еще раз, и еще, все время хватая воздух ртом. Лишь по чистой случайности при обмене ударами ему повезло не получить новых ранений. Или же Свет и в самом деле осиял этот поединок.

Улыбка Валды стала шире; он поверил, что противник вот-вот обессилеет, вымотавшись и продолжая тупо атаковать одним и тем же способом. Когда Галад начал «Продевать нитку» в пятый раз, причем уже совсем медленно, меч Валды начал описывать «Голубя в полете» почти небрежным движением. Постаравшись вложить в удар всю быстроту, на какую был сейчас способен, Галад изменил направление удара, и «Срезание ячменного снопа» рассекло Валду почти под самой грудной клеткой.

На какое-то мгновение показалось, что тот даже не заме-

тил полученного удара. Валда сделал шаг, начал то, что могло бы стать «Падающими с утеса камнями». Потом глаза его расширились, он покачнулся и рухнул на колени. Меч выпал из разжавшихся пальцев, и сталь зазвенела на каменных плитах. Он прижал было руки к огромной ране поперек тела, словно бы пытаясь удержать вываливающиеся внутренности, рот его открылся, а взгляд стекленеющих глаз впился в лицо Галаду. Если Валда и хотел что-то сказать, то не смог произнести ни единого слова: изо рта у него хлынула кровь, потекла по подбородку. Он упал ничком и замер неподвижно.

Машинально Галад сделал быстрый проворот мечом, стряхивая кровь, обагрившую дюйм клинка у острия, потом медленно наклонился и отер оставшиеся темно-красные капли о белый плащ Валды. Боль, которую он прежде отказывался чувствовать, теперь впилась в него с удвоенной яростью. Левое плечо и предплечье как будто сунули в раскаленные уголья; бедро горело словно в огне. С большим трудом Галад все же сумел выпрямиться. Видимо, он почти что вымотался и затратил куда больше физических сил, чем сам думал. Сколько же времени продлилась схватка? Вообще-то, он должен испытывать удовлетворение оттого, что отомстил за мать, но чувствовал Галад одну лишь опустошенность. Смерти одного Валды недостаточно. Этого слишком мало. Всего будет мало, кроме одного: чтобы Моргейз Траканд снова была жива.

Вдруг до сознания Галада дошло, что вокруг раздается ка-

кой-то ритмичный звук. Он поднял голову и увидел, как каждый из Чад Света в знак одобрения хлопает ладонью по своему закованному в доспех плечу. Все как один. Кроме Асунавы и Вопрошающих. Этих нигде не было видно.

К Галаду торопливо подошел Байар с маленьким кожаным мешочком в руке. Осторожно раздвинув края разреза на рукаве Галада, он осмотрел рану.

– Тут надо будет зашить, – пробормотал Байар, – но с этим можно и обождать. – Опустившись на колени рядом с юношей, он вытащил из мешочка скатанные бинты и принялся обматывать тонкой тканью бедро поверх ран. – Здесь тоже надо будет швы наложить, но так ты, по крайней мере, от потери крови не умрешь.

К ним стали подходить другие Чада, поздравляя Галада, сначала пешие, а следом за ними и верховые. На тело Валды никто и не взглянул, за исключением Кашгара, который вытер меч Валды о его уже испачканный кровью плащ, а потом вложил оружие в ножны.

– Куда делся Асунава? – спросил Галад.

– Он уехал сразу, как ты нанес Валде последний удар, – с неловким видом отозвался Дэйн. – Отправился в лагерь Вопрошающих, чтобы вернуться с подкреплением.

– Он ускакал в другую сторону. К границе, – вмешался кто-то еще.

Насад лежал сразу же по ту сторону границы.

– К лорд-капитанам, – произнес Галад, и Тром кивнул:

– Никто из Детей не позволит Вопрошающим арестовать тебя за то, что здесь произошло, Дамодред. Если только ему не прикажет отойти в сторону его капитан. И сдастся мне, кое-кто из них отдаст такой приказ.

Раздались сердитые приглушенные голоса тех, кто не хотел мириться с подобным поворотом событий, но Тром каким-то образом утихомирил всех. Вскинув руки, он громко сказал:

– Вы знаете, что это правда. Что-либо другое расценивается как мятеж. – После таких слов воцарилась мертвая тишина. Среди Детей Света мятежей не бывало никогда. Возможно, никогда ранее не происходило и ничего похожего на то, что случилось с ними сейчас. – Галад, я напишу бумагу, официально освобождающую тебя от обязательств перед Детьми Света. Кто-то все же может отдать распоряжение о твоём аресте, но тебя тогда придется поискать, а у тебя будет заметная фора. Асунаве понадобится по меньшей мере полдня, чтобы нагнать других лорд-капитанов, и тот, кто подержит его, вернется не раньше ночи.

Галад сердито покачал головой. Тром прав, но все неправильно. Слишком многое – неправильно.

– А другие? Для них ты тоже составишь такой документ? Асунава же отыщет способ обвинить и их тоже. А как быть с теми Чадами Света, кто не желает помогать шончан? Которые захватывают наши страны именем человека, мертвого вот уже тысячу лет? – (Несколько тарабонцев переглянулись

и кивнули, и еще несколько, и не все из них были из Амадиции.) – А те, кто защищал Цитадель Света? Какая бумага снимет с них цепи? Заставит шончан не гонять их на работы, будто тягловый скот?

Новые горящие гневом взгляды – для всех Чад Света эти пленники были больной темой.

Скрестив руки на груди, Тром взирает на Галада так, будто увидел его в первый раз:

– Что же ты тогда намерен делать?

– Надо, чтобы Чада нашли кого-то – хоть кого-то! – кто сражается с шончан. Нужно вступить с ними в союз. Убедиться, что Дети Света поскачут на Последнюю битву, а не будут помогать шончан охотиться на Айил и захватывать наши страны.

– Хоть кого-то? – тонким высоким голосом спросил кайриэнец по имени Дойреллин. Над его голосом никому и в голову не приходило шутить. Хоть и низкорослый, Дойреллин отличался мощным телосложением и широкими плечами; в теле у него не было ни унции жира; он мог колоть орехи, вложив их между пальцами и просто сжав кулак. – То есть Айз Седай.

– Если ты хочешь сразиться в Тармон Гай’дон, тогда тебе придется сражаться рядом с Айз Седай, – тихо произнес Галад.

Юный Борнхальд скривился от крайнего отвращения, да и не он один. Байар было выпрямился, но потом вновь скло-

нился над бинтами. Дойреллин медленно кивнул, словно бы раньше никогда не задумывался над таким вариантом действий.

– Мне ведьмы нравятся не больше, чем любому мужчине, – наконец сказал Байар, так и не подняв головы и продолжая возиться с ранами Галада. Он накладывал бинт слой за слоем, но кровь по-прежнему проступала на ткани. – Но Заповеди гласят: чтобы бороться с вороном, можно вступить в союз со змеем, пока не окончится битва.

По собравшимся Чадам пробежала волна, они согласно закивали. Ворон означал Тень, но все знали, что он также – эмблема Шончанской империи.

– Я готов биться вместе с ведьмами, – заявил долговязый тарабонец, – или даже с теми Аша’манами, о которых мы слышали, лишь бы они сражались с шончан. Или в Последней битве. И я готов сразиться с любым, кто скажет, что я не прав. – Он бросал вокруг взоры, исполненные такого огня, будто собирался вступить в бой здесь и сейчас.

– Похоже, дела пойдут так, как будет угодно вам, милорд капитан-командор, – сказал Тром, отвешивая Галаду поклон, причем заметно ниже, чем Валде. – По крайней мере, до какой-то степени. Кто возьмется сказать, что произойдет через час, не говоря уже о завтрашнем дне.

Галад от удивления даже рассмеялся. Со вчерашнего дня он думал, что способность смеяться потерял навсегда.

– Что за глупая шутка, Тром!

– Таков писанный закон. И Валда сам об этом заявил. Кроме того, у тебя достало смелости сказать вслух то, о чем многие думали, прикусив язык, и я в том числе. Твой план для Чад Света – лучший, чем все, о которых я слышал после гибели Пейдрона Найола.

– Но умней от этого шутка не стала.

Что бы там ни гласил закон, на этот параграф не обращали внимания с окончания Столетней войны.

– Посмотрим, что об этом скажут Чада, – ответил Галаду Тром, широко ухмыляясь, – когда ты попросишь их последовать за нами на Тармон Гай’дон, чтобы биться вместе с ведьмами.

Воины вновь принялись похлопывать себя по плечам, громче и сильнее, чем после победы Галада в схватке с Валдой. Поначалу таких было всего несколько, затем к ним присоединились другие, и вот уже все, включая и Трома, выражали свое одобрение словам Галада. Все – кроме одного Кашгара. Отвесив глубокий поклон, салдэйец обеими руками протянул Галаду вложенный в ножны меч. Меч со знаком цапли.

– Отныне он ваш, милорд капитан-командор.

Галад вздохнул. Он надеялся, что это охватившее всех безумие развеется раньше, чем они доберутся до бивака. И без того глупо возвращаться, а уж верх глупости – увенчать вдобавок всю эту историю еще и подобным притязанием. Вероятней всего, их стащат с лошадей и закуют в цепи, если

сразу не забудут насмерть, не утруждая себя возней с оковами. Но он должен идти дальше. Он знал – это правильное решение.

Свет дня только-только начал разгораться этим весенним утром, хотя солнце пока не показалось даже над горизонтом, и Родел Итуралде, поднеся к глазу зрительную трубу с золоченым ободком, принялся внимательно рассматривать деревню у подножия холма, на котором стоял его чалый мерин. Сам же холм находился в центральной части Тарабона. Итуралде было совершенно не по нутру дожидаться, пока рассветет достаточно, чтобы что-то разглядеть. Стараясь не выдать себя отблеском линз, он держал длинную трубу так, что ее дальний конец лежал на большом пальце, а остальные пальцы, сложенные козырьком, накрывали ее сверху. В такой час бдительность дозорных притуплена, часовые обычно испытывают облегчение оттого, что мрак, под чьим покровом может вплотную подобраться враг, мало-помалу отступает. Однако, когда отряд пересек равнину Алмот, до Итуралде доходили слухи о набегах Айил в центральных областях Тарабона. Будь он часовым, который знает, что вокруг рыщут айильцы, то с готовностью обзавелся бы глазами на затылке. Очень странно, что из-за этих Айил страна не превратилась в разворошенный муравейник. Очень странно – и, пожалуй, не предвещает ничего хорошего. Несмотря на то что страну наводнили вооруженные люди – шончанские солда-

ты, присягнувшие Шончанской империи тарабонцы, толпы шончан, занятых строительством ферм и даже деревень, забраться так далеко оказалось едва ли не проще пареной репы. Что ж, сегодня легкой и простой прогулке придет конец.

Позади Итуралде, среди деревьев, нетерпеливо переступали копытами лошади. Сопровождавшая командира сотня доманийцев хранила безмолвие, разве что изредка под кем-то тихо поскрипывало седло, но Итуралде едва ли не осязаемо ощущал охватившее их напряжение. Он пожалел, что с ним всего одна сотня всадников, а не раза в два больше. И не в пять. Поначалу то, что он сам отправился с отрядом, состоящим в большинстве своем из тарабонцев, представлялось хорошей идеей, таким знаком доверия, но теперь Итуралде уже не был уверен, что принял правильное решение. Во всяком случае, винить кого-то поздно.

Деревня Серана занимала ровную травянистую долину меж лесистых холмов, на полпути между Элморой и амадийской границей. Холм, выбранный для наблюдения Итуралде, от деревни отделяли небольшое озерцо, поросшее по берегам камышом, и два впадавших туда широких ручья; с других сторон деревья отстояли от домов по меньшей мере на милю. Днем к такому месту незаметно не подобраться. До появления шончан Серана считалась немаленьким поселением — здесь останавливались направлявшиеся на восток купеческие караваны, и в деревне насчитывалось с дюжину гостиниц и столько же улиц. Селяне уже занялись повсе-

дневными делами, одни женщины шагали по улицам, с привычной ловкостью неся на голове корзины, другие, на задних дворах, разжигали огонь под котлами с грязной одеждой и бельем, а направлявшиеся спозаранок на работу мужчины иногда останавливались перекинуться словами друг с другом. Обычное, ничем не примечательное утро: бегают и играют дети, гоняют обручи и кидают погремушки с сухими бобами. Из кузницы, приглушенный расстоянием, слышался звон наковальни. Дымки над трубами становились жиже – время завтрака миновало.

Насколько Итуралде мог видеть, никто в Серане дважды и не взглянул на три пары часовых в кирасах с намалеванными на них яркими полосами – солдаты разъезжали туда-сюда, пустив лошадей шагом, где-то в четверти мили от окраины деревни. С четвертой стороны ее с успехом защищало озеро, в поперечнике заметно превосходившее саму деревню. Казалось, что часовые давно превратились в привычную деталь обыденного пейзажа, как и лагерь шончан, целиком поглотивший Серану и ставший раза в два больше ее.

Итуралде слегка покачал головой. Он бы не стал разбивать бивак таким образом – бок о бок с деревней. Все крыши Сераны были выложены черепицей, красной, зеленой или синей, а сами дома были деревянными; пожар в деревне с легкостью перекинется на лагерь, где парусиновых шатров, отведенных под склады всевозможных припасов и размерами не уступавших большому дому, было намного больше,

чем куда меньших по величине палаток, предназначенных для ночлега людей, и где громадные штабеля корзин и ящиков и ряды бочек и бочонков занимали раза в два больше места, чем палатки и шатры, вместе взятые. Никакой реальной возможности отвадить нечистых на руку селян. В каждом городке отыщется несколько охочих до чужого добра обывателей, готовых стащить все, что подвернется под руку и что удастся унести, и даже кое-кто из людей почестнее может не устоять перед столь доступными соблазнами и поддаться искушениям. Благодаря такому расположению воду из озера таскать ближе и свободным от караула и служебных дел солдатам будет не так далеко до эля и вина, но это значит, что в отряде у командира заметно хромает дисциплина.

Какой бы слабой ни была дисциплина, но в лагере тоже царило оживление. Хоть у фермера работы по горло, но по сравнению с солдатом он, считай, отдыхает. Люди у длинных коновязей осматривали лошадей, знаменщики проверяли выстроенных рядами солдат, сотни работников загружали или разгружали фургоны, конюхи запрягали лошадей в упряжки. Караваны фургонов, с востока и с запада, каждый день приезжали по дороге в этот лагерь, а другие караваны – отбывали. Итуралде не мог не восхититься умением шончан обеспечить своих солдат всем необходимым там и тогда, когда и где это потребуется. Здесь, в Тарабоне, присягнувшие Дракону – у большинства из них были угрюмые и мрачные лица – пребывали в убеждении, что шончан растоптали их

мечты, и готовы были если не отправиться вместе с Итуралде, то рассказать обо всем, что им известно. В этом лагере хранилось все, от сапог до мечей, от стрел до подков и фляжек, и в количестве достаточном, чтобы с ног до головы снабдить тысячи людей. Потеря для шончан будет весьма ощутима.

Итуралде опустил зрительную трубу, отмахнулся от надоедливо жужжащей у лица зеленой мухи. Ей на смену тотчас явились две другие. В Тарабоне полным-полно мух. Они всегда появляются тут так рано? У него на родине мухи только начнут вылетать в ту пору года, когда он вновь вернется в Арад Доман. Если вернется. Нет – прочь дурные мысли. Когда он вернется. А в ином случае Тамсин рассердится, но ведь вызывать ее недовольство себе дороже, а уж сердить – совсем неразумно.

Большинство людей внизу были не солдатами, а наемными работниками, и из них лишь с сотню были теми самыми шончан. Тем не менее вчера в полдень прискакал отряд в три сотни тарабонцев в раскрашенных полосами доспехах, что потребовало от Итуралде изменить свои планы, – численность противника увеличилась более чем вдвое. На закате в лагерь въехал еще один отряд тарабонцев, столь же многочисленный, – они только успели поужинать и сразу легли спать, отыскав местечко, чтобы расстелить свои одеяла. Свечи и ламповое масло – для солдата роскошь. И еще – в лагере находилась одна из тех женщин, которых шончан держат на

привязи, *дамани*. Как Итуралде хотелось бы иметь возможность дожидаться, пока та не отбудет из лагеря: должны же ее куда-то отвезти, а иначе какой прок держать дамани вместе с припасами? Но сегодня – условленный день, и он не вправе давать тарабонцам повод утверждать, будто он их сдерживал. Кое-кто готов ухватиться за любую причину, чтобы действовать по собственному усмотрению. Он понимал, что долго они за ним идти не будут, но нужно еще на несколько дней удержать при себе как можно больше людей.

Переместив взор на запад, Итуралде и не подумал воспользоваться зрительной трубой.

– Пора, – прошептал он, и, словно бы по его команде, две сотни всадников с кольчужными вуалями на лице галопом выскочили из-за деревьев.

И тотчас же остановились, выделывая курбеты и маневрируя на месте, сверкая сталью копейных наконечников, в то время как их командир носился перед отрядом взад-вперед и бешено жестикулировал в явной попытке придать отряду некое подобие порядка.

С такого расстояния Итуралде не сумел бы различить лиц даже в зрительную трубу, но вполне мог представить искаженные яростью черты лица Торнея Ланасьета, стремящегося доиграть фарс до конца. Коренастый преданный Дракону просто-таки сгорал от желания ввязаться в схватку с шончан. С кем угодно из шончан. Трудно было уговорить его не бросаться в битву с заокеанскими захватчиками в тот же

день, когда они пересекли границу. Вчера, с видимой радостью и облегчением, он наконец-то соскреб со своего стального нагрудника ненавистные полосы, свидетельствующие о его верности шончан. Не важно – до сих пор он выполнял приказы Итуралде неукоснительно.

Когда ближайшие к Ланасьету дозорные поворотили своих лошадей и погнали их к поселку и шончанскому лагерю, Итуралде вновь поднял к глазу зрительную трубу, переключив свое внимание на противника. Часовые обнаружат, что их предостережение излишне. Суета замерла. Кое-кто указывал на всадников на другой стороне деревни, а иные просто взирали на них в остолебнении – и солдаты, и работники. Меньше всего они ожидали вражеского налета. Сколько бы ни ходило слухов о набегам айильцев, шончан считали Тарабон своим, причем надежно защищенным. Быстрый взгляд на деревню – селяне стоят на улицах, глядя на необычных налетчиков. Они атаки тоже никак не ожидали. Итуралде подумал, что шончан правы, но своим мнением он в обозримом будущем ни с кем из тарабонцев делиться не собирался.

Тем не менее потрясение продлилось недолго. Хорошо вымуштрованные солдаты знали, что надо делать: они побежали к своим лошадям, по большей части – еще неоседланным, хотя конюхи уже торопливо принялись за дело. Восемьдесят с лишком шончанских пехотинцев-лучников выстроились в колонну и бегом устремились через Серану. При столь наглядном подтверждении явной угрозы селяне похва-

тали малышей на руки, окриками и тычками загоняя детишек постарше в чаемую безопасность домов. Казалось, прошли какие-то мгновения, и улицы опустели, только между домами быстро двигались лучники в своих сверкающих лаком доспехах и причудливых шлемах.

Итуралде повернул зрительную трубу в сторону Ланасьета и обнаружил, что тот галопом гонит свой конный строй вперед.

– Потише! – прорычал он. – Не спеши.

Вновь ему почудилось, будто тарабонец услышал его команду, – тот наконец-то вскинул руку, останавливая своих людей. По крайней мере они по-прежнему находились где-то в полумиле от деревни. Согласно плану Ланасьет, этот горячий болван, должен был сейчас находиться в миле от поселения, на опушке. Враги же должны посчитать, что легко отбросят его отряд, пребывающий все в том же видимом беспорядке, но и полумили вполне достаточно. Итуралде подавил подсознательное желание потеревить рубиновую серьгу в левом ухе. Сражение началось, и теперь нужно заставить тех, кто следует за тобой в битву, поверить, что ты полностью уверен в себе и совершенно спокоен. А вовсе не жаждешь врезаться от души в лоб предполагаемому союзнику. Чувства, по-видимому, имеют особенность каким-то образом передаваться от командира подчиненным, а рассерженные люди ведут себя глупо, дают себя убить и проигрывают битвы.

Коснувшись мушки в виде полумесяца на щеке – в та-

кой день, как сегодня, мужчина должен предстать в лучшем виде, – Итуралде сделал несколько неспешных, сдержанных вдохов, пока не убедился, что внутренне столь же спокоен, каким выглядит со стороны, потом вновь обратил свое внимание на бивак. Теперь большинство находившихся там тарабонцев были уже в седлах, но они дождались, пока в деревню не прискакали галопом десятка два шончан во главе с рослым малым, – макушку его чудного шлема украшал единственный тонкий белый султан. Затем они пристроились позади шончан, причем те, кто приехал в лагерь вчера на закате дня, замыкали отряд.

Итуралде внимательно разглядывал фигуру во главе колонны, высматривая ее между домами. Единственное перо плюмажа означает, видимо, ранг лейтенанта или подлейтенанта. Что могло означать либо безбородого юнца, который едва начал командовать солдатами и для которого этот пост – первый в жизни, либо седоусого закаленного ветерана, который, если ошибешься, не упустит случая отрубить тебе голову. Как ни странно, дамани, легко опознаваемая по сверкающей серебристой привязи, тянувшейся к другой всаднице, тоже гнала свою лошадь во весь опор, нисколько не отставая от прочих. По всем слухам, дошедшим до Итуралде, эти женщины были пленницами, однако первая, дамани, вела себя столь же решительно, что и та, вторая женщина, *сул'дам*. Возможно...

Вдруг у него перехватило горло, и из головы разом выле-

тели все мысли о дамани. На улице все еще оставались люди – шедшая перед несущейся колонной группа из семи или восьми мужчин и женщин, казалось, даже не слышала раздающийся позади грохот копыт. Даже если бы шончан и захотели остановиться, они не успевали этого сделать, да к чему пытаться? Хорошее оправдание – нападение врага. Но Итуралде показалось, что руки высокого командира, державшие поводья, даже не дрогнули, когда он, а следом и весь отряд, буквально затоптал несчастных. Значит, не мальчишка, а ветеран. Бормоча молитву за души погибших, Итуралде опустил зрительную трубу. На то, что произойдет дальше, лучше смотреть без нее.

Оказавшись шагах в двухстах от деревни, офицер принялся выстраивать свой отряд – там, где уже остановились лучники и где они ждали, наложив стрелы на тетиву. Взмахами руки указав конным тарабонцам позади себя направления перестроения, он повернулся, устремив на Ланасьета взор через зрительную трубу. Солнечные лучи блеснули на металлических накладках трубы. Значит, солнце уже встает. Тарабонцы начали плавно разъезжаться по флангам, посверкивающие острия пик сохраняли тот же наклон, что и прежде. Вымуштрованные солдаты занимали места в строю на флангах, оставляя лучников в центре.

Офицер склонился к сул'дам, о чем-то с ней заговорил. Если он прямо сейчас спустит ее и дамани с поводка, все дело может обернуться катастрофой. Разумеется, все может

кончиться бедой, даже если он и не поступит так. Последние из тарабонцев, те, что приехали позже, стали выстраивать свои ряды шагах в пятидесяти позади остальных, втыкая пики остриями в землю и доставая из притороченных позади седел чехлов короткие кавалерийские луки. Ланасьет, будь он проклят, бросил своих людей на врага. Всадники галопом понеслись в атаку.

На миг повернув голову, Итуралде – достаточно громко, чтобы его слышали воины позади, – произнес:

– Будьте готовы. – Заскрипела кожа седел – всадники подбирали поводья. Потом он коротко еще помолился за мертвых и прошептал: – Сейчас.

Все, как один, триста тарабонцев в длинной шеренге – тарабонцев! – подняли луки и выпустили стрелы. Итуралде не понадобилась зрительная труба, чтобы увидеть, как сул'дам, дамани и офицер вдруг разом ошетинились стрелами. Всех троих едва ли не вынесло с седел – в каждого одновременно вонзилось не меньше десятка стрел. Отдавать подобный приказ Итуралде было больно, но на этом поле боя женщины представляли наибольшую опасность. Другие стрелы из залпа выбили бóльшую часть лучников и оставили без седоков немало лошадей, и не успели еще убитые упасть на землю, как второй залп поразил уцелевших лучников и очистил еще больше седел.

Застигнутые врасплох, шончан и верные им тарабонцы тем не менее решили сразиться с врагом. Некоторые из тех,

кто еще оставался в седлах, развернули коней и, опустив пики, устремились в атаку. Другие, по-видимому охваченные безрассудным порывом, что случается в сражении с людьми, отбросили пики и попытались достать свои кавалерийские луки. Но по ним хлестнул третий залп – на такой дистанции клиновидные наконечники стрел пробивали кирасы и нагрудники, и вдруг оставшиеся в живых как будто соображали, что в живых остались лишь они. Их товарищи лежали неподвижно на земле или же пытались подняться, несмотря на вонзившиеся в тело две-три стрелы.

Уцелевших конников противник теперь превосходил числом. Несколько человек развернули лошадей, и спустя считанные мгновения большинство из уцелевших бежали на юг, а вслед им ударил последний ливень стрел, еще больше проредивший ряды.

– Хватит, – пробормотал Итуралде. – Стоять, и ни с места.

Кое-кто из конных лучников все же выпустил еще по одной стреле, но остальные благоразумно сдержали свой порыв. Пока вражеские солдаты в пределах досягаемости, можно убить еще нескольких, но этот отряд разгромлен, а стрелы вскоре у самих наверняка пойдут наперечет. Но что лучше всего – никому не взбрело в голову броситься в погоню.

Чего нельзя сказать о Ланасьете. Он со своими двумя сотнями погнался за убежавшими – только плащи развевались на ветру. Итуралде почудилось, будто он слышит, как они улюлюкают и вопят, точь-в-точь охотники, преследующие

загнанного зверя.

– Думаю, милорд, мы в последний раз видели Ланасьета, – промолвил Джаалам, осаживая своего серого подле Итуралде.

Тот едва пожал плечами:

– Пожалуй, мой юный друг. Может, он еще придет в себя. В любом случае у меня и в мыслях никогда не было, что тарабонцы намерены вернуться с нами в Арад Доман. А у тебя?

– Нет, милорд, – отозвался тот, – но я думал, что его честь выдержит испытание в первом бою.

Итуралде поднял зрительную трубу, высматривая Ланасьета, по-прежнему несущегося галопом. Что ж, он ускакал в неизвестность, и в высшей степени маловероятно, что к этому сумасшедшему вернется разум. Итуралде лишился трети отряда – с тем же успехом их могла убить дамани. Он же рассчитывал, что у него есть еще несколько дней. Значит, необходимо снова пересмотреть планы, возможно, выбрать другую цель.

Выбросив мысли о Ланасьете из головы, Итуралде направил зрительную трубу туда, где лошади затоптали людей, и удивленно крикнул. Он не увидел там избитых копытами тел. Должно быть, выбежавшие друзья и соседи унесли их прочь, хотя в преддверии неминуемого сражения на околице деревни это казалось столь же вероятным, как если бы пострадавшие сами встали и ушли восвояси после того, как по ним проскакали лошади.

– Пора сжечь все эти замечательные шончанские склады, – сказал Итуралде. Засунув подзорную трубу в пристегнутый к седлу кожаный футляр, он надел шлем и послал Верного вниз по склону холма. Следом за ним, колонной по два, ехали Джаалам и остальные. Колеи от фургонных колес и разбитые берега указывали на брод через восточный ручей. – И, Джаалам, скажи нескольким людям, чтобы предупредили селян: пусть забирают, что им дорого, и уходят. Начиная с тех домов, что ближе всего к лагерю.

Там, где огонь идет в одну сторону, он может пойти и в другую, а скорей всего, так и будет.

По правде говоря, он уже запалил нешуточный пожар. По крайней мере, раздул первые уголья. Если будет милостив к нему Свет, если никого не обуяло излишнее рвение и никто не поддастся отчаянию при виде того, как шончан крепко держат в своих лапах Тарабон, если никого не постигнет несчастный случай, способный разрушить самый лучший и тщательно выстроенный план, тогда все отряды в Тарабоне, а это около двадцати тысяч человек, до исхода сегодняшнего дня нанесут удары навроде этого. И завтра они нападут снова. Теперь Итуралде остается лишь совершить через Тарабон рейд более чем в четыре сотни миль, избавляясь понемногу от принявших Дракона тарабонцев и собирая своих людей, а затем нужно вновь пересечь равнину Алмот. Если осияет его Свет, то разожженный им пожар хорошенько подпалит шончанскую шкуру, достаточно, чтобы, рассвире-

пев, они в ярости кинулись за ним в погоню. И, как надеялся Итуралде, разозлятся шончан не на шутку. Тогда они очертя голову бросятся за ним и угодят напрямик в расставленную им ловушку, даже не заметив ее. Если шончан не станут его преследовать, тогда он хотя бы очистит свою родную страну от тарабонцев и добьется от принявших Дракона доманийцев, чтобы они, вместо того чтобы сражаться против него, сражались за короля. А если же шончан заметят ловушку...

Скача вниз по холму, Итуралде улыбался. Если шончан заметят ловушку, то у него уже есть наготове другой план, а если понадобится, то найдется еще один. Он всегда отличался предусмотрительностью и всегда составлял планы с учетом всех случайностей и обстоятельств, какие только мог себе представить, за исключением того, что Дракон Возрожденный самолично возникнет вдруг перед ним. Итуралде решил, что тех планов, что он уже разработал, на данный момент вполне хватает.

Верховная леди Сюрот Сабелле Мелдарат лежала без сна в своей постели, уставившись в потолок. Луна зашла, и трехарочные окна, смотревшие в дворцовый сад, были темны, но ее глаза привыкли к сумраку, и она различала по крайней мере очертания орнамента, которым была расписана многокрасочная штукатурка. До рассвета оставалось не больше часа-двух, однако ей не спалось. После исчезновения Туон большую часть ночей Сюрот проводила без сна, лежа всего

лишь под тонкой шелковой простыней и засыпая лишь тогда, когда от усталости закрывались веки, как она ни старалась удержать глаза открытыми. Сон рождал кошмары, которые ей хотелось забыть. В Эбу Дар никогда не бывало по-настоящему холодно, но по ночам сохранялось немного прохлады, и этой малости хватало, чтобы не дать ей уснуть. Вопрос, который заражал страхом ее сны, был прост и жесток. Жива Туон или нет?

Побег дамани из Ата'ан Миэйр и убийство королевы Тайлин заставляли склоняться к версии о смерти Туон. Три события огромной важности, случайно произошедшие в одну ночь, – слишком тревожное совпадение, и первые два ужасали и сами по себе, указывая на то, что с Туон случилось самое худшее. Кто-то пытается сеять страх среди *Райагел*, «Тех, кто возвращается домой», вероятно, для того, чтобы сорвать Возвращение. Что же лучше послужит этой цели, как не убийство Туон? Что хуже, тут может быть замешан кто-то из своих. Поскольку Туон сошла на берег под вуалью, никто из местных не мог знать, кто она такая. Тайлин, вне всяких сомнений, убита посредством Единой Силы, наверняка это сул'дам и ее дамани. Сюрот ухватила за мысль, что во всем виноваты Айз Седай, но рано или поздно кто-то, от кого не отмахнешься, задастся вопросом: как одна из этих женщин, пресловутых Айз Седай, смогла проникнуть во дворец, полный дамани, да еще в городе, полном дамани, и притом остаться необнаруженной? А чтобы снять ошейник с дамани

из Морского народа, нужна хотя бы одна сул'дам. И одновременно со всеми этими событиями невесть куда пропали две сул'дам, которые принадлежали самой Сюрот.

В любом случае пропавшими их стали числить два дня спустя, и их не видел никто с той ночи, как исчезла Туон. Сюрот не верила, что те причастны к исчезновению Туон, хотя тогда они должны были находиться в отведенных дама-ни каморках. Прежде всего, она не могла представить, чтобы Ринна или Сита сняла ошейник с дамани. Наверняка у них нашлись веские причины, побудившие их тайком улизнуть и попытать счастья где-то подальше отсюда, у кого-то, кому неведом их мерзкий секрет, у кого-то наподобие этой Эгинин Тамарат, которая похитила парочку дамани. Очень странно – ведь совсем недавно ее возвысили до Высокородной. Странно, но это и не важно: все равно Сюрот не понимала, каким образом Эгинин можно связать со всем прочим. Вероятно, женщина сочла, что тяготы и сложности службы тех, кто возведен в ряды знати, чересчур обременительны для простого моряка. Что ж, рано или поздно ее отыщут и арестуют.

Важный факт, таящий для Сюрот смертельную опасность, – это исчезновение Ринны и Ситы, и никто не в состоянии сказать, когда они пропали. Если кто-то заметит, что их бегство по времени очень близко к критическому моменту, и сделает из этого неверное заключение... И если этот «кто-то» не испытывает к Сюрот добрых чувств... Верховная леди закрыла глаза ладонями и медленно выдохнула, и выдох

едва не превратился в стон.

Даже если в случае гибели Туон удастся уберечься от подозрений в ее убийстве, то тогда от Сюрот потребуют лично принести извинения императрице, да живет она вечно. За гибель официальной наследницы Хрустального трона ее извинения затянутся надолго и будут столь же болезненными, как и унижительными; завершиться все может казнью, а то еще случится худшее – ее отправят на торги и выставят на продажу как собственность. Вряд ли, конечно, дело обернется так, но в кошмарах подобный поворот событий Сюрот снился часто. Рука ее скользнула под подушки, коснулась спрятанного там обнаженного кинжала. В длину клинок чуть превосходил ее ладонь, но остро отточенное лезвие способно запросто вскрыть вены, желательно в теплой ванне. Если для Сюрот придет время извиняться, то до Шондара она не доживет. Возможно, бесчестье, павшее на ее имя, окажется немного меньше, если достаточно людей сочтут, что сам этот поступок является извинением. Она оставит письмо, где все и объяснит таким образом. Должно сработать.

Тем не менее остается шанс, что Туон до сих пор жива, и Сюрот цеплялась за эту мысль. Убить Туон и скрытно вынести тело – это тайный заговор, нити которого ведут в Шончан, к какой-то из уцелевших сестер, жаждущих трона, однако Туон не раз и не два устраивала собственное исчезновение. И в подтверждение этого соображения такой факт – девять дней назад *дер'сул'дам* Туон вывезла всех принадле-

жавших девушке сул'дам и дамани за пределы города, якобы для тренировок, и с тех пор никто из них обратно так и не возвратился. Вряд ли на занятия с дамани требуется девять дней. И только сегодня – хотя нет, уже вчера, ведь минуло добрых несколько часов, – Сюрот прознала, что капитан телохранителей Туон тоже покинул город девять дней назад и взял с собой внушительный отряд своих воинов. Он тоже еще не вернулся. Слишком много для случайных совпадений, практически неопровержимое доказательство. По крайней мере, этого почти достаточно для надежды.

Однако каждое из исчезновений Туон в прошлом было частью борьбы Туон за то, чтобы добиться одобрения императрицы, да живет она вечно, и стать назначенной наследницей. Всякий раз кто-то из числа сестер-соперниц Туон совершал – вынужденно или набравшись смелости – поступки, которые после возвращения Туон выставляли их в дурном свете и служили ее возвышению. Какая же теперь необходимость у Туон в подобных стратагемах, да еще здесь? Как Сюрот ни ломала голову, ни напрягала извилины, за пределами Шончан она не могла отыскать достойной цели. Она даже рассмотрела возможность, что сама является мишенью затейной интриги, но размышляла над этим недолго и лишь потому, что никто другой не приходил на ум. Туон могла бы лишить Сюрот положения в Возвращении всего тремя словами. Ей достаточно было лишь снять вуаль – здесь, во главе Возвращения, Дочь Девяти Лун говорила бы устами самой

императрицы. Даже тени подозрения, что Сюрот – Ата’ан Шадар, кого по эту сторону океана Арит зовут приспешниками Темного, хватило бы, чтобы Туон передала ее Взыскующим для допроса. Нет, у Туон должна быть какая-то иная цель, кто-то другой или что-то другое. Если девушка до сих пор жива. Но она должна быть жива! Умирать Сюрот ой как не хотелось. Она потрогала пальцем клинок.

Кто или что у Туон на уме, не имеет значения, за исключением того, что это – ниточка к ее нынешнему возможному местопребыванию, но только это и было крайне важным. Безмерно важным. Несмотря на сделанное объявление о предпринятой Туон длительной инспекционной поездке, среди Высокородных уже поползли шепотки, будто она мертва. Чем дольше Туон остается пропавшей, тем большую силу наберут эти слухи, а с ними сильнее станет давление на Сюрот, чтобы она отправилась обратно в Шондар, дабы принести свои извинения. Сопротивляться нажиму можно лишь до тех пор, пока Сюрот не признают *сей’мосив*, причем настолько низким будет падение, что повиноваться ей станут лишь ее собственные слуги и принадлежащая ей собственность. Взор ее не будет отрываться от земли. Высокородные низших рангов, не говоря уже о высших, а то и простолюдины откажутся разговаривать с нею. А потом, каковы бы ни были собственные желания Сюрот, она неминуемо и очень скоро обнаружит себя на корабле, плывущем в Шондар.

Не приходится сомневаться, Туон вряд ли понравится, ес-

ли ее отыщут, однако, по-видимому, маловероятно, что ее неудовольствие зайдет так далеко, чтобы Сюрот подвергли бесчестью и вынудили взрезать запястья; следовательно, Туон необходимо разыскать. Каждый Взыскующий в Алтаре занимался ее поисками – по крайней мере, те, о которых Сюрот известно. Взыскующие, которые подчинялись Туон, не входили в число известных Сюрот, однако они должны были вести розыски с удвоенным рвением. Если только они не посвящены в ее тайну. Но за семнадцать дней удалось вызнать лишь нелепую историю, будто Туон вымогала украшения у ювелиров, и эта байка известна каждому простому солдату. Может быть...

Дверь под аркой, ведущая в переднюю, начала медленно приоткрываться, и Сюрот зажмурила правый глаз, чтобы сберечь ночное зрение от света, хлынувшего в расширяющуюся щель. Когда дверь отворилась достаточно, чтобы пропустить человека, через порог в спальню скользнула светловолосая женщина в просвечивающем платье *да'ковале* и тихо прикрыла за собой створку. Комната вновь погрузилась в непроглядную темень. До тех пор, пока Сюрот снова не открыла глаз и не различила медленно двигавшуюся к ее кровати смутную фигуру. И еще одна тень, громадная, вдруг выросла в углу комнаты – это бесшумно поднялся на ноги Алмандарагал. В одно мгновение *лопар* мог пересечь комнату и схватить глупую женщину за шею, но Сюрот все равно стиснула рукоять кинжала. Всегда мудро иметь вторую линию

обороны, даже когда первая кажется неуязвимой. Не дойдя шага до кровати, да'ковале остановилась. Ее взволнованное дыхание громко слышалось в тишине.

– Смелости набираешься, Лиандрин? – резким тоном спросила Сюрот. Ей не составило труда узнать вошедшую по медового цвета волосам, заплетенным в тонкие косички.

Сдавленно пискнув, да'ковале рухнула на колени и склонилась ниц, уткнувшись лицом в ковер. Ладно хоть столько сумела усвоить.

– Я не хотела ничего плохого, верховная леди, – солгала она. – Вы же знаете, что нет. – Голос у нее был напряженный, хриплый от замешательства и страха. Судя по всему, научить ее тому, когда нужно говорить, а когда нет, ничуть не легче, чем обучить разговаривать с должным почтением. – Мы обе обязаны служить Великому повелителю, верховная леди. Разве я не доказала, что могу быть полезной? Ведь я избавила вас от Алвин, разве не так? Вы сказали, верховная леди, что желаете ее смерти, и я устранила ее.

Сюрот поморщилась во мраке и села, простыня соскользнула на колени. Так легко забыть о присутствии рядом да'ковале, даже этой да'ковале, и с языка слетают слова, которые не стоит произносить вслух. Алвин не представляла опасности, просто была досадной помехой, неудобной на своем месте глашатая Сюрот. Алвин достигла всего, чего когда-либо только желала, и вероятность того, что она рискнет потерять все, чего добилась, была столь же крохотна, как и возмож-

ность малейшего предательства с ее стороны. Да, верно, Сюрот испытала бы небольшое облегчение, узнав, что причина ее раздражения упала с лестницы и свернула себе шею, но отравить Алвин – отчего у той глаза вылезли из орбит и посинело лицо – это совсем другое дело. Такое происшествие при дворе Сюрот не могло пройти мимо внимания Взыскующих, пусть даже и занятых поисками Туон. Сюрот была вынуждена настоять на расследовании, ведь жертвой убийства стала ее глашатай. Среди челяди наверняка есть Слухачи, и Сюрот мирилась с этой неизбежностью; при дворе каждой видной знатной особы найдутся Внимающие императрицы. Но Взыскующие не просто и не только слушают, они способны обнаружить то, что должно оставаться сокрытым.

Чтобы замаскировать свой гнев, Сюрот потребовалось приложить на удивление немалые усилия, и тон ее оказался куда холоднее, чем она хотела:

– Надеюсь, Лиандрин, ты разбудила меня вовсе не для того, чтобы вновь умолять.

– Нет, верховная леди, нет! – Дуреха подняла голову и в самом деле посмела поднять на Сюрот свой взгляд. – От генерала Галгана прибыл офицер. Он ждет, чтобы сопроводить вас к генералу.

В висках у разъяренной Сюрот застучала кровь. Эта женщина посмела промешкать и не сразу передать послание от Галгана, да еще и смотрела ей в глаза? Пусть она подняла на нее взор в темноте, однако верховную леди обуяло нестерпи-

мое желание придушить Лиандрин голыми руками. Еще одна смерть, случившаяся почти сразу же после убийства Алвин, только обострит интерес Взыскующих к происходящему при дворе Сюрот, если они об этом пронюхают, но Эльбар без труда сумеет избавиться от тела – он мастер на такие штуки.

Впрочем, есть одно «но» – Сюрот испытывала огромное наслаждение при мысли, что у нее в собственности находится бывшая Айз Седай, которая когда-то столь надменно вздумала вести себя с ней. Превратить ее в идеальную да'ковале, совершенную во всех отношениях, будет громадным удовольствием. Однако пора надеть на женщину ошейник. Уже поползли досадные, пусть и смутные слухи, будто среди слуг Сюрот есть *марат'дамани* без ошейника. Удивления хватило на двенадцать дней, когда сул'дам обнаружила, что ее каким-то образом оградили щитом и что она не способна направлять Силу, однако как тогда отвечать на вопрос о том, почему необузданную не посадили на привязь раньше? Пожалуй, Эльбару стоит отыскать среди сул'дам пару-тройку Ата'ан Шадар. Простой задачей это никогда не было – как ни странно, сравнительно немногие сул'дам становились на сторону Великого повелителя, – а отныне Сюрот не могла полагаться ни на одну сул'дам, но, вероятно, Ата'ан Шадар доверять можно больше, чем остальным.

– Засвети две лампы, затем принеси мне халат и комнатные туфли, – сказала Сюрот, перекидывая ноги через край

кровати.

Лиандрин поползла к столику, где на позолоченном треножнике стояла песочница с крышкой, и зашипела сквозь зубы, больно ударившись об него рукой, но она споро выхватила щипцами горячий уголек, раздула его и зажгла две посеребренные лампы, подправив фитили так, чтобы пламя горело ровно и не дымило. По разговору можно было бы предположить, что она считает себя ровней Сюрот, а не ее собственностью, однако ремень научил ее подчиняться приказам не мешкая и в точности.

Взяв одну лампу и повернувшись, Лиандрин вздрогнула и сдавленно вскрикнула, увидев в углу неясную фигуру Алмандарагала; его темные глаза, окруженные складками морщин, в упор смотрели на женщину. Можно подумать, она его раньше никогда не видела! Однако вид Алмандарагала внушал страх: он был десяти футов ростом и почти две тысячи фунтов весом, лишенная шерсти шкура напоминала красновато-коричневую кожу, лопар сгибал и разгибал свои шестипалые передние лапы, выпуская и вновь пряча когти, выпуская и пряча.

– Спокойно, – подала Сюрот лопару знакомую команду.

Но тот сначала широко оскалил пасть, показав острые зубы, и только потом улегся обратно на пол, опустив, точно собака, свою громадную голову на передние лапы. Однако вновь глаза закрывать не стал. Лопары – животные умные, и Алмандарагал доверял Лиандрин не больше, чем ей дове-

ряла Сюрот.

Несмотря на испуганные взоры, бросаемые на Алмандарагала, да'ковале быстро принесла из высокого резного шкафа синие бархатные туфли и белый шелковый халат, причудливо расшитый зелеными, синими и красными нитями. Она держала халат на вытянутых руках, чтобы Сюрот просунула руки в рукава, но той пришлось самой завязать длинный пояс и вытянуть ногу – лишь тогда нерадивая вспомнила, что необходимо опуститься на колени и обуть госпожу. Мало того что эта женщина смеет смотреть прямо в глаза, так она совершенно ничего не умеет и не знает!

В слабом свете Сюрот осмотрела свое отражение в высоком золоченом зеркале у стены. Запавшие глаза обведены темными кругами от усталости, хвост прически-гребня свисает на спину, свободно заплетенный на ночь в косичку, а выбритой голове, несомненно, не помешала бы бритва. Очень хорошо. Посланец Галгана решит, что она убита горем из-за исчезновения Туон, и это будет вполне правдоподобно.

Впрочем, прежде, чем выслушать гонца от генерала, Сюрот необходимо уладить одно дельце.

– Лиандрин, бегом отправляйся к Росале. Попроси ее как следует тебя отстегать.

Тонкогубая да'ковале, оторопев, раскрыла маленький ротик, глаза от потрясения округлились.

– Но почему? – заскулила она. – Я... я же ничего не сделала!

Руки Сюрот были заняты – она покрепче затягивала узел на поясе, а иначе не удержалась бы и ударила бы нерадивицу. Сюрот пришлось бы с месяц ходить, потупив глаза, если бы стало известно, что верховная леди самолично ударила да'ковале. Определенно, она не обязана давать никаких объяснений собственности, однако, как только обучение Лиандрин будет совершенно закончено, у Сюрот больше не будет таких возможностей, чтобы запечатлеть у этой женщины на лице, сколь глубоко она пала.

– Потому что ты задержалась с сообщением о посланце генерала. Потому что ты по-прежнему смеешь называть себя «я», а не «Лиандрин». Потому что посмела посмотреть мне в глаза. – Сюрот не сдержалась, и эти слова просто-таки прошипела. Лиандрин с каждым словом съеживалась все больше и теперь уткнулась взглядом в пол, словно бы это могло уменьшить ее проступок. – Потому что ты обсуждаешь мои приказы, вместо того чтобы им повиноваться. И последнее – последнее, но наиболее важное для тебя, – потому что я желаю, чтобы тебе задали взбучку. А теперь беги и перечисли Росале все эти причины, чтобы она хорошенько тебя отстегала.

– Лиандрин слушает и повинуетя, верховная леди, – прохныкала да'ковале, наконец-то хоть что-то уяснив верно, а потом метнулась к дверям так стремительно, что на бегу потеряла белую туфлю.

Слишком перепуганная, чтобы возвращаться за потерей,

или даже не заметив ее, – и коли так, то это очень хорошо для нее, – Лиандрин судорожным рывком открыла дверь и вылетела прочь.

Отправив собственность для наказания, Сюрот не должна была испытывать чувства удовлетворения, но никуда не денешься – так оно и было. О да, она испытывала огромное удовлетворение.

Сюрот помедлила несколько мгновений, восстанавливая контроль над дыханием. Появиться со скорбным видом – одно, выйти же взволнованной – совсем другое. Ее вывела из себя Лиандрин, мешали сосредоточиться крайне неприятные воспоминания о ночных кошмарах, страхи о судьбе Туон и еще бо́льшие – о собственной участи, но сразу же, как лицо в зеркале обрело выражение ничем не поколебленного спокойствия, Сюрот вышла из комнаты вслед за да́ковале.

Переступив порог своей спальни, она оказалась в передней, декорированной в кричаще-безвкусной манере Эбу Дар: голубой потолок с нарисованными облаками, желтые стены и выложенный желтыми и зелеными плитками пол. Сюрот распорядилась убрать прежнюю мебель, но излишнюю броскость декора не сумели приглушить даже ее собственные высокие ширмы с изображениями цветов и птиц, расписанные, за исключением двух, лучшими художниками. Заметив, что наружная дверь оставлена открытой – скорей всего, убежавшей Лиандрин, – Сюрот тихонько зарычала сквозь зубы, но сразу же выбросила мысли о да́ковале из головы и все свое

внимание обратила на мужчину, стоявшего в передней и рассматривавшего ширму с изображением корри – громадной пятнистой кошки из Сен Т'джоре. Долговязый, с легкой сединой, в доспехе с сине-желтыми полосами, он плавно повернулся, заслышав тихие шаги верховной леди, и опустился на одно колено, хотя и был простолюдином. На шлеме, что он держал под мышкой, красовалось три тонких синих пера. Значит, послание должно быть важным. Разумеется, оно должно быть важным, коли Сюрот побеспокоили в такой час. Для такого случая она разрешит ему поступиться правилами. На сей раз.

– Верховная леди, я – знаменный генерал Микхел Наджира. Примите приветствия от капитан-генерала Галгана. Он получил сообщения из Тарабона.

Несмотря на все самообладание Сюрот, брови ее поползли вверх. Тарабон? В Тарабоне же безопасно, как в самом Шондаре. Машинально она изогнула пальцы, но сообразила, что еще не подыскала замену Алвин. С гонцом ей придется разговаривать самой.

Испытываемое раздражение прорвалось суровостью в голосе Сюрот, и она и не подумала смягчить тон. Склониться на колено – вместо того, чтобы простереться ниц!

– Какие сообщения? Если меня разбудили из-за известий об Айил, знаменный генерал, то я буду недовольна.

Ее тон ничуть не напугал посланца. Он даже приподнял взгляд, едва ли не встретившись с ней глазами.

– Не об Айил, верховная леди, – спокойно промолвил он. – Капитан-генерал Галган желает сам вам все рассказать, так что вы услышите обо всем точно и в подробностях.

На миг у Сюрот перехватило дыхание. Или же Наджира просто не хочет излагать ей содержание тех сообщений, или же ему приказали так поступить, в любом случае его слова не предвещали ничего хорошего.

– Проводите, – приказала она, потом величаво покинула комнату, не дожидаясь офицера и изо всех сил стараясь не замечать пару Стражей Последнего часа, статуями замерших в коридоре по обе стороны двери.

От «чести», что ее охраняют эти воины в красно-зеленых доспехах, у Сюрот по спине мурашки побежали. После исчезновения Туон она старалась вообще на них не смотреть.

Вдоль коридора тянулись ряды золоченых высоких светильников, пламя которых дрожало в заблудившихся сквозняках. Огненным язычкам вторили качающиеся в слабых воздушных токах гобелены с изображениями кораблей и морских волн. В коридоре никого не было, не считая несколько дворцовых ливрейных слуг, торопящихся в столь ранний час по каким-то неотложным делам. И почему-то они сочли, что ее достаточно приветствовать низкими поклонами и реверансами. И всегда они смотрели прямо на нее! Наверное, стоит переговорить с Бесланом? Но нет – новый король Алтары теперь был ровней Сюрот, во всяком случае по закону; впрочем, она сомневалась, что он заставит своих

слуг вести себя надлежащим образом. Сюрот шла и смотрела прямо перед собой – таким образом ей не придется замечать, как ее оскорбляют слуги.

Наджира, быстро нагнав ее, зашагал рядом, его сапоги звучно стучали по чересчур ярким синим плитам пола. По правде говоря, провожатый ей был ни к чему. Она знала, где нужно искать Галгана.

Некогда комната была танцевальным залом – квадратное помещение тридцать на тридцать шагов, где пол выложен зелеными плитками, а на расписном потолке среди облаков и волн самым прихотливым образом резвились причудливые рыбы и птицы. И теперь о первоначальном предназначении комнаты напоминал только потолок. Вдоль бледно-красных стен стояли светильники с отражающими свет пламени экранами, висели полки, заставленные переплетенными в кожаные обложки сообщениями и докладами. Писцы в коричневых одеждах сновали по проходам между длинными, заваленными картами столами. Юная девушка в офицерском звании подлейтенанта, на чьем красно-желтом шлеме не было ни одного пера, пробежала мимо Сюрот, ни единым движением не продемонстрировав намерения пасть перед нею ниц. Писцы же попросту пятились прочь, уступая дорогу верховной леди. Слишком много воли дал Галган своим подчиненным. Генерал утверждал, будто излишние церемонии «в неподходящее время» – так он об этом отзывался – не идут на пользу делу и плохо сказываются на эффективности;

сама же Сюрот называла подобное наглостью.

Лунал Галган – высокий мужчина в красном халате, богато расшитом птицами с яркими перьями, его снежно-белые волосы, выстриженные гребнем, на затылке были заплетены в тугую, но неаккуратную косичку, свисавшую чуть ниже плеч, – стоял у стола почти в центре комнаты. Его окружала группа других офицеров высокого ранга, некоторые из них были в кирасах, другие – в халатах и выглядели почти столь же растрепанными, что и Сюрот. Похоже, не к ней первой Галган отправил посыльного. Сюрот не без труда сумела сдержаться, не позволив гневу отразиться на лице. Галган приплыл вместе с Туон и Возвращением, и, таким образом, Сюрот мало знала о нем, не считая того, что его предки были в числе первых, кто выступил в поддержку Лютейра Пейн-драга, и что Галган заслужил репутацию умелого солдата и хорошего полководца. Что ж, репутация иногда вполне соответствовала действительности. Ей же он не нравился исключительно сам по себе.

При приближении верховной леди Галган повернулся и церемонно возложил ладони ей на плечи, поцеловал в обе щеки, так что она была вынуждена ответить ему на приветствие, в то же время стараясь не кривить нос от сильного мускусного аромата, которому тот отдавал предпочтение. Лицо Галгана оставалось спокойным, хотя точно судить не позволяли морщины, но Сюрот показалось, что она уловила тень тревоги в его голубых глазах. Многие стоявшие позади него

мужчины и женщины, принадлежавшие главным образом низшим благородным и простолюдинам, не скрывали хмурым озабоченности.

Большая карта Тарабона, разложенная на столе перед Сюрот и придавленная по углам четырьмя лампами, давала существенный повод для беспокойства. Карту испещряли значки и отметки: красные клинья шончанских войск на марше и красные звезды войск, стоящих гарнизонами, каждый знак сопровождался маленьким бумажным флажком, на котором чернилами была выписана численность и состав отрядов. Разбросанные по карте – по всей карте! – черные диски обозначали боевые столкновения. Еще больше на карте лежало белых дисков, которые отмечали положение вражеских сил, причем многие из них не имели флажков. Откуда в Тарабоне вообще появились враги? Там же безопасно, как...

– Что случилось? – требовательным тоном спросила Сюрот.

– Около трех часов назад от лейтенант-генерала Турана стали прибывать *ракены* с докладами, – начал неофициальным тоном Галган. Всем видом и тоном он подчеркивал, что сам делится важными известиями. Многозначительный факт. Генерал продолжал говорить, глядя на карту и даже взгляда не бросив в сторону Сюрот. – Сообщения не полны – каждое новое добавляет к предыдущим, – но общую картину я понимаю так. Начиная со вчерашнего рассвета семь главных лагерей снабжения подверглись нападению и

сожжены наряду с двумя дюжинами подобных лагерей поменьше. Атаковано двадцать караванов с припасами и снаряжением, фургоны со всем содержимым преданы огню. Семнадцать сторожевых застав уничтожено, от одиннадцати дозоров нет докладов, и еще вдобавок сообщено о пятнадцати стычках. Также произошло несколько нападений на наших переселенцев. Людских потерь очень мало, главным образом погибли те, кто пытался защитить свою собственность, но сожжено значительное число фургонов и много запасов, а также некоторые частично построенные дома. И повсюду нападавшие оставляют одно и то же сообщение: покиньте Тарабон. Все это осуществляли отряды численностью примерно от двух до пяти сотен человек. Итого, оценивая по минимуму, – десять тысяч, а вероятнее, вдвое больше, почти все – тарабонцы. Ах да, – небрежно закончил он, – у большинства были доспехи с нарисованными полосами.

Сюрот испытывала огромное желание заскрежетать зубами. Галган командовал войсками Возвращения, однако она стояла во главе Предвестников и в таком качестве обладала более высоким рангом, несмотря на его гребень волос и покрытые красным лаком ногти. Она подозревала, что, едва сойдя на берег, он не заявил о том, что Предвестники должны быть влиты в Возвращение, по одной-единственной причине: заняв ее место, Галган вынужден был бы принять на себя ответственность за безопасность Туон. А заодно и обязанность принести извинения, если с ней что случится. Сло-

во «неприязнь» для характеристики чувств Сюрот к Галгану было слишком мягким. Она Галгана ненавидела.

– Бунт? – сказала Сюрот, гордая спокойной холодностью своего голоса. Внутри же ее просто-таки жгло от ярости.

Белая косичка Галгана медленно качнулась из стороны в сторону, когда он помотал головой.

– Нет. Во всех докладах говорится, что наши тарабонцы сражались очень хорошо, и у нас были отдельные успехи, захвачены пленные. Никого из них не найдешь в списках лояльных тарабонцев. Нескольких опознали как преданных Дракону, которые будто бы действуют в Арад Домане. И много раз упоминалось имя человека, кто возглавляет все это и чей ум за всем этим стоит, – Родел Итуралде. Доманиец. Считается одним из лучших военачальников по эту сторону океана, и если он спланировал и осуществил все это, – Галган провел рукой над картой, – тогда, я считаю, он вполне достоин своей репутации. – (Этот дурак как будто бы восхищается!) – Нет, это не бунт. Широкомасштабный рейд. Но обратно он уйдет с меньшим числом людей, чем привел с собой сюда.

Преданные Дракону. Эти слова словно бы кулак вбили в глотку Сюрот.

– Там есть Аша’маны?

– Те парни, что способны направлять Силу? – Галган поморщился и сделал рукой охранительный знак ото зла, по видимому сам того не заметив. – О них упоминаний нет, –

отметил он сухо, – и я все же склонен думать, что они там были.

Вскипевшая ярость должна была вулканом извергнуться на Галгана, но кричать на кого-то из Высокородных высшего ранга значило бы потерять лицо. И, что ничем не лучше, не дало бы ничего. Тем не менее гнев требовалось на что-то излить, куда-то направить. Ему надо дать выход. Сюрот гордилась тем, что сделала в Тарабоне, а теперь страну словно бы отбросили обратно к тому хаосу, в каком она нашла ее, впервые высадившись здесь с корабля. И винить за это нужно одного человека.

– Этот Итуралде... – Голос верховной леди был ледяным. – Мне нужна его голова!

– Не беспокойтесь, – пробормотал Галган, складывая руки за спиной и склоняясь над картой, внимательно вглядываясь в значки на бумажных флажках. – Ждать придется недолго, и скоро Туран прогонит его, заставив поджать хвост между ног, обратно в Арад Доман. А при удаче он окажется в каком-то из тех отрядов, что мы сумеем настичь.

– При удаче? – резко переспросила Сюрот. – Я не стану полагаться на удачу! – Теперь она открыто разгневалась, причем и не думала вновь загонять свой гнев вглубь. Взгляд Сюрот рыскал по карте, словно бы она могла увидеть там Итуралде. – Если Туран отслеживает сотню отрядов, как вы предполагаете, ему, чтобы их настичь, понадобится больше разведчиков, а я хочу, чтобы их нашли и настигли. Всех до едино-

го. В особенности Итуралде. Генерал Йулан, я хочу, чтобы четыре из каждых пяти... нет, девять из каждых десяти ракенов в Алтаре и Амадиции были переброшены в Тарабон. Если, получив их, Туран не сумеет отыскать всех нападавших, тогда он может проверить, удовлетворюсь ли я его собственной головой.

Йулан, темнокожий низенький мужчина, в голубом халате, расшитом черногребенными орлами, должно быть, одевался в большой спешке и поэтому не успел воспользоваться клеем, которым обычно закреплял на голове парик, потому что постоянно проверял, правильно ли тот лежит. У Предвестников Йулан был капитаном воздуха, но капитаном воздуха Возвращения был едва ли не престарелый генерал знамени, но старик умер во время плавания. С ним у Йулана проблем бы не было.

– Разумный шаг, верховная леди, – сказал он, хмуро глядя на карту, – но осмелюсь предложить оставить ракенов в Амадиции, как и тех, что переданы в распоряжение знаменному генералу Хирган. Для поисков Айил нам проще и лучше использовать ракенов, но прошло два дня, а мы до сих пор не сумели обнаружить тех белоплащников. Все же генералу Турану будут переданы...

– Найти Айил – задача не столь важная, – твердо заявила ему Сюрот, – а горстка дезертиров никакого значения не имеет.

В знак согласия Йулан склонил голову, рукой придержи-

вая парик на месте. В конце концов, он был всего лишь одним из низших Высокородных.

– Я бы не назвал семь тысяч человек горсткой дезертиров, – негромким тоном сухо промолвил Галган.

– Будет так, как я приказала! – отрезала она. Будь прокляты эти так называемые Чада Света! Она по-прежнему не решила, как поступить с Асунавой и теми несколькими тысячами, которые оставались да'ковале. Они остались, однако давно ли они тоже были готовы на предательство? И подумать только, Асунава, судя по всему, ненавидит дамани. Он абсолютно неуравновешен!

Галган, совершенно невозмутимый, пожал плечами. Выкрашенный красным лаком ноготь чертил линии на карте, словно бы генерал планировал передвижения воинских частей.

– До тех пор, пока вам не понадобятся еще и я возражать не стану. Будем следовать этому плану. Алтара попала нам в руки почти без борьбы, я пока еще не готов наступать на Иллиан, и нам необходимо не мешкая вновь восстановить порядок в Тарабоне. Если мы не обеспечим людям безопасность, они обратятся против нас.

Сюрот уже начала жалеть, что позволила себе выказать гнев. Значит, он возражать не станет? Он еще не готов к наступлению на Иллиан? Да он практически заявляет, что не обязан следовать ее приказам, пусть и не в открытую, а так, чтобы, отнимая у Сюрот ее власть и ее полномочия, не при-

нимать на себя ее ответственность.

– Генерал Галган, я надеюсь, что это послание будет отослано Турану. – Голос Сюрот был ровен, сдерживаемый одной лишь волей. – Он должен прислать мне голову Родела Итуралде, даже если ему придется гнать того через весь Арад Доман и в само Запустение. И если он не сумеет прислать мне эту голову, я получу его голову.

Галган на краткий миг поджал губы и опустил обеспокоенный взор на карту.

– Турану иногда требуется, чтобы под ним развели огонь, – пробормотал он, – и Арад Доман для него всегда стоял на очереди следующим. Очень хорошо. Ваше послание, Сюрот, будет отправлено.

Больше ей незачем оставаться в этой комнате вместе с ним. Не сказав ни слова, Сюрот ушла. Заговори она, наверняка сорвалась бы на крик. Верховная леди шагала обратно в свои апартаменты, даже не стараясь замаскировать кипящую в душе ярость. Разумеется, Стражи Последнего часа ничем не показали, что заметили гнев верховной леди; они были, считай, все равно что из камня высечены. Отчего, войдя в переднюю, она с грохотом захлопнула за собой дверь. Может, хоть это они заметят!

Добредя до своей кровати, Сюрот скинула с ног мягкие туфли, сбросила на пол халат и пояс. Она должна отыскать Туон. Она обязана отыскать ее! Если бы только разгадать, какую цель преследует Туон, обнаружить, где она находится.

Если только...

Внезапно стены спальни, потолок, даже пол начали светиться серебристым светом. Казалось, что сами эти поверхности стали светом. Охнув от потрясения, Сюрот медленно повернулась, обводя взглядом окружившую ее коробку из света, и обнаружила перед собой женщину из языков пламени, облаченную в беспорядочно кружащиеся волны огня. Алмандарагал вскочил на ноги; готовый к нападению, он ожидал приказа хозяйки.

– Я – Семираг, – произнесла огненная женщина голосом, напоминающим раскатистый погребальный гонг.

– Алмандарагал, на пузо! – Этой команде Сюрот обучила его, когда была еще ребенком: ее забавляло то, как лопар шлепался на пол, припадая перед нею на брюхо. А потом она с коротким стоном пала ниц, потому что сама подчинилась отданному ею же приказу. Поцеловав красно-зеленый узорчатый ковер, Сюрот промолвила: – Я живу, чтобы служить и повиноваться, Великая госпожа.

У Сюрот ни на миг даже тени сомнения не возникло, что эта женщина именно та, кем себя назвала. Кто бы осмелился *так* назваться, присвоить *такое* имя? Или появиться в виде живого пламени?

– Думаю, тебе также понравилось бы править. – Мелодично рокошующий гонг прозвучал чуточку удивленно, но потом стал жестче. – Посмотри на меня! Мне не нравится то, как вы, шончан, избегаете смотреть мне в глаза. Из-за этого я на-

чинаю думать, что вы что-то скрываете. Ты же не пытаешься что-то от меня скрыть, Сюрот?

– Разумеется, нет, Великая госпожа, – отозвалась Сюрот, приподнимаясь на руках и потом садясь на пятки. – Никогда, Великая госпожа. – Она подняла взгляд на уровень губ огненной женщины, но заставить себя взглянуть выше не могла. Наверняка и так будет довольно.

– Уже лучше, – пробормотала Семираг. – Итак. Как бы тебе понравилось править в этих краях? Считаное число смертей – Галгана и еще нескольких других, – и ты смогла бы провозгласить себя императрицей – с моей помощью. Вряд ли это существенно, но обстоятельства предоставляют такую возможность, и определенно, ты куда более сговорчива и послушна, чем нынешняя императрица по сию пору.

В животе Сюрот все скрутило. Она боялась, что ее вот-вот стошнит.

– Великая госпожа, – едва ворочая языком, произнесла она, – в наказание за подобный поступок отправляют к настоящей императрице, да живет она вечно, и целиком снимают кожу с тела, причем со всей аккуратностью, чтобы оставить виновного в живых. А после...

– Изобретательно, хотя и несколько примитивно, – обронила Семираг насмешливо. – Но это не имеет никакого значения. Императрица Радханан мертва. Поразительно, сколько в человеческом теле крови. Достанет, чтобы залить весь Хрустальный трон. Соглашайся с моим предложением, Сю-

рот. Дважды я предлагать не стану. С какими-то делами ты справишься способом чуть более для тебя удобным, но навряд ли ты станешь сердить меня второй раз подряд.

Сюрот заставила себя вновь вздохнуть:

– Тогда Туон – императрица, да живет она...

Наверняка Туон возьмет другое имя, которое редко станут произносить вне императорской семьи. Императрицу всегда называли императрицей, да живет она вечно. Обхватив себя руками, Сюрот зарыдала, содрогаюсь всем телом, будучи не в состоянии прекратить рыдания. Алмандарагал приподнял голову и просительно заскулил, глядя на хозяйку.

Семираг засмеялась – низким звоном зазвенела мелодия гонга.

– Скорбишь по Радханан, Сюрот, или настолько глубоко твое неприятие того, что императрицей станет Туон?

Запинаясь и с трудом справляясь с рыданиями, выдавливая из себя по три-четыре слова, Сюрот стала объяснять. Будучи провозглашена наследницей, Туон стала императрицей с того момента, как умерла ее мать. Кроме того, если ее мать пала от руки убийцы, тогда за убийством императрицы стоит кто-то из сестер Туон, а это означает, что сама Туон непременно мертва. И никакой разницы для Сюрот нет ни в том, ни в другом случае. Формальности необходимо выполнить до конца, как полагается. Сюрот придется отправиться в Шондар и принести извинения за смерть Туон, а теперь и за смерть императрицы той самой женщине, которая организо-

вала их гибель. И которая, разумеется, займет трон не раньше, чем будет объявлено о смерти Туон. Сюрот не в силах была признаться, что она покончила бы с собой, не дожидаясь возвращения в Шондар; о подобном постыдно говорить во всеуслышание. Слова стихли, а Сюрот продолжала реветь и биться в рыданиях. Умирать она не хотела. Ей же обещали, что она будет жить вечно!

На сей раз мелодичный смех Семираг был настолько жесток, что потрясенная Сюрот даже перестала плакать. Запрокинув огненную голову, женщина разразилась неудержимым хохотом, ее веселье раскатилось звонкими перезвонами. Наконец она взяла себя в руки, вытерла выступившие слезинки огненными пальцами.

– Вижу, я выразилась не вполне ясно. Так вот: Радханан мертва, мертвы и ее дочери, и ее сыновья, а заодно и половина императорского двора. За исключением Туон, из императорской семьи никто не уцелел. Нет и самой империи. Шондар в руках мятежников и мародеров, как и с десятков прочих городов. По меньшей мере пятьдесят нобилей сошлись в схватке за трон, выведя войска на поле битвы. От Алдаэльских гор до Салакинга идет война. Именно поэтому тебе совершенно ничего не грозит, если ты избавишься от Туон и провозгласишь себя императрицей. Я даже устроила так, что вскоре прибудет корабль, который принесет известия о разразившихся бедствиях. – Семираг вновь засмеялась, а потом промолвила нечто странное: – Пусть правит властелин хаоса.

Сюрот, невольно раскрыв от изумления рот, воззрилась на огненную женщину. Империя... уничтожена? Семираг убила всю императорскую семью?.. Убийства не были чем-то неведомым среди Высокородных, будь те низшими или занимавшими самое высокое положение среди имперской знати, однако сама мысль о том, чтобы подобным образом войти в императорскую семью, приводила в ужас. Это было непредставимо, просто невысказуемо!.. Даже для одной из Избранных. Но – самой стать императрицей, пускай даже и здесь... Ошеломленная, Сюрот чувствовала, что у нее кружится голова; ее обуревало истерическое желание смеяться. Она могла бы замкнуть круг – завоевать эти земли, а потом отправить войска, чтобы по праву потребовать себе Шончан. Собравшись с силами, Сюрот овладела собой:

– Великая госпожа, если Туон в действительности жива, тогда... тогда убить ее будет очень непросто. – Сюрот с большим трудом сумела выдать из себя подобные слова. Убить императрицу... Даже подумать о таком очень тяжело. Стать императрицей. У нее было такое чувство, будто голова отделилась от плеч и парит сама по себе. – С нею будут ее сул'дам и дамани и еще сколько-то Стражей Последнего часа.

«Очень непросто»? Да при таких обстоятельствах убить Туон вообще невозможно. Если только не удастся склонить Семираг сделать это самой. Шесть дамани и для нее могут представлять немалую опасность. Кроме того, у простолюдинов есть одно присловье: «Могущественные заставляют низ-

ших копать в грязи, а своих рук не марают». Сюрот как-то случайно услышала эту поговорку и наказала неосторожного болтуна, но сказано было верно.

– Подумай, Сюрот! – Гонг звенел сильно, настойчиво, властно. – Капитан Музенге и остальные ушли бы той же ночью, как пропали Туон и ее горничная, будь у них хоть малейшее представление, что у той на уме. Они же ищут ее. Ты должна приложить все усилия, чтобы первой отыскать девочку, но, если тебе это не удастся, ее Стражи Последнего часа послужат ей защитой куда меньшей, чем кажется. Каждый солдат в твоей армии будет знать, что по крайней мере кто-то из Стражей спутался с самозванкой. По всей видимости, отношение к самозванке и к тем, кто с ней связался, должно быть таким: их всех нужно разорвать в клочья, а останки зарыть где-нибудь в навозной куче. Причем потихому. – Огненные губы на недолгий миг скривились в довольной улыбке. – Чтобы избежать позора для империи.

Наверное, это все же возможно. Отряд Стражей Последнего часа обнаружить можно будет без труда. Сюрот нужно выяснить, сколько точно воинов взял с собой Музенге, а потом отправить за ним Эльбара с таким сильным отрядом, чтобы на каждого из Стражей приходилось по пятьдесят ее солдат. Нет, лучше по сотне, принимая во внимание дамани. А затем...

– Великая госпожа, вы же понимаете, что мне не хочется ни о чем заявлять во всеуслышание, пока я не буду уверена,

что Туон мертва?

– Конечно, – сказала Семираг. Гонги вновь раскатились веселым звоном. – Но запомни: если Туон сумеет вернуться целой и невредимой, мне до этого будет мало дела, так что не теряй времени попусту.

– Не буду, Великая госпожа. Я хочу стать императрицей, а для этого я должна убить императрицу. – На сей раз произнести эти слова оказалось совсем нетрудно.

По мнению Певары, комнаты Тсутамы Рат отличались даже не экстравагантностью, а выходящей за все рамки вычурностью и претенциозностью, и не играло ровно никакой роли то, что сама Певара была дочерью мясника. Гостиная же буквально вывела ее из себя. На стене, под резным золоченым карнизом, изображающим летящих ласточек, висело два больших шелковых гобелена, на одном пунцовели розы-кравки, на другом красовался куст калмы, усыпанный алыми цветками в поперечнике больше ее двух сложенных ладоней. Столы и стулья можно назвать изящными, если не обращать внимания на обильную резьбу и позолоту, уместную для какого-нибудь трона. Высокие светильники-торшеры тоже сверкали щедрой позолотой, как и полка над камином, украшенная накладками в виде бегущих лошадей, а камин был выложен из мрамора с красными прожилками. На нескольких столиках стояли четыре вазы и шесть чаш из фарфора Морского народа – из красного, самого редкого:

каждая сама по себе – небольшое сокровище, и это не считая немалого числа довольно крупных фигурок из нефрита и драгоценной поделочной кости. Еще одна статуэтка, в виде танцующей женщины, в ладонь высотой, будто бы была вырезана из цельного рубина. Беспричинная демонстрация богатства, и Певара вдобавок точно знала, что, кроме золоченых бочковидных часов на каминной полке, в спальне Тсутама имеются еще одни часы, а в гардеробной – другие. Трое часов! Это далеко не обыкновенная тяга к роскоши, нечто большее, куда там золоченой обстановке или рубинам!

И тем не менее комната вполне соответствовала женщине, сидевшей напротив Певары и Джавиндры. Тсутама была поразительно красивой женщиной; волосы она убрала под изящную золотую сеточку, горло плотно охватывали крупные огневики, такие же самоцветы качались в ушах. Как всегда, она была одета в темно-красное шелковое платье, выгодно подчеркивающее ее роскошную грудь, шитый золотом узор в виде завитков, украшавший платье сегодня, делал ее наряд еще более впечатляющим. «Броская» – именно таким словом можно было охарактеризовать ее внешность. Не зная Тсутама, вполне можно было подумать, будто своей одеждой она хочет привлечь к себе мужское внимание. Но чувство отвращения, какое Тсутама испытывала к мужчинам, она сделала всеобщим достоянием задолго до того, как ее отправили в изгнание; она скорее взбесившемуся псу выкажет сострадание, чем какому-либо мужчине.

В недавнем прошлом твердостью характера и непреклонностью Тсутама не уступала кузнечному молоту, однако, когда она вернулась в Башню, многие сочли ее надломленной тростинкой. Но заблуждались они недолго. Потом любой, проводя рядом с нею какое-то время, понимал, что ее бегающие глаза вовсе не признак нервозности. Изгнание и в самом деле изменило Тсутаму, но отнюдь не смягчило ее. Эти глаза принадлежали вышедшей на охоту кошке, высматривающей врагов или добычу. В остальном же выражение лица Тсутамы было даже не серьезным, а скорее застывшим, напоминая маску, по которой нельзя ничего понять. По крайней мере, если не вывести ее из себя настолько, чтобы она в открытую проявила свой гнев. Впрочем, даже и в гневе голос ее останется ровным и холодным, как сосулька. От подобного сочетания волей-неволей начнешь сам нервничать.

— Тем утром до меня дошли тревожные слухи о битве у Колодцев Дюмай, — отрывисто произнесла Тсутама. — И, проклятье, весьма тревожные и кровавые. — Теперь у нее вошло в привычку надолго умолкать, не вести разговора попусту и делать вдруг неожиданные высказывания. Вдобавок после изгнания ее язык стал заметно грубее. Одинокая ферма, куда ее сослали, должно быть, оставила у нее... яркие впечатления. — В том числе и тот, что три из погибших сестер принадлежали к нашей Айя. Что за бред сивой кобылы!

И все высказано тоном спокойнее некуда. Но ее взор, как кинжал, обвиняюще впился в собеседниц.

Певара бестрепетно выдержала этот взгляд. Любой брошенный Тсутамой взгляд будет казаться обвиняющим, и Певара, сколь бы ни была раздражена, очень хорошо знала: нельзя уступать давлению Верховной. Только дай слабину, и та накинется на жертву, точно сокол, стремительно налетевший на добычу. И поэтому сказала в ответ:

– Я не понимаю, почему Кэтрин не подчинилась твоим приказам и не промолчала о том, что знала, а ты не можешь поверить, что Тарна, по всей видимости, поставила под сомнение распоряжения Элайды. – Во всяком случае, не публично. Тарна скрывала свое отношение к Элайде с той же тщательностью, как кошка стережет мышиную норку. – Но сестры получают донесения от своих глаз-и-ушей. Мы не можем сделать так, чтобы они не узнали о случившемся. Я удивлена, что об этом стало известно так поздно.

– Именно так, – добавила Джавиндра, разглаживая юбки. За исключением кольца Великого Змея, никаких драгоценных украшений нескладная женщина не носила, и на ее платье – такого темно-красного цвета, что оно казалось почти черным, – вышивки не было. – Рано или поздно факты выйдут наружу, даже если мы до кровавых мозолей будем работать. – Она так плотно поджала губы, что казалось, будто что-то прикусила, тем не менее слова ее прозвучали едва ли не с удовлетворением. Что странно. При Элайде она-то чуть ли не ее ручной собачкой была.

Взор Тсутамы сосредоточился на Джавиндре, и не прошло

и полминуты, как на щеках у той расцвел румянец. Вероятно, чтобы не смотреть в глаза Тсутаме, она отпила большой глоток чая. Из чашки чеканного золота, с изображениями леопардов и оленя, принадлежащей, разумеется, Тсутаме, — та и в посуде оставалась верна себе. Верховная продолжала молча смотреть, но теперь Певара уже не могла сказать, куда — на Джавиндру или сквозь нее.

Когда Кэтрин явилась с известием, что в числе погибших у Колодцев Дюмай была Галина, Тсутама заняла ее место, и ее возвышение было принято едва ли не с всеобщим одобрением. На посту восседающей у нее сложилась очень хорошая репутация в Айя, по крайней мере до того, как она оказалась вовлечена в отвратительные события, которые и привели ее к падению, и многие в Красной Айя считали, что наступившие времена требуют, дабы у руля встала Верховная как можно более решительная и твердая. После гибели Галины у Певары с плеч свалилась громадная тяжесть: подумать только, Верховная — и приспешница Темного! Ужасно, невыносимо! Тем не менее в отношении Тсутамы она не чувствовала уверенности. Что-то в ней было теперь такое... дикое, необузданное. Нечто непредсказуемое. В совершенно здоровом ли она рассудке? Но тогда тот же вопрос можно задать и в отношении всей Белой Башни. Сколько сестер ныне сохранили полностью здравый ум?

Словно бы прочитав мысли Певары, Тсутама перевела свой немигающий взгляд на нее. Он не заставил Певару ни

вздрогнуть, ни покраснеть, как то происходило со многими, а не с одной Джавиндрой, но она поймала себя на мысли, что ей хочется, чтобы здесь оказалась еще и Духара, просто для того, чтобы Верховная разделила свои пронзительные взгляды между всеми тремя восседающими. Певаре хотелось знать, куда подевалась Духара и почему ее нет в Башне, когда за стенами Тар Валона стоит лагерем армия мятежниц. Насколько было известно Певаре, больше недели назад Духара, никому не сказав ни слова, просто села на корабль, и похоже, никому не ведомо, отправилась она на север или на юг. В эти дни Певара с крайней подозрительностью относилась ко всем и к каждому и почти ко всему происходящему.

– Верховная, ты призвала нас сюда потому, что в том письме было нечто важное? – наконец промолвила Певара. Она с уверенным видом встретила кинжальный взгляд Тсутамы, однако у нее возникло желание тоже сделать глоток из своей чрезмерно разукрашенной чашки, причем лучше бы вместо чая там было вино. Она намеренно поставила чашку на узкий подлокотник кресла. Под взглядом Тсутамы у Певары возникло ощущение, будто у нее по коже ползают пауки.

Спустя несколько долгих мгновений Тсутама опустила взор на сложенное письмо, что лежало у нее на коленях. Только ее пальцы удерживали листок от того, чтобы он не свернулся в маленькую трубочку. Это была самая тонкая бумага, которую использовали при пересылке сообщений голубями, и с обратной стороны листа отчетливо просвечивали

убористые чернильные строчки: буквы, как казалось, плотно покрывали весь лист.

– Письмо от Сашалле Андерли, – сказала Тсутама. При этом имени Певара вздрогнула от жалости и услышала какое-то бормотание – явно от Джавиндры. Бедная Сашалле. Впрочем, Тсутама продолжала, внешне ничем не выказывая к той сочувствия: – Проклятая женщина считает, что Галина спаслась, потому что письмо адресовано именно ей. Много из написанного в сообщении просто подтверждает то, что нам и так известно из других источников, в том числе от Тувин. Но, не называя имен, она, вот проклятие, утверждает, что «руководит большинством сестер, находящихся в городе Кайриэн».

– Как Сашалле может вообще руководить хоть кем-то из сестер? – Джавиндра покачала головой, всем своим видом не веря в подобную возможность. – Она, часом, не сошла с ума?

Певара хранила молчание. Ответ Тсутама даст, когда сама пожелает, и она вообще редко отвечает, когда у нее спрашиваешь. В доставленном ранее письме Тувин, также адресованном Галине, о Сашалле вообще не упоминалось, как и в двух других, но, разумеется, затрагивать все, что связано с Сашалле, для нее, должно быть, крайне неприятно. Даже думать на эту тему все равно что есть гнилые сливы. Большинство строк писем были посвящены тому, чтобы возложить всю вину за прискорбные события всецело на Элайду, пусть о том и говорилось не напрямую, а намеками.

Тсутама мгновенно перевела взор на Джавиндру – точно кинжал воткнула, но продолжила, как будто ее и не перебивали:

– Проклятье, Сашалле подробно описывает, как Тувин побывала в Кайриэне вместе с другими сестрами и растреклятыми Аша’манами, хотя о проклятом связывании узами она явно не знает. Все происходящее она сочла очень странным: сестры держатся с Аша’манами «напряженно, но зачастую по-дружески». Проклятие, кровь и пепел! Так она говорит об этом, чтоб мне сгореть. – Ни тон Тсутамы, каким можно рассуждать о ценах на кружева, ни язык и намек не давали на то, каковы ее истинные мысли о предмете разговора, хотя в глазах и читалось напряжение. – Сашалле пишет, что, убравшись оттуда, они увели с собой треклятых Стражей, принадлежащих сестрам, которые, по ее мнению, находятся при мальчишке, поэтому растреклято ясно, что они его ищут и, по всей вероятности, к настоящему моменту уже должны были отыскать. Почему – она не имеет ни малейшего понятия. Но Сашалле подтверждает то, что Тувин заявила в отношении Логайна. Несомненно, проклятый мужчина более не укрощен.

– Невозможно, – пробормотала Джавиндра в поднесенную ко рту чашку, но очень негромко.

Тсутама не любит, когда ее слова подвергают сомнению. Свое мнение Певара держала при себе и молча прихлебывала чай. Покамест ничего из сказанного в письме не заслужи-

вало обсуждения, за исключением того, что Сашалле может чем-то «руководить», а обдумать требуется куда более важные вопросы, чем судьба Сашалле. Чай явственно отдавал черникой. Откуда Тсутама раздобыла чернику? Ведь весна еще только началась. Наверное, она положила в чай сушеные ягоды.

– Я вам прочту остальное, – сказала Тсутама, разворачивая листок и пробегая глазами его почти до самого низа. Очевидно, в послании Сашалле все расписала очень подробно. Что еще утаила Верховная? Так много подозрительного!

Тсутама начала читать:

Я так долго не отсылала известий, потому что не знала, как рассказать о том, о чем должна сообщить, но теперь понимаю, что единственный способ – просто изложить факты как есть. Вместе со многими другими сестрами – коим я предоставляю самим решать, открыться, как я собираюсь поступить, или нет, – я дала клятву верности Дракону Возрожденному, связавшую меня до тех пор, пока не завершится битва Тармон Гай’дон.

Джавиндра громко ахнула, глаза ее округлились, но Певара лишь прошептала: «Та’верен». Должно быть, так. Для большинства тревожных слухов, приходящих из Кайриэна, у нее всегда было одно объяснение – та’верен.

Тсутама, не обращая на собеседниц внимания, продолжала читать:

То, что я сделала, я сделала ради Красной Айя и ради

Башни. Если Вы не согласны, я готова принять любое наказание. После Тармон Гай’дон. Наверное, Вам известно, что Иргайн Фатамед, Ронайле Веваниос и я были усмирены, когда Дракон Возрожденный высвободился у Колодцев Дюмай. Однако нас Исцелили, это сделал мужчина по имени Дамер Флинн, один из Аша’манов, и, по-видимому, мы все восстановили свои способности. Как ни кажется это невероятным, но я клянусь под Светом и своей надеждой на спасение и возрождение, что это – правда. Я с нетерпением жду, когда наконец смогу вернуться в Башню, где повторно принесу Три Клятвы, чтобы вновь подтвердить преданность своей Айя и Башне.

Сложив письмо, Тсутама слегка качнула головой:

– Там написано еще, но это лишь проклятые оправдания и уверения, что она поступает так ради Айя и Башни. – Сверкнувший в глазах Тсутамы огонек говорил о том, что Сашалле может и пожалеть, коли переживет Последнюю битву.

– Если Сашалле и вправду была Исцелена... – начала Певара, но продолжить не смогла. Она смочила губы чаем, потом вновь поднесла чашку ко рту и сделала глоток. Подобная возможность казалась столь удивительной, что и надеяться нельзя, – все равно что снежинка, которой коснись, и она растает.

– Это невозможно, – пробурчала Джавиндра, хотя и без особой уверенности. И все равно со своим замечанием она обратилась к Певаре, чтобы Верховная вдруг не подумала,

что ей возражают. Хмурое выражение лица сделало ее слова еще суровее. – Укрощение нельзя Исцелить. Усмирение нельзя Исцелить. Скорее овцы научатся летать! Сашалле обманывается. Она заблуждается!

– Тувин могла и ошибиться, – сказала Тсутама очень уверенно, – хотя если она ошиблась, то я не пойму, почему эти треклятые Аша’маны допустили Логайна в свои ряды, а уж тем более позволили ему командовать собой. Но, проклятие, вряд ли я поверю, чтобы Сашалле могла обмануться в отношении себя. И она пишет вовсе не как женщина, погрязшая в пучине проклятых заблуждений. Иногда то, что кажется растреклято невозможным, остается растреклято невозможным только до того мига, как женщина это сделает. Итак. Усмирение было Исцелено. Причем мужчиной. Та треклятая саранча, те растреклятые шончан заковывают в цепи всех женщин, способных направлять Силу, стоит им только таких обнаружить. По-видимому, в оковы угодило и некоторое число сестер. Двенадцать дней назад... Что ж, вам растреклято не хуже меня известно, что произошло. Мир стал намного опаснее, почти так же опасен, как в эпоху Троллоковых войн, а может, и с самого Разлома Мира. Поэтому я решила так: Певара, мы выступим со своим замыслом в отношении этих треклятых Аша’манов. Неприятным и рискованным, но, чтоб мне сгореть, нет никакого треклятого выбора. Ты вместе с Джавиндрой все организуешь.

Певара вздрогнула, поморщилась. И дело тут вовсе не в

шончан. Они были людьми, какими бы необычными *тер'ан-гриалами* ни обладали, и рано или поздно, но будут побеждены. Однако ее гримасу, как Певара ни старалась держать себя в руках и сохранять невозмутимое выражение лица, вызвало упоминание о том, что сотворили двенадцать дней назад Отрекшиеся. Больше никто не мог применять в одном месте столь громадные объемы Силы. До такой степени невероятные, что Певара боялась вспоминать и даже старалась вообще не задумываться о случившемся, как и о том, какую цель те могли преследовать. Или, что еще хуже, – о том, какое страшное дело они сумели довести до конца. Во второй раз она поморщилась, услышав, что предложение о связывании узами Аша'манов исходит якобы от нее. Но это было неизбежно – с того момента, как она представила Тсута-ме идею Тарны: затаив дыхание и ожидая почти неминуемой вспышки гнева новой Верховной. Певара даже пустила в ход довод о необходимости увеличить численность включенных в круг за счет мужчин, чтобы противостоять тому чудовищному проявлению Силы. Как ни поразительно, гнев не обрушился на голову Певары, да и вообще Тсутама отреагировала слабо. Она просто сказала, что ей нужно все как следует обдумать, и настояла на том, чтобы ей принесли из библиотеки материалы, касающиеся мужчин и кругов. В третий раз, и сильнее всего, Певара скривилась из-за того, что ей придется работать вместе с Джавиндрой, да и вообще из-за того, что на нее взвалили новую работу. У самой Певары дел

и без того было по горло, а в сотрудничестве с Джавиндрой всегда было мало приятного. Верными, разумеется, та считает только свои идеи, а иначе вечно подвергает сомнению и оспаривает любые предложения, исходящие от других сестер. Ну почти любые.

Джавиндра ожесточенно противилась идее связывания узами Аша'манов, приходя в ужас от одной мысли, что Красные сестры вообще с кем-то будут связывать себя узами, равно как и что узы предполагаются с мужчинами, способными направлять Силу. Однако теперь приказ исходил от Верховной, и деваться ей было некуда. Тем не менее Джавиндра отыскала способ возразить.

– Элайда этого никогда не позволит, – пробурчала она.

Тсутама сверкнула на нее глазами и пронзила костлявую собеседницу взглядом. Та громко сглотнула.

– Джавиндра, Элайда об этом никогда не узнает, пока не будет слишком поздно. Я, как могу, храню ее тайны – о неудачном исходе дела против Черной Башни, о катастрофе возле Колодцев Дюмай, потому что она возвысилась из Красной Айя, но она – Престол Амерлин, представляющая все Айя и ни одну отдельно. Иными словами, она более не Красная сестра, а мы обсуждаем дело, касающееся Айя, никак не ее. – В голосе Тсутамы послышались грозные нотки. И она ни разу не употребила слова «проклятие». Это означало, что она едва сдерживает гнев. – Ты с этим не согласна? Ты намерена известить Элайду, несмотря на мои впрямую

высказанные пожелания?

– Нет, Верховная, – поспешно заверила ее Джавиндра, потом спрятала лицо в чайной чашке.

Странно, но Певаре показалось, будто она украдкой улыбается.

Певара ограничилась тем, что покачала головой. Если это нужно сделать и она уверена, что это должно быть сделано, тогда очевидно, что Элайду необходимо держать в потемках. Чему же улыбалась Джавиндра? Слишком много всего подозрительного.

– Очень рада, что вы обе согласны со мной, – сухо отметила Тсутама, откинувшись на спинку кресла. – А теперь можете оставить меня.

Они задержались лишь для того, чтобы поставить чашки и присесть в реверансе. У Красных слову Верховной подчиняются все сестры Айя, в том числе и восседающие. Единственным исключением по закону Айя было голосование в Совете Башни, хотя кое-кто из обладательниц звания Верховной умудрялся добиваться того, что любое голосование, в котором они были заинтересованы, происходило по их желанию. Именно к такой цели стремилась и Тсутама, в этом Певара не сомневалась. Предстоящая борьба обещала быть определенно неприятной и трудной. Певара лишь надеялась на то, что не останется в долгу и оплатит сполна.

Когда восседающие вышли в коридор, где среди белых плит пола выделялись красные эмблемы Пламени Тар Валло-

на, Джавиндра что-то пробормотала о письмах и торопливо удалилась прочь – Певара не успела и слова сказать. Впрочем, она и не собиралась ничего говорить, однако Джавиндра – и это так же очевидно, как и то, что ночью темно, – вознамерилась манкировать поручением Тсутамы и свалить всю работу на Певару. О Свет, но это последнее, что ей надо, тем паче время для такого – хуже не придумать.

В свои апартаменты Певара заглянула ненадолго, только чтобы забрать бахромчатую шаль и посмотреть на свои единственные часы: до полудня оставалось четверть часа. И она едва ли не была разочарована тем, что ее часы показывают то же время, что и роскошные часы Тсутамы, а ведь известно, что на точность часов положиться нельзя. Потом она покинула апартаменты Красной Айя и торопливо зашагала вглубь Башни, спустившись в общую ее часть. Широкие коридоры освещались стоячими светильниками с отражателями, но людей ей встречалось мало, отчего переходы напоминали пещеры, а от белых, украшенных фризами стен веяло морозной стыlostью. Редкие колыхания на сквозняке ярких гобеленов рождали в душе мрачное чувство, как будто в шелке или в шерсти ожило нечто неприятное. В коридорах ей попадались лишь слуги: мужчины и женщины, носившие на груди эмблему Пламени Тар Валона, спешили по своим делам и останавливались лишь для того, чтобы поприветствовать Айз Седай торопливым реверансом или коротким поклоном. И взора они старались не поднимать. Айя разде-

лились едва ли не на враждующие лагеря, и Башню пронизывала взаимная враждебность, всеми владело чувство напряженности, и эти настроения не могли не заразить слуг. По крайней мере, нагнали на них немало страху.

Певара не была уверена, но полагала, что в Башне оставалось меньше двухсот сестер, и большинство без необходимости не покидали апартаментов своих Айя, поэтому она и не предполагала встретить кого-то из сестер. Потому-то Певара крайне удивилась и даже вздрогнула от неожиданности, когда прямо перед ней появилась Аделорна Бастине, – та плавной походкой выступила из поперечного коридора, очевидно поднявшись по короткой лестнице. Аделорна, которая, несмотря на хрупкость и худобу, казалась величавой, прошла мимо, ничем не выказав, что заметила Певару. На салдэйке тоже была шаль – теперь никто из сестер не покидал покоев своей Айя без шали, – а следом за нею вышагивали три ее Стража. Ныне все Стражи – низенькие и высокие, коренастые и стройные – настороженно смотрели вокруг и были вооружены, готовые, несомненно, мечами охранять своих Айз Седай, и где – в Башне! Подобная картина стала уже чересчур привычной, хотя Певара и могла бы горевать об этом. Вот только заслуживающего оплакивания в последнее время все больше; поэтому Певара и взялась за то дело, которое ей под силу решить.

Тсутаме легко отдавать Красным приказ связывать Аша’манов узами и запрещать сестрам обращаться к Элайде,

но, по-видимому, лучше всего начать с тех, кого такое решение проблемы может заинтересовать и без подобного приказа, особенно учитывая распространившиеся слухи о погибших от рук Аша'манов трех Красных сестрах. К этой идее с пониманием уже отнеслась Тарна Фейр, поэтому с ней вполне уместен в высшей степени конфиденциальный разговор. Возможно, она знает еще кое-кого, кто мыслит схожим с нею образом. Самая большая трудность – как выйти с подобным предложением на Аша'манов. Крайне маловероятно, что они пойдут на это только потому, что сами уже связали узами пятьдесят одну сестру. О Свет мира, пятьдесят одну! Для разговора на такую тему необходима сестра, обладающая дипломатичностью и умением находить верные слова. И еще стальными нервами. Певара по-прежнему мысленно тасовала и перебирала имена, когда в условленном заранее месте увидела женщину, которую надеялась встретить, – та, судя по всему, рассматривала большой гобелен.

Миниатюрная и худенькая, однако выглядевшая королевой в своем светло-серебристом платье, украшенном кружевами чуть более темного оттенка у горла и запястий, Юкири как будто совершенно погрузилась в созерцание гобелена и выглядела абсолютно спокойной. Певара могла припомнить лишь один случай, когда видела ее чуточку взволнованной, но допрос Талене тогда всем изрядно подействовал на нервы. Юкири была, разумеется, одна, хотя в последнее время, по слухам, она подумывала снова обзавестись Стражем. Несом-

мненно, в равной степени тут сказывались и нынешние времена, и сложившаяся в Башне ситуация. От Стража – а то и от пары – и сама Певара не отказалась бы.

– Есть тут доля правды или это всё выдумки ткача? – спросила Певара, подойдя к маленькой женщине.

На гобелене была изображена давным-давно произошедшая – или же якобы случившаяся – битва с троллоками. Большинство подобных картин и гобеленов создавалось спустя много-много лет после самих событий, а ткачи обычно опирались на слухи. Висевшая здесь шпалера была очень старой, и чтобы ткань не расползалась от времени, ее требовалось защищать малым стражем.

– О гобеленах, Певара, я знаю столько же, сколько свиньи – о кузнечном ремесле. – При всей утонченности, Юкири редко упускала случай напомнить о своем фермерском происхождении. Она плотнее накинула шаль, отчего закачалась серебристая бахрома. – Ты опоздала, поэтому давай покороче. Я чувствую себя будто курица, за которой следит лисица. Маррис сломалась этим утром, и я сама взяла с нее клятву о повиновении, но что касается других, то ее «другая» находится где-то за пределами Башни. Думаю, вместе с бунтовщицами.

Юкири умолкла, завидев появившихся в коридоре двух служанок, те тащили плетеную бельевую корзину, в которой высились стопки аккуратно сложенных льняных простыней и наволочек.

Певара вздохнула. Вначале все представлялось настолько обнадеживающим. Впрочем, и внушающим ужас, и почти непреодолимым – тоже, однако им казалось, что начали они весьма успешно. Талене было известно лишь имя другой Черной сестры, действительно находящейся в Башне, но как только Атуан была похищена – Певара предпочла бы называть это арестом, но не могла, ведь они, судя по всему, нарушили едва ли не половину пунктов закона Башни, не говоря уже о немалом числе накрепко установленных обычаев, – но, как только Атуан оказалась у них в руках, вскоре ее вынудили назвать имена членов ее «сердца»: Карале Сангир, доманийка из Серой Айя, и Маррис Торнхилл, андорка из Коричневой. Из трех только Карале имела Стража, хотя, как оказалось, он тоже был приспешником Темного. К счастью, этот Страж, запертый на время допроса Карале в подвальной камерке, узнав, что его выдала собственная Айз Седай, исхитрился принять яд. Странно считать это счастливым стечением обстоятельств, но Клятвенный жезл действует только на тех, кто способен направлять Силу, а участниц расследования слишком мало, чтобы еще сторожить пленников и заботиться о них.

Начало, пусть и чреватое опасностью, было блестящим, но теперь заговорщицы оказались в тупике, если только кто-то из Черных сестер, имена которых им известны, не вернется в Башню. А продолжать вновь искать несоответствия в рассказах пойманных сестер о том, что они сделали, сопостав-

для с тем, что — из якобы ими сделанного — возможно проверить, становится все труднее из-за обыкновения большинства сестер скрывать почти во всем. Разумеется, Талене и другие три расскажут обо всем, что им известно, передадут все, что попадет им в руки, — об этом позаботится клятва о подчинении, — но всякое послание, куда более важное, чем просто «взять то-то и положить туда-то», наверняка будет написано шифром, который знают только две женщины — его отправительница и получательница. Некоторые послания защищало особое плетение — если письма вскрывает чужая рука, то с бумаги исчезают чернила; такую защиту можно наложить при помощи очень малого количества Силы; если специально не искать, ничего и не заметишь, и, казалось, не существует никакого способа обойти малого стража. Что ж, даже если их положение и не назовешь тупиковым, то поток успехов истончился до лениво текущего ручейка. И всегда оставалась опасность, что дичь узнает о преследователях и сама станет охотником. И по сути дела, охотником невидимым — точно так же он кажется сейчас невидимой добычей.

Тем не менее у разыскниц было четыре имени, а у них в руках — четыре сестры, признавших в том, что они — приспешницы Темного, хотя, вероятно, Маррис столь же поспешно, как и ее товарки, заявит, что отныне отрекается от Тени, раскаивается в своих прегрешениях и вновь обратится ко Свету. С искренностью, достаточной, чтобы убедить кого угодно. Предположительно, Черная Айя была в курсе все-

го, что происходило в кабинете Элайды, однако стоило идти на риск. Певара отказывалась верить утверждению Талене, будто сама Элайда – приспешница Тьмы. В конце концов, именно Элайда выступила инициатором розысков. Престол Амерлин могла бы взбудоражить всю Башню. Возможно, открытое признание существования Черной Айя могло бы сделать то, чего не произошло после появления у Тар Валона бунтовщиц с их воинством, – чтобы Айя перестали шипеть друг на друга, точно какие-то странные кошки, и опять слились воедино. Лечение нанесенных Башне ран требует отчаянных мер.

Служанки удалилась за пределы слышимости, и Певара хотела уже высказать свое предложение, как Юкири заговорила вновь:

– Прошлой ночью Талене получила распоряжение предстать сегодня ночью перед их Высшим советом. – При этих словах она презрительно скривила губы. – Кажется, подобное происходит, только если вызванной намерены воздать честь или поручить важное, очень важное задание. Или если ее хотят подвергнуть допросу. – Она еще сильнее скривила губы.

Певара и Юкири с прочими разыскниками немало узнали о том, к каким средствам и методам прибегает Черная Айя при допросе – тошнотворным и неслыханным. Вовлечь женщину в связующий круг против ее воли? Использовать круг, чтобы причинить боль? Желудок Певары взбунтовался, ее

замутило.

– Талене сомневается, что ее собираются чествовать или давать какое-то поручение, – продолжала Юкири, – поэтому она умоляет ее спрятать. Саэрин отвела ее в комнату на самом нижнем подвальном этаже. Может, Талене и не права, но я согласна с решением Саэрин. Пойти сейчас на риск – все равно что выпустить пса на птичий двор и надеяться на лучшее.

Певара смотрела на гобелен, растянутый высоко над их головами. Закованные в доспехи воины размахивают мечами и топорами, бьют копьями и алебардами, поражая огромные, напоминающие человеческие фигуры с кабаньими рылами и волчьими мордами, с козлиными рогами и бараньими рогами. Троллоков ткачу видывать доводилось. Или он видел весьма точные рисунки троллоков. На стороне троллоков сражались и люди. Приспешники Темного. Иногда в сражении с Тенью необходимо проливать кровь. И прибегать к отчаянным мерам.

– Пусть Талене отправится на встречу, – сказала Певара. – Мы все туда пойдем. Этого они не ожидают. Мы сумеем убить или захватить их и одним ударом обезглавим Черных. Этот Высший совет должен знать имена их всех. Мы сможем уничтожить Черную Айя целиком.

Приподняв тонкой рукой краешек шали Певары, Юкири нарочито нахмурила брови и вгляделась в бахрому:

– Нет, все же красная. Мне показалось, что вдруг, пока я

не видела, она превратилась в зеленую. Видишь ли, их будет тринадцать. Даже если кое-кто из этого Совета не из Башни, остальные приведут сестер, чтобы составилось нужное число.

– Знаю, – нетерпеливо откликнулась Певара. Талене была кладезем разнообразных сведений, главным образом бесполезных и по большей части ужасающих, и они с трудом могли переварить их поток. – Мы захватим всех. Мы можем приказать Зере и другим сражаться на нашей стороне и даже Талене и ее товаркам. Они сделают так, как им велят.

Вначале она испытывала беспокойство по отношению к клятве послушания, но со временем привыкаешь ко всему.

– Значит, нас будет девятнадцать против тринадцати, – задумчиво промолвила Юкири чересчур терпеливым тоном. Даже движение, которым она поправила свою шаль, излучало терпение. – Плюс еще те, кто у них будет следить, чтобы их сборищу не помешали. Больше всего воры всегда о своих кошельках беспокоятся. – В словах старой пословицы проскользнуло некое раздражение. – В лучшем случае будет баш на баш, но, вероятней, преимущество окажется у них. Сколько из нас погибнет и сколько из них мы убьем или захватим? Важнее же, сколько из них спасется и сбежит? Не забывай, на своих встречах они скрывают лица. Если хоть одна сбежит, тогда мы не будем знать, кто она такая, но она-то нас опознает, а значит, очень скоро о нас узнает и вся Черная Айя. По мне, это мало похоже на то, чтобы отрубить курице

голову. Больше напоминает попытку голыми руками бороться с леопардом в темноте.

Певара открыла было рот, потом, не промолвив ни слова, захлопнула его. Юкири была права. Она и сама могла бы прикинуть соотношение сил и сторон и прийти к тем же выводам. Но Певаре хотелось нанести удар – по кому-то, по чему-то, все равно по чему. И неудивительно. Глава ее Айя, должно быть, сошла с ума; Певаре поручили задачу подготовить Красных сестер – которые по древнему обычаю не связывают себя узами ни с кем – к тому, что узами нужно будет соединяться не просто с каким-то мужчиной, а с Аша’маном; и охота за приспешниками Темного в Башне уперлась в каменную стену. Нанести удар? Она готова была зубами прогрызться сквозь кирпичную кладку.

Певара подумала уже, что встреча подошла к концу, – она, вообще-то, пришла узнать, как обстоят дела с Маррис, и пожалала, как оказалось, горькие плоды, – но Юкири тронула ее за руку:

– Пройдись со мной. Мы простояли тут слишком долго, а я хочу тебя кое о чем спросить.

В нынешние времена стоит восседающим от разных Айя постоять вместе слишком долго, то тотчас же, точно грибы после дождя, появятся слухи о заговорах. По какой-то причине беседа на ходу вызывала, по-видимому, куда меньше подобных толков. Смысла в этом никакого, но дело обстояло именно так.

Задавать свой вопрос Юкири не торопилась. Женщины шагали по одному из главных коридоров, который пологой спиралью проходил через всю Башню. Они спустились на пять этажей, так никого и не встретив, плитки пола сменили свои цвета с зеленого и голубого на желтый и коричневый, и наконец Юкири заговорила:

– С Красными связывался хоть кто-то из тех, кто отправился вместе с Тувин?

Певара чуть не споткнулась о собственные туфли. Впрочем, подобного вопроса вполне можно было ожидать. Вряд ли только одна Тувин посылала сообщения из Кайриэна.

– Сама Тувин, – сказала Певара и поведала почти обо всем, что было в послании Тувин.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, ничего иного ей и не оставалось. Она умолчала об обвинениях в адрес Элайды и о том, как давно пришло письмо. Первое, как она надеялась, по-прежнему остается делом лишь Красной Айя, а второе могло потребовать весьма непростых и опасных объяснений.

– Мы получили весточку от Аكوуры Вайет. – Юкири прошла молча несколько шагов, потом пробормотала: – Кровь и проклятый пепел!

Певара потрясенно вздернула брови. Юкири часто бывала грубоватой, но никогда прежде – вульгарной. И еще Певара подметила, что ее собеседница тоже не поделилась тем, когда было получено письмо Аكوуры. Получали ли Серые другие

послания из Кайриэна, от тех сестер, кто дал клятву Дракону Возрожденному? Спрашивать о том Певара не могла. Пусть при охоте на Черных они и вверяли друг дружке свои жизни, к секретам и делам своей Айя чужих подпускать нельзя.

– Как ты намерена поступить с полученными сведениями? – спросила Певара.

– Мы станем молчать ради блага Башни. Знают только восседающие и глава нашей Айя. Из-за случившегося Эванеллейн готова свергнуть Элайду, но сейчас такого нельзя допустить. Ни сейчас, ни когда бы то ни было, наверное, – ведь необходимо восстановить единство Башни и разобраться с Аша’манами.

Особой радости при этих словах Юкири не выказывала.

Певара сдержала свое раздражение. Пусть Элайда ей самой и не нравится, однако вовсе незачем испытывать любовь к той, кто занимает Престол Амерлин. Много разных и очень несхожих между собой женщин носили палантин и своими делами принесли немалую пользу Башне. Но можно ли назвать полезным для Башни то, что пятьдесят одну женщину отправили, по сути, в плен? Можно ли считать полезными для Башни события у Колодцев Дюмай, когда погибли четыре сестры и более двадцати попали в плен иного рода, угодив в паутину та’верена? Не важно. Элайда принадлежит – принадлежала – к Красной Айя, и слишком много времени минуло с тех пор, как Красная сестра получала палантин и посох. После появления мятежниц опрометчивые шаги и по-

спешные, плохо продуманные решения казались делом прошлым, и спасение Башни от Черной Айя искупило бы любые неудачи и оплошности Элайды.

Разумеется, Певара вовсе не так сказала о том, что ее волновало.

– Юкири, ведь она начала охоту. Она заслуживает того, чтобы ее завершить. О Свет, все, что нам до сих пор удалось раскрыть, мы узнали благодаря случаю, а сейчас мы зашли в тупик. Если мы хотим двигаться дальше, нам необходимо опереться на авторитет и власть Престола Амерлин.

– Не знаю, не знаю. – Юкири явно колебалась. – Все четыре утверждают, что Черным известно обо всем происходящем в кабинете Элайды. – Она прикусила губу, поежилась. – Возможно, если мы сумеем встретиться с ней наедине, где-то подальше от ее кабинета...

– Вот вы где! А я ищу повсюду, – неожиданно позади них раздался голос.

Певара спокойно обернулась, но Юкири вздрогнула и пробурчала что-то язвительное – едва слышно, и Певара не разобрала, что именно. Если она будет продолжать вести себя в том же духе, то станет ничем не лучше Дозин. Или Тсутамы.

К восседающим торопливо направлялась Сине – бахрома шаля качается из стороны в сторону, а густые черные брови удивленно приподняты в ответ на сердитый взгляд Юкири. Как это похоже на Белых, логичных во всем и зачастую не видящих вокруг себя весь мир. Певаре нередко казалось, что

Сине вообще не понимает, что им грозит нешуточная опасность.

– Ты искала нас? – почти прорычала Юкири, уперев кулаки в бедра.

Несмотря на свой малый рост, она вся являла собой воплощение сдерживаемой ярости. Несомненно, отчасти ее гнев был вызван тем, что она выдала свой испуг, но Юкири по-прежнему полагала, что Сине, ради ее собственной безопасности, следует держать под строгим надзором, невзирая на решение Саэрин. И вот тебе на: эта женщина тут, одна и без охраны!

– Вас, Саэрин, хоть кого-нибудь, – невозмутимо ответила Сине. Прошлые страхи, что Черная Айя узнает, какое задание ей дала Элайда, исчезли почти без следа. Взгляд голубых глаз был теплым, но во всем остальном она вновь превратилась в образцовую Белую сестру – женщину, отличающуюся ледяным спокойствием. – У меня неотложные известия, – сказала она, как будто могло быть иначе. – Менее важное таково: этим утром я видела письмо от Аяко Норсони, полученное несколько дней назад. Из Кайриэна. Она с Тувин и еще с несколькими сестрами была захвачена Аша'манами и... – Склонив голову набок, она по очереди внимательно посмотрела на Юкири и Певару. – Вы ничуть не удивлены. Ну конечно. Вы тоже видели письма. Ладно, тут все равно поделаться ничего нельзя.

Певара переглянулась с Юкири, потом спросила:

– Значит, Сине, эта весть важная?

Хладнокровие изменило Белой восседающей – встревоженная, она поджала губы, от уголков глаз разбежались мелкие морщинки, в стиснутых кулаках дрогнули концы шали.

– Для нас – да. Меня только что вызывала к себе Элайда. Она хотела знать, как у меня обстоят дела. – Сине глубоко вздохнула. – С обнаружением доказательств того, что Алвиарин вступила в изменническую переписку с Драконом Возрожденным. Вообще-то, вначале она была столь осторожна, столь уклончива, поэтому неудивительно, что я неверно поняла, чего ей надо.

– Кажется, лисица ходит по моей могиле, – пробормотала Юкири.

Певара кивнула. Мысль о том, чтобы обратиться к Элайде, испарилась, как роса летним днем. Их уверенность, что сама Элайда – не Черная сестра, основывалась единственно на том, что именно она дала толчок розыскам Черной Айя, но раз она ничего подобного не делала... По крайней мере, Черной Айя неизвестно о тех, кто занялся охотой на них. По крайней мере, об охотницах Черная Айя пока не знает. Но как долго Черные сестры будут пребывать в неведении?

– И по моей тоже, – тихо промолвила Певара.

Алвиарин плавной походкой шагала по коридорам нижних уровней Башни, внешне абсолютно спокойная, но сохранять безмятежный вид ей удавалось с громадным трудом.

Как ярко ни горели бы высокие стоячие светильники с отражателями, ночь как будто бы цеплялась за стены, тени-призраки танцевали там, где их не должно было быть. Несомненно, игра воображения, однако тени плясали на границе поля зрения. Переходы были почти пусты, хотя только что окончилось время второй смены ужина. Большинство сестер в эти дни предпочитали, чтобы еду им приносили в апартаменты, но самые смелые и более дерзкие время от времени решительно отправлялись в обеденные залы, и единицы до сих пор ходили обедать вниз. Алвиарин не могла рисковать тем, чтобы кто-то из сестер увидел ее в смятении или торопящейся: она не даст им повода думать, будто она пробирается куда-то крадучись или стремится к скрытности. Сказать начистоту, ей вообще не нравилось, когда на нее смотрят. Внешне само спокойствие, внутри она просто-таки кипела.

Вдруг Алвиарин поймала себя на том, что трогает пальцами то место на лбу, где ее коснулся Шайдар Харан. Где на нее поставил свою мету сам Великий повелитель. При этой мысли ее едва не охватила истерика, чуть не прорвав пленку спокойствия, однако громадным усилием воли она сохранила на лице маску невозмутимости и слегка подобрала свои шелковые белые юбки. Стоит хоть чем-то занять руки. Великий повелитель отметил ее. Лучше об этом не задумываться. Но как избежать такой судьбы? Великий повелитель... Внешне она демонстрировала полное самообладание, но внутри извивался клубок горчайшей обиды, ненависти и неописуемо-

го ужаса. Тем не менее важнее всего было внешнее спокойствие. И еще было, было зерно надежды. И это тоже важно. Странно думать об этом как о чем-то внушающем надежду, но она готова была цепляться за любую соломинку, лишь бы остаться в живых.

Остановившись перед гобеленом, на котором была изображена женщина в вычурной короне, стоящая перед какой-то давным-давно умершей Амерлин, Алвиарин сделала вид, что рассматривает картину, а сама метнула быстрые взгляды налево-направо. Если не считать ее, то коридор оставался столь же безжизнен, как и заброшенный склеп. Рука стремительно скользнула под край гобелена, в следующее мгновение Алвиарин уже шагала дальше по коридору, сжимая в ладони сложенное послание. Просто чудо, что оно дошло до нее так быстро. Казалось, бумага жжет ей ладонь, но она не могла прочитать записку прямо тут. Неспешным шагом Алвиарин нехотя поднялась в ту часть Башни, что была отведена для Белой Айя. Невозмутимая и ничуть не взволнованная – внешне. Но Великий повелитель отметил ее. Другие сестры будут не спускать с нее глаз.

Из всех Айя Белая была самой маленькой, и в настоящее время в Башне находилось едва ли больше двадцати Белых сестер, однако чуть ли не все они почему-то оказались в главном коридоре. Шагать по нему, выложенному гладкими белыми плитками, было все равно что идти сквозь строй.

Несмотря на поздний час, Сине и Феране, накинув ша-

ли на плечи, направлялись к выходу из апартаментов Белых, и Сине одарила Алвиарин легкой сочувственной улыбкой, отчего той захотелось тут же убить восседающую, вечно сущую свой остренький нос туда, куда не просят. От Феране же сочувствия вряд ли дождешься. Она исподлобья, сердито сдвинув брови, смотрела на Алвиарин, излучая волны такой неприкрытой ярости, какую ни одна сестра не вправе себе позволять. Алвиарин оставалось лишь одно – сделать вид, что не заметила меднокожую женщину, причем стараясь, чтобы это не выглядело нарочитым. Низкорослая и дородная, с круглым лицом, обычным для которого было выражение кротости и участливости, Феране обликом несколько не походила на доманейку, однако нрав у Первой рассуждающей был безжалостный, по-настоящему доманийский. Она вполне могла назначить наказание за малейшее проявление неуважения, особенно той сестре, которая «навлекла позор» как на себя, так и на всех Белых.

Айя испытывала острый стыд из-за того, что Алвиарин лишили палантина хранительницы летописей. Большинство Белых сестер также были очень недовольны потерей влияния. Слишком много сердитых косых взглядов, причем от сестер, по положению много ниже Алвиарин, обязанных без лишних слов повиноваться ее приказам. Другие же нарочно поворачивались к ней спиной.

Алвиарин шла ровным шагом, не торопясь, сквозь скрещения осуждающих взглядов, мимо намеренных оскорбле-

ний, однако ощутила, что щеки начинают гореть. Она пыталась погрузиться в успокаивающую атмосферу апартаментов Белой Айя. Монотонную белизну стен, вдоль которых выстроились посеребренные стоячие светильники с отражателями, лишь кое-где нарушали простые гобелены, с изображениями горных пиков со снежными шапками, затененных лесов, бамбуковых рощиц, пронизанных косыми лучами солнца. С тех пор как Алвиарин получила шаль, она в тяжелые для себя времена при помощи этих образов старалась восстановить внутреннее спокойствие. Великий повелитель отметил ее. Послание будто бы огнем обжигало руку. Неспешный ровный шаг.

Две сестры, мимо которых она прошла, не обратили на Алвиарин внимания просто потому, что не заметили ее. Астрелле и Тэсан обсуждали порчу съестных припасов. Вернее, спорили – лица оставались спокойными, но глаза сверкали, и в голосах проскальзывала горячность. Прежде всего они были арифметистами, как будто логику возможно свести к цифрам, и они, как казалось, никак не могли согласиться с тем, как использовать эти цифры.

– При вычислении по Радуновскому стандарту отклонения показатель в одиннадцать раз выше, чем должен быть, – строгим тоном говорила Астрелле. – Следовательно, это должно указывать на вмешательство Тени...

Тэсан перебила ее, качая головой, отчего вплетенные в косички бусинки застучали друг о дружку:

– Тени – да, но Радуновский стандарт... Он устарел. Необходимо применять Первое правило медиан Кованен и вычислять отдельные параметры для портящегося мяса и для уже испортившегося. Верным результатом, как я сказала, будет тринадцать и девять. Я еще не использовала его при рассмотрении случаев с мукой, бобами и чечевицей, но представляется интуитивно очевидным, что...

Астрелле надулась, задохнувшись от возмущения, а так как она была женщиной от природы пухлой и с внушительным бюстом, то в таком состоянии выглядела весьма впечатляюще.

– Первое правило Кованен? – практически прошипела она, оборвав рассуждения второй сестры. – Оно до сих пор не подтверждено должным образом. Корректные и подтвержденные методы всегда предпочтительнее всяких неряшливых...

Проходя мимо, Алвиарин едва удержалась от улыбки. Итак, кто-то наконец все же заметил, что рука Великого повелителя дотянулась и до Башни. Но даже знание этого факта не поможет им – они ничего не сумеют изменить. Возможно, она и улыбнулась бы, но, когда раздался чей-то голос, она плотно сжала губы.

– Посмотрела бы я, Рамеса, на твои гримасы, если б тебя каждодневно до завтрака стегали ремнем, – сказала Норайн нарочито громко, явно для того, чтобы ее услышала и Алвиарин.

Высокая и стройная Рамеса, чье платье с белой вышивкой украшали нашитые вдоль рукавов серебряные колокольчики, выглядела изумленной оттого, что Норайн именно ей адресовала подобные слова. Пожалуй, она и в самом деле была немало изумлена. Подруг у Норайн было мало, скорее даже ни одной. Та же продолжила, скосив глаза на Алвиарин и проверяя, какова ее реакция:

– Нелогично называть наказание не подлежащим огласке и прикидываться, будто ничего не случилось, когда его наложил сама Амерлин. Но значит, по моему мнению, ее способность здраво и разумно рассуждать всегда переоценивали.

К счастью, до отведенных ей комнат Алвиарин оставалось совсем немного. Аккуратно прикрыв за собою входную дверь, она задвинула засов. Вряд ли кто-то стал бы беспокоить ее, но она не выжила бы, если б рисковала сверх необходимого. Лампы горели, а в камине из белого мрамора плясало маленькое пламя, борясь с холодом раннего весеннего утра. По крайней мере слуги о своих обязанностях не забывают. Но о ней даже слугам было известно.

От испытываемого унижения по щекам беззвучно показались слезы. Ей хотелось убить Сильвиану, но это означало бы лишь то, что тогда каждое утро Алвиарин доставалось бы ремнем от новой наставницы послушниц – пока не смилостивится Элайда. Если не считать того, что Элайда никогда не смилостивится. Вот бы убить – это Алвиарин куда больше

по душе, но такое убийство необходимо тщательно выверить и обдумать. Излишне много неожиданных смертей – и неминуемо возникнут вопросы, возможно, даже опасные вопросы.

Тем не менее все, что могла, она против Элайды сделала. Присланные Кэтрин новости о произошедшей битве распространились среди Черной Айя и уже становятся известны за ее пределами. Алвиарин слыхала, как сестры, не принадлежащие к Черной Айя, обсуждают события у Колодцев Дюмай в подробностях, и если в разговорах рождаются новые детали, то оно и к лучшему. Скоро по Белой Башне расползутся еще и шепотки о вестях из Черной Башни, и, весьма вероятно, слухи будут множиться и порождаться тем же образом. Жаль, что ни того ни другого не окажется достаточным, чтобы опорочить и низвергнуть Элайду, – ведь эти треклятые бунтовщицы, считай, уже подступили к городским мостам, однако Колодцы Дюмай и катастрофа в Андоре, топором повисшие над головой Элайды, не позволят ей выправить то, что успела сделать Алвиарин. Расколоть Белую Башню изнутри – вот что ей велено было сделать. Разбросать семена разлада во всех уголках Башни, ввергнуть ее в хаос. Когда Алвиарин получила подобное приказание, то где-то в душе испытала боль, впрочем, ей и сейчас было больно, но куда больше она была предана Великому повелителю. Первую брешь в Башне пробила сама Элайда, но именно Алвиарин расширила трещину, да так, что пролом уже не заложишь.

Вдруг Алвиарин поймала себя на том, что вновь прика-

сается ко лбу, и рывком отдернула руку. Никакой отметины там не было – ничего такого, что можно ощутить или увидеть. Глядя на себя в зеркало, она всякий раз невольно пыталась что-то рассмотреть. И все же иногда ей казалось, что люди не сводят взора с ее лба, видят нечто такое, что не под силу узреть ее глазам. Это было невозможным, неразумным, однако подобная мысль то и дело закрадывалась ей в голову, как настойчиво она ни гнала ее прочь. Смахнув слезы с лица рукой, в которой была зажата извлеченная из-под гобелена записка, Алвиарин вытащила из поясного кошелья два других послания и направилась к письменному столу у стены.

Стол был простой, без всяких украшений, как и вся прочая мебель в ее апартаментах, – кое-какие предметы мебелировки, как предполагала Алвиарин, сами по себе были весьма посредственного качества. В общем-то, вопрос совсем пустячный: главное – чтобы мебель отвечала своему назначению, а остальное значения не имеет. Бросив три записки на столешницу возле небольшой медной чашки с помятыми боками, она выудила из поясного кошелья ключ и отперла окованный медными полосами сундук, что стоял на полу возле стола. Покопавшись в сундуке, она отыскала среди книжек в кожаных переплетах три нужных – эти маленькие томики оберегались малыми стражами, и, коснись их чужая рука, чернильные строчки исчезнут со страниц. Алвиарин использовала слишком много шифров и не в состоянии была упомянуть все. Потеря этих книг означала бы неприятное

испытание, замена их потребовала бы немалых трудов, поэтому хранились они в крепком сундуке и под замком. Под очень надежным замком. Хорошие и надежные замки – во все не пустяк.

Быстрым движением Алвиарин сорвала тонкие бумажные полоски, удерживавшие в свернутом состоянии извлеченную из-под гобелена записку, поднесла их к пламени лампы и уронила в чашку догорать. Они служили всего лишь метками, указывая на то, где нужно оставить послание, одна – для каждой женщины в цепочке, а дополнительные полоски служили для того, чтобы замаскировать, сколько звеньев сообщению пришлось миновать, прежде чем достигнуть получателя. Слишком много предосторожностей – нереально соблюсти все. Даже сестры ее собственного «сердца» считали, что она всего лишь одна из них. Только три в Высшем совете знали, кто она такая, но Алвиарин, будь такое возможно, и их оставила бы в неведении. Никакие предосторожности не могут быть излишними или чрезмерными, особенно сейчас.

Послание, как только Алвиарин расшифровала его, переписывая на другой лист бумаги, подтвердило ее ожидания, после того как предыдущей ночью не появилась Талене. Женщина покинула апартаменты Зеленых вчера рано утром, неся с собой плотно набитые седельные сумки и небольшой сундучок. Причем вещи несли не слуги – она сама взвалила на себя эту ношу. Судя по всему, никто не знал, куда она отправилась. Вопрос же заключался в том, ударились ли она в

панику, получив вызов на Высший совет, или здесь кроется нечто большее? Алвиарин решила, что нечто большее. Талене действительно смотрела на Юкири и Дозин, словно бы ожидала от них... указаний, наверное. Алвиарин была уверена, что эти ищущие взгляды ей вовсе не почудились. Или же все-таки померещились? Надежда на это весьма невелика. Здесь должно крыться нечто большее. Алвиарин необходимо, чтобы Черной Айя грозила опасность, а иначе Великий повелитель откажет в своей защите.

Сердясь на себя, она отдернула руку ото лба.

Алвиарин никогда не думала о том, чтобы воспользоваться тем припрятанным ею небольшим тер'ангриалом для вызова Месаны. С одной стороны, этому мешало очень важное обстоятельство: женщина решительно намерена убить ее, причем, что весьма вероятно, несмотря на покровительство Великого повелителя. В тот же миг, как Алвиарин лишится этой защиты. Алвиарин видела лицо Месаны, знала о ее унижении. Ни одна женщина не забудет об этом, тем более одна из Избранных. Каждую ночь Алвиарин снилось, как она убивает Месану, нередко в мечтах она строила планы, как преуспеть в этом, однако с ударом нельзя торопиться: главное – обнаружить Месану первой и так, чтобы у той и тени подозрения не возникло, что ее нашли. А Алвиарин требовалось больше подтверждений ее сомнений. Возможно, ни Месана, ни Шайдар Харан не сочтут исчезновение Талене доказательством чего бы то ни было. В прошлом, пусть и

редко, сестры ударялись в панику и убегали, и было бы опасным допускать, что Месана и Великий повелитель не осведомлены о таких случаях.

Алвиарин сунула в пламя лампы бумажку с закодированным сообщением и удерживала ее за уголок, пока та не догорела почти до самых ее пальцев, затем бросила почерневшую полоску поверх пепла в чашке, повторила те же действия с листом, куда записывала расшифровку текста. Обкатанным черным камнем, служившим ей пресс-папье, Алвиарин раскрошила сгоревшую бумагу и растерла золу. Она сомневалась, что кто-то способен восстановить текст на превратившейся в пепел бумаге, но осторожность излишней не бывает...

По-прежнему стоя, Алвиарин расшифровала два других сообщения, из которых узнала, что и Юкири, и Дозин ночуют в комнатах, оберегаемых малыми стражами от вторжения незваных гостей. Удивительной подобную предосторожность не назовешь – в нынешние времена вряд ли кто из сестер решится заснуть без такой защиты, – но это означало, что похитить кого-то из них будет делом непростым. Всегда проще, когда жертву выкрадывают глухой ночью сестры, принадлежащие к той же Айя, что и она сама. И все же те взгляды могли быть случайностью, или же воображение могло сыграть шутку с самой Алвиарин. Ей нужно тщательно обдумать различные возможности.

Вздохнув, Алвиарин достала из сундучка еще несколько

маленьких томиков и осторожно опустилась на набитую гусиным пухом подушечку, уложенную на кресло, что стояло возле письменного стола. Впрочем, недостаточно осторожно – она скривилась от боли, опустившись на кресло всем весом тела. Алвиарин подавила рыдания. Поначалу ей представлялось, что перенести унижение из-за порки Сильвианы будет тяжелее, чем боль от ударов ремнем, но боль не унималась, став постоянной спутницей Алвиарин. Задница ее превратилась в сплошной синяк. И завтра наставница послушниц прибавит новых. И послезавтра, и еще через день, и... Гнетущее видение нескончаемой череды дней, когда ремень Сильвианы порождает у нее вопли и плач... Постоянная игра в гляделки с сестрами, которым все известно о том, что происходит с ней в кабинете Сильвианы.

Старательно гоня прочь подобные мысли, Алвиарин окунула в чернильницу ручку с хорошим стальным пером и принялась выписывать на тонких полосках бумаги зашифрованные приказы. Талене, разумеется, необходимо отыскать и вернуть. Чтобы в назидание другим примерно и сурово наказать, если она просто потеряла голову от страха, а если дело не в этом, если она нашла какой-то способ изменить своим клятвам... Алвиарин цеплялась за эту надежду, отдавая приказ установить тайную и неусыпную слежку за Юкири и Дозин. Нужно придумать, как добраться до них и схватить. А если окажется, что замеченные Алвиарин взгляды – случайность и разыгравшееся воображение, то, что бы они ни

сказали, из их слов все равно можно что-нибудь да слепить. Ведь именно не кто иной, как сама Алвиарин, будет руководить потоками в круге. Что-то можно будет придумать.

Алвиарин писала яростно, не замечая, что, подняв другую руку, пытается, не отдавая себе в том отчета, нащупать метку у себя на лбу.

Сквозь листву высоких деревьев на пригорке над огромным лагерем Шайдо пробивались косые лучи солнца, давно перевалившего за полдень. Среди пятен солнечного света, в ветвях над головой, выводили трели певчие птицы. Цветными облачками проносились мимо иволги и голубые сойки, и Галина улыбнулась. Утром прошел проливной дождь, и в воздухе, под редкими, медленно плывущими белыми облаками, по-прежнему веяло прохладой. Вероятно, серая кобыла, на которой она ехала, – с выгнутой шеей и энергичной поступью – некогда принадлежала какой-то знатной женщине или, самое меньшее, богатой купчихе. Кроме Айз Седай, больше никто не мог позволить себе купить столь великолепное животное. Галина с огромным удовольствием отправлялась на эти прогулки верхом, а кобылу нарекла Быстрой, потому что наступит день, и лошадь стремительно унесет ее на волю; точно так же во время этих поездок женщина тешила себя мыслями о том, что станет делать, когда обретет свободу. Она строила планы, как воздать по заслугам тем, кто подвел ее, начиная с Элайды. Перед внутренним взором возни-

кали картины того, с каким успехом осуществляются планы ее мести, и они доставляли самое большое удовольствие.

По крайней мере, радовалась верховым поездкам она, только пока умудрялась не вспоминать, что этой привилегией она пользуется лишь в знак того, что ею всецело владеет Терава, – как и надетым на Галине белым платьем из плотного шелка, и унизированными огневиками поясом и ожерельем. Улыбка Галины превратилась в гримасу. Украшения для домашней собачки, которой позволено забавляться, пока от нее не потребуют забавлять хозяйку. И, даже далеко отъехав, Галина не могла снять эти драгоценные путы. Кто-то может увидеть. Она ускакала в лес, подальше от Айил, однако они вполне могли повстречаться и тут. Терава может узнать об этом. Как ни трудно было признаваться себе, но Галина до мозга костей боялась Хранительницы Мудрости с соколиными глазами. Терава снилась ей в ночных кошмарах, от которых бросало в дрожь. Часто она просыпалась в холодном поту от собственного плача. Пробуждение всегда приносило облегчение от этих кошмарных видений, не важно, удавалось ей потом проспать остаток ночи или нет.

Галина вполне могла сбежать во время прогулки – никто не запрещал ей этого, не отдавал распоряжения, которому она обязана была бы подчиниться, и от подобного отношения горечь ее была еще горше. Терава знала, что Галина вернется, как бы плохо с ней ни обращались, – в надежде, что однажды Хранительница Мудрости избавит от данной ею про-

клятой клятвы повиноваться. Галина снова обретет возможность направлять Силу, как и когда она того пожелает. Иногда Севанна заставляла ее направлять, выполняя лакейские, ничтожные задания, или просто для того, чтобы продемонстрировать, что она способна командовать ею, но это случилось настолько редко, что Галина страстно желала хотя бы такой возможности обнять *саудар*. Терава не позволяла ей даже коснуться Силы, если только Галина не упрасивала и униженно не вымаливала разрешения, но потом запрещала направить даже прядку Силы. И Галине приходилось умолять, пресмыкаться, унижаться, лишь бы разрешили хоть такую малость. Галина поймала себя на том, что скрежещет зубами, и заставила себя разжать челюсти.

Возможно, Клятвенный жезл в Башне способен избавить ее от этой клятвы, так же как почти идентичный ему жезл, которым владеет Терава, однако Галина не могла быть уверена в этом. Два жезла не были совершенно одинаковы. Единственное различие состояло в маркировке, однако вдруг клятва зависит от того, на каком конкретно жезле она дана? Она боялась уйти без жезла Теравы. Хранительница Мудрости часто оставляла его на виду в своей палатке, но она сказала Галине: «Ты никогда его не возьмешь».

О, Галина могла прикоснуться к этому жезлу, толщиной в запястье, провести пальцами по его гладкой поверхности, однако, как ни напрягала силы, она не могла обхватить его рукой. Ни за что – только если бы кто-то передал его ей. По

крайней мере, Галина надеялась, что в этом случае не будет считаться, что она его взяла. Должно быть так. Только при мысли, что все может оказаться не так, ее охватывали уныние и отчаяние. Примечая жадные взгляды, которые Галина бросала на жезл, Терава расплывалась порой в редкой улыбке.

«Неужели моя маленькая Лина так хочет освободиться от клятвы? – насмешливо говаривала она. – Значит, Лина должна быть очень хорошей собачкой, потому что мысль освободить тебя у меня может появиться только в одном-единственном случае: когда ты убедишь меня, что даже после этого останешься моей собачкой».

Всю жизнь быть игрушкой для Теравы и мишенью, на которой она отыгрывается за свой вспыльчивый нрав? Остаться девочкой для битья, на ком Терава отводит душу, когда в ней вспыхивает гнев на Севанну? Чувства, возникающее у Галины при этих мыслях, никак нельзя описать словом «отчаяние». Вернее подошло бы слово «ужас». Галина опасалась, что, случись подобное, она сойдет с ума. И в той же мере она опасалась, что у нее не будет такого пути для бегства, как безумие.

В крайне дурном расположении духа, она приложила руку «козырьком» ко лбу, прикинула высоту солнца. Терава просто сказала, что ей хотелось бы, чтобы Галина вернулась за светлом, и, хотя до сумерек оставалась еще добрая пара часов, Галина с сожалением вздохнула и не мешкая повернула

Быструю, направив кобылу вниз по склону, между деревьями в сторону айильского лагеря. Хранительнице Мудрости нравилось добиваться послушания, не отдавая прямых приказов. Для этого она знала тысячу способов, отчего у Галины кожа покрывалась мурашками. Ради собственной безопасности малейшее пожелание Теравы ей нужно принимать как приказание. Стоит опоздать на несколько минут, и ее ждет такое наказание, при мысли о котором Галина съеживалась от страха. Она ежилась и ударами каблуков то и дело подгоняла кобылу, и без того быстро ступавшую среди деревьев. Оправданий Терава не признавала. Никаких.

Вдруг перед Галиной возник айилец – из-за толстого ствола шагнул высокий мужчина в *кадин'сор*, на котором висел футляр с луком, за спиной заткнуты копья, а кольчужная вуаль спущена на грудь. Ни слова не сказав, он ухватился за уздечку.

Какое-то мгновение Галина оторопело смотрела на него, потом возмущенно выпрямилась в седле.

– Болван! – рявкнула она. – Неужели ты не знаешь, кто я? Отпусти лошадь, а не то Севанна и Терава спустят с тебя шкуру! Сначала одна, потом другая.

Обычно у этих айильцев мало что отражалось на лице, но ей почудилось, будто его зеленые глаза слегка расширились. И потом она закричала, когда он рывком выдернул ее из седла, схватив за белое одеяние громадной пятерней.

– Замолчи, *гай'шайн*, – сказал айилец, но таким тоном,

будто ему было безразлично, подчинится она его словам или нет.

Одно время Галине приходилось повиноваться всем, но, как только они поняли, что она подчиняется любому приказу любого айильца, очень многим доставляло удовольствие давать ей какое-нибудь глупое поручение, и, когда она требовалась Тераве или Севанне, она оказывалась занята. Теперь же от нее требовалось повиноваться только определенным Хранительницам Мудрости и Севанне, поэтому Галина брыкалась и отбивалась, вопила в отчаянной надежде, что ее крики привлекут кого-то, кому известно, что она принадлежит Тераве. Если бы только ей разрешили носить с собой нож! Даже нож стал бы каким-никаким подспорьем. Как так вышло, что этот мужчина не узнал ее? Или он почему-то не знает, что означают эти украшенные драгоценностями пояс и ожерелье? Лагерная стоянка огромна, в ней людей не меньше, чем в крупном городе, однако, по-видимому, все и каждый мог чуть ли не пальцем указать на любимую зверушку Теравы, на эту мокроземку. Наверняка та прикажет с этого парня кожу живьем содрать, и Галина обязательно полюбуется на это зрелище, от первой минуты до последней.

Слишком быстро стало понятно, что нож ей ничуть не пригодился бы. Как она ни боролась, айилец управился с Галиной без труда: натянул капюшон ей на голову, ослепив ее, потом затолкал, сколько смог, ткань одеяния ей в рот и закрепил импровизированный кляп. Затем бросил ее ничком

наземь и крепко-накрепко связал запястья и лодыжки. При чем с той же легкостью, словно она была ребенком! Сколько бы Галина ни дергалась и ни сопротивлялась, все ее усилия пропали втуне.

– Гаул, ему нужна гай’шайн не из Аийл, но гай’шайн, которая разъезжает верхом, да еще в шелках? – раздался мужской голос, и Галина замерла. Это не айилец. В его голосе отчетливо слышался выговор Муранди! – Наверняка и это не в ваших обычаях, да?

– Шайдо. – Второй это слово точно сплюнул, будто выругался.

– Ладно, все равно надо отыскать еще двух-трех, если ему нужно узнать что-то полезное. А может, и трех, и пяти будет мало. Там уйма народу в белом, десятки тысяч человек, и она может оказаться среди них где угодно.

– Думаю, Фагер Неалд, вот эта, наверное, сможет рассказать Перрину Айбара то, что ему хочется узнать.

Если прежде Галина замерла, то сейчас буквально застыла – ее словно ледяной водой окатили. В животе все оледенело, сердце обратилось в ледышку. Этих людей отправил Перрин Айбара? Если ему взбредет в голову напасть на Шайдо, чтобы освободить свою жену, его убьют, уничтожив тот рычаг, которым пользовалась Галина, воздействуя на Фэйли. Если мужа убьют, то женщине будет все равно, что откроется, а у других нет секретов, разглашения которых они страшатся. В ужасе Галина увидела, как тают ее надежды заполучить за-

ветный жезл. Она должна его остановить. Но как?

– А почему ты так думаешь, Гаул?

– Она – Айз Седай. И похоже, в подружках у Севанны.

– Во-от ка-ак? – задумчиво протянул мурандиец. – Неужели?

Как ни странно, ни один из мужчин не выказал ни малейшей обеспокоенности тем, что они захватили Айз Седай. И айилец, по-видимому, совершенно ясно понимает, кто она такая. Даже если он из ренегатов Шайдо, ему, должно быть, неизвестно, что она не может направлять без разрешения. Это знали только Севанна и немногие из Хранительниц Мудрости. Все это еще больше сбивало Галину с толку.

Вдруг ее подняли в воздух и положили на живот. Перекинув через седло ее же лошади, как сообразила Галина, и в следующий момент ее затрясло на жесткой выделанной коже, поэтому кто-то из мужчин рукой придержал женщину, чтобы она не свалилась с кобылы, когда та затрусила рысцой.

– Давай, Фагер Неалд, веди нас туда, где ты проделаешь ту свою дыру.

– На другой стороне холма, Гаул. Хотя я уже так часто тут бывал, что могу проделать переходные ворота практически откуда угодно. А вы, айилцы, всегда бегом ходите?

Переходные ворота? О каком вздоре болтает этот мужчина? Отбросив эту чушь в сторону, Галина принялась размышлять о возможных вариантах и пока не находила ни одного хорошего для себя решения. Связанная, точно овца, ко-

торуую везут на базар, с заткнутым ртом – ее никто не услышит и за десять шагов, даже если она станет орать во всю мощь легких, и шансов на спасение никаких, если только те, кто ее пленил, не натолкнутся на каких-нибудь дозорных Шайдо. Но хочет ли она того?

Только когда ее пленители доберутся до Перрина Айбара, у нее будет хоть какая-то возможность остановить его и не позволить разрушить взлелеянные ею планы. С другой стороны, в скольких днях пути находится его лагерь? Не может быть, чтобы он был рядом, иначе Шайдо уже обнаружили бы бивак. Галина знала, что разведчики прочесывают местность на десять миль вокруг лагеря. Но сколько бы дней ни ушло на дорогу до лагеря Айбара, столько же времени уйдет на обратный путь. Она опоздает не на минуты – на целые дни.

Терава не станет за это ее убивать. Просто заставит пожалеть, что она не умерла. Галина попытается все объяснить. Расскажет байку, что ее захватили разбойники. Нет, просто пара разбойников; и так трудно поверить, что два человека сумели подобраться к лагерю настолько близко, о целой разбойничьей шайке и речи быть не может. У нее не было возможности направлять Силу, и для побега ей потребовалось время. Она сумеет убедительно рассказать обо всем. Это могло бы убедить Тераву. Если бы она... Нет, бесполезно. В первый раз Терава наказала Галину за опоздание, когда лопнула подпруга и Галине пришлось возвращаться пешком, ведя лошадь в поводу. Терава не приняла такого оправдания

проступку, и она не примет и объяснений Галины, что ее похитили. Галине хотелось расплакаться. На самом деле, как вдруг поняла женщина, она уже плакала – из глаз текли слезы безысходности, и ей не под силу было их унять.

Лошадь остановилась, и не успела Галина хоть о чем-то подумать, как конвульсивно и отчаянно задержалась, пытаюсь свалиться с седла, заходясь в крике, насколько позволял кляп. Похитители, скорей всего, не хотят нарваться на дозорных и потому пережидают. Наверняка Терава поймет, что случилось, если дозорные возвратятся в лагерь с Галиной и теми, кто ее захватил, если даже Галина опоздает к сроку. Тогда Галина сумеет найти способ управиться с Фэйли, пусть даже ее муж будет мертв.

Крепкая рука отвесила Галине тяжелую затрещину.

– Не шуми, – промолвил айилец, и они отправились дальше.

У Галины из глаз снова полились слезы, и от них промок закрывавший лицо шелковый капюшон. Терава заставит ее выть. Но, даже рыдая, Галина начала прикидывать и обдумывать, что ей нужно будет сказать Айбара. По крайней мере, может, ей удастся сохранить шанс заполучить жезл. Терава собиралась... Нет. Нет!

Ей необходимо сконцентрироваться на том, что сделать. Образы Хранительниц Мудрости, глядящих на нее жестокими глазами, держащих в руках розги, ремни или сложенные веревки, всплывали у нее в голове, но Галина всякий раз за-

гоняла их подальше, пока мысленно перебирала те вопросы, какие может задать ей Айбара, и придумывала свои возможные ответы. Придумывала, что такого она способна сказать, чтобы именно ей он вверил безопасность своей жены.

С ее размышлениями нисколько не увязывалось случившееся дальше, и Галина никак не ожидала, что ее поднимут с лошади и поставят на ноги спустя не больше часа после того, как ее захватили.

– Расседлай ее лошадь, Норен, и привяжи вместе с остальными, – сказал мурандиец.

– Будет сделано, мастер Неалд, – донесся ответ. С отчетливым кайриэнским выговором.

Узы вокруг лодыжек ослабли, между запястьями Галины протиснулся нож, разрезая стягивавшие их веревки, затем развязали то, что удерживало на месте кляп. Галина выплюнула изо рта влажный шелк, промокший от ее же слюны, и рывком сдернула капюшон.

Низенький мужчина в темной одежде уводил Быструю прочь, мимо группы больших залатанных палаток и маленьких избушек, которые, судя по виду, сложены из нетесаного дерева, а скорее даже из сучьев, в том числе и толстых сосновых веток с бурыми иголками. Сколько нужно времени, чтобы сосна пожухла и хвоя побурела? Наверняка дни, а вероятней, недели. У костров было человек шестьдесят-семьдесят: они хлопотали над дымящимися котелками с едой или просто сидели на деревянных табуретах и обличьем ничем

не отличались от фермеров в своих простых, грубоотканых одеждах. Но кое-кто точил мечи, а копья, алебарды и еще какие-то штуковины на длинных древках были составлены в десяток пирамид в разных частях лагеря. Между палатками и временками по обе стороны от себя Галина заметила еще людей: мимо ехали всадники, многие в шлемах и кирасах, вооруженные длинными пиками, с узкими вымпелами у наконечников. Солдаты, выезжающие в дозор. А скольких еще она не увидела? Не важно. Представшая глазам Галины картина просто невероятна! Невозможна! Шайдо отправляли часовых куда дальше того места, где расположился этот лагерь. Она в этом совершенно уверена!

– Стоит только на ее лицо посмотреть, – пробурчал Неалд, – а мне, чтобы убедиться, хватит и этого холодного, все оценивающего взгляда. Она словно бы камень перевернула и под ним червячков рассматривает.

Худосочный малый в черной куртке, с интересом глядя на пленницу, разгладил костяшками пальцев навощенные усы, стараясь не испортить тщательно сведенные в ниточку кончики. При нем был меч, но вид у него был такой, что язык не повернется назвать его солдатом или воином-дружинником.

– Ладно, Айз Седай, пойдем тогда, – сказал он, беря Галину под руку. – Лорд Перрин наверняка захочет задать тебе несколько вопросов. – Она рывком высвободилась, но он спокойно вновь сжал ее руку выше локтя, уже покрепче. – И давай без капризов.

Рослый айилец Гаул взял Галину под другую руку, и ей оставалось идти с ними, а иначе ее просто потащили бы. Она шагала, высоко вскинув голову, делая вид, что мужчины просто сопровождают ее, но всякий, увидевший, как они держат ее за руки, сразу уловил бы разницу. Глядя прямо перед собой, Галина все равно ловила на себе взгляды вооруженных фермерских парней вокруг – в большинстве своем совсем юных. Они не взирали с благоговением или трепетным ужасом, а просто смотрели: спокойно, оценивающе, бесстрастно. Как они смеют так своевольно обходиться с Айз Седай? Кое-кто из Хранительниц Мудрости, не зная о связывающей ее клятве, начинал выражать сомнения, что она – Айз Седай: слишком уж с большой готовностью Галина повиновалась и столь явно пресмыкалась перед Теравой, но эти-то двое совершенно точно знали, кто она такая. И им было все равно. Галина подозревала, что и окружающие мальчишки-фермеры тоже знали, что она Айз Седай, но тем не менее не выказывали никакого удивления, видя, как с ней обращаются. От этого у нее по спине побежали мурашки.

Когда Галина и ее конвоиры приблизились к большой палатке в красно-белую полоску с откинутыми и подвязанными входными клапанами, она услышала раздававшиеся оттуда голоса.

– ...сказал, что готов выступить немедленно, – донесся мужской голос.

– У меня нет возможности кормить даже один лишний

рот, когда я не знаю, насколько все затянется, — отвечал второй мужчина. — Кровь и пепел! Сколько еще нужно времени, чтобы устроить встречу с этими людьми?

Рослый Гаул пригнулся, входя в палатку, но Галина ступила внутрь так, словно бы перешагивала порог собственных апартаментов в Белой Башне. Пусть она и пленница, но она — Айз Седай, и этот простой факт сам по себе мощный инструмент. И грозное оружие. С кем это он организует встречу? Уж наверняка не с Севанной. Пусть это будет кто угодно, но лишь бы не Севанна.

По контрасту с обтрепанным видом лагеря, в шатре на полу обнаружился настеленный цветастый ковер, а с поддерживающих крышу шестов свисали два шелковых гобелена, вышитые цветами и птицами в кайриэнской манере. Галина сосредоточила взор на высоком широкоплечем мужчине — он стоял спиной к ней, в одной рубашке, опершись кулаками на изящный, украшенный позолотой столик с тонкими ножками. Столик был завален грудami карт и листами бумаги. Галина лишь раз видела Перрина Айбара, мельком в Кайриэне, однако была совершенно уверена: это тот самый мальчишка-селянин из родной деревни Ранда ал'Тора, пусть и облаченный в шелковую рубашку и до блеска начищенные сапоги. Даже отвороты на сапогах глянцеvито блестели. К тому же и все остальные в палатке, как казалось, смотрели на него.

Когда Галина вошла в шатер, высокая женщина — в зе-

леном шелковом платье с высоким, под подбородок, воротником, самую чуточку украшенном кружевами у запястий и горла, с черными, волнами ниспадавшими на плечи волосами – знакомым жестом положила ладонь на руку Айбара. Галина узнала ее.

– Она выглядит настороженной, Перрин, – произнесла Берелейн.

– По моему мнению, боится западни, лорд Перрин, – вмешался седоволосый мужчина в изысканно украшенной кирасе, надетой поверх алой куртки.

По виду тот еще упрямец. Как решила Галина, гэалданец. Раз он и Берелейн здесь, то это, по крайней мере, объясняет присутствие солдат, хотя непонятно, как они оказались там, где им находиться невозможно.

Галина порадовалась, что не столкнулась с Берелейн в Кайриэне. Иначе сложившаяся сейчас ситуация стала бы не просто неловкой. Она пожалела, что руки у нее не свободны, – ей хотелось вытереть с лица следы слез, но двое мужчин крепко держали ее под локти. С этим ничего не поделаешь. Она – Айз Седай. Только это и имеет значение. Только это для нее и должно иметь значение. Галина открыла рот, чтобы, решительно заговорив, взять на себя инициативу и...

Вдруг Айбара взглянул на нее через плечо, словно бы каким-то образом почуял ее присутствие, и при виде его золотистых глаз у Галины язык будто примерз к гортани. Она отмахивалась от слухов и рассказней, будто бы у того волчьи

глаза, но сейчас на нее смотрели глаза волка. Безжалостные волчьи глаза на сурово-каменном лице. Рядом с ним гэалда-нец казался чуть ли не ласковым дедушкой. И вдобавок печальное лицо над этой коротко стриженной бородкой. Несомненно, горюет о своей жене. Этим можно воспользоваться.

– Айз Седай в белом облачении гай’шайн, – бесстрастно промолвил он, повернувшись лицом к Галине. Айбара был мужчиной крупным и рослым, пусть и не такой громадиной, как айилец, и, стоя в нескольких шагах, внушал страх, а золотистые глаза словно бы видели все. – И видимо, захвачена. Она не хотела идти с вами?

– Она трепыхалась, как форель на берегу, милорд, пока Гаул ее связывал, – отозвался Неалд. – Мне оставалось только стоять рядом и смотреть.

Странные слова... и сказаны таким многозначительным тоном. А что бы он мог? И тут Галина заметила еще одного мужчину в черной куртке – коренастого, явно многое в жизни пережившего. У него на высоком черном вороте сверкнул серебряный значок в виде меча. И она вспомнила, где в последний раз видела мужчин в черных куртках. Они возникли из ниоткуда, точно из дыр в воздухе, как раз перед тем, как все пошло прахом в катастрофе у Колодцев Дюмай. Неалд и его дыры, его врата. Эти мужчины способны направлять Силу.

Галине потребовалось собрать всю свою волю, чтобы подавить желание вырваться из хватки мурандийца, броситься

прочь от него. От такой близости к нему у нее скрутило желудок. Он к ней прикасался... Ей хотелось заскулить, завывать, и это поразило ее.

Нет-нет, она не поддастся! Она крепче, она выдержит! Галина изо всех сил старалась сохранить безмятежный вид, а у самой внезапно напрочь пересохло во рту.

– Говорит, она дружна с Севанной, – сказал свое слово Гаул.

– Подруга Севанны... – нахмурившись, промолвил Айбара. – И носит одеяние гай'шайн. Шелковое, да еще и украшения в придачу, но все же... Ты не хотела идти, но не стала направлять Силу, чтобы не дать Гаулу с Неалдом увести тебя. И ты перепугана. – Он покачал головой. Откуда он узнал, что она боится? – Меня удивляет, что после Колодцев Дюмай в компании с Шайдо оказалась Айз Седай. Или ты об этом ничего не знаешь? Ладно, отпустите ее, хватит. Не думаю, что она пустится наутек, раз уж позволила увести себя так далеко.

– Колодцы Дюмай не имеют никакого значения, – холодно промолвила Галина, едва только мужчины выпустили ее из своей хватки. Впрочем, парочка осталась стоять по бокам от нее, и она гордилась тем, что голос не дрожал. Мужчина, способный направлять Силу. Двое мужчин, а она одна. Одна-одинешенька и неспособная направить даже прядку Силы. Галина стояла выпрямившись, горделиво подняв голову. Она была Айз Седай и не могла позволить, чтобы они увиде-

ли ее слабость. Откуда он узнал, что она испытывает страх? Ни капли страха не просочилось в голос Галины. Лицо ее было все равно что высечено из камня – так она старалась напустить на себя невозмутимый вид. – У Белой Башни есть цели, знать или понимать которые могут только Айз Седай, и никто иной. Я здесь по делу Башни, а вы мешаете мне. Неразумное решение для любого мужчины.

Гэалданец сокрушенно покивал, словно бы ему лично уже был преподан подобный урок; Айбара же просто посмотрел на Галину, с ничего не выражающим лицом.

– Я услышала твое имя, и это единственная причина, почему все так произошло. Иначе этим двоим не поздоровилось бы, – продолжила Галина. Если мурандиец или айилиец заикнется про то, как долго она сопротивлялась, она готова утверждать, что поначалу была ошеломлена, но они молчали, и Галина заговорила быстро и напористо: – Твоя жена Фэйли находится под моим покровительством, как и королева Аллиандре, и, когда я закончу свое дело с Севанной, я отведу обеих в безопасное место и помогу им добраться туда, куда они пожелают. Между тем ваше присутствие тут угрожает моим планам и делу Белой Башни, чего я допустить не могу. Оно также ставит под угрозу и тебя самого, и твою жену, и Аллиандре. В том лагере – десятки тысяч айильцев. Много десятков тысяч. Если они нападут на вас – а их разведчики наверняка вскоре обнаружат ваш лагерь, если уже не обнаружили, – то попросту сотрут вас с лица земли. Из-

за этого могут пострадать и твоя жена, и Аллиандре. Вероятно, я не сумею остановить Севанну. Она женщина жестокая, и многие из Хранительниц Мудрости способны направлять Силу, их почти четыре сотни, и все готовы применить Силу в качестве оружия. Они могут прибегать к насилию, а я – Айз Седай, и это запрещено данными мною Клятвами. Если желаешь защитить свою жену и королеву, сворачивай лагерь и скачи прочь во весь опор. Возможно, они и не станут атаковать, если увидят, что вы отступаете. На это одна надежда – и у тебя, и у твоей жены.

Ну вот. Если хоть какие-то из брошенных Галиной семян дадут всходы, этого будет достаточно, чтобы он повернул обратно.

– Если опасность грозит Аллиандре, лорд Перрин, – начал было гэалданец, но Айбара остановил его, подняв руку.

Одного жеста оказалось достаточно. Старый воин стиснул челюсти – Галине почудилось, будто она слышит, как они скрипят, но больше он не проронил ни слова.

– Ты видела Фэйли? – спросил молодой человек, в голосе его проскользнуло волнение. – С ней все хорошо? Ей не сделали ничего плохого?

Кажется, этот дурень не услышал ни слова из сказанного Галиной, за исключением упоминания о его жене.

– Да, с ней все хорошо, и она – под моим покровительством, лорд Перрин. – Если этому выскочке, этому неотесанному мальчишке-селянину хочется, чтобы его называли

лордом, она снизойдет до подобного обращения. – Обе, она и Аллиандре. – (Солдат мрачно сверкнул глазами на Айбара, но не воспользовался возможностью что-нибудь сказать.) – Ты должен прислушаться к моим словам. Шайдо убьют тебя, если...

– Подойди сюда и взгляни на это, – перебил ее Перрин, поворачиваясь к столу и пододвигая к себе большой лист.

– Простите его, Айз Седай, ему недостает хороших манер, – пробормотала Берелейн, протягивая Галине изукрашенный затейливой чеканкой серебряный кубок с темным вином. – Это можно понять: ситуация непростая и столько всего на него обрушилось. Ах да, я не представилась. Я – Берелейн, Первенствующая Майена.

– Я знаю. Можешь называть меня Алис.

Берелейн улыбнулась, словно бы поняла, что это не настоящее имя Айз Седай, однако ничего против не сказала. Первенствующую Майена никак не назовешь наивной простушкой. Жаль, что придется иметь дело с мальчишкой, а не с ней: весьма легко управлять людьми, искушенными в интригах и умудренными опытом, которые полагают, будто им под силу танцевать на пару с Айз Седай. Сельский же люд благодаря своему невежеству нередко отличается упрямством. Но паренек наверняка уже должен кое-что знать об Айз Седай. Вероятно, если не обращать на него внимания, тогда мальчишка задумается о том, кто она такая и что это значит.

На вкус Галины вино было все равно что аромат цветов.

– Вино очень неплохое, – сказала Галина с искренней благодарностью.

Уже много недель она не пробовала пристойного вина. Терава не позволяла ей предаваться маленьким радостям жизни, от которых сама Хранительница Мудрости отказалась. Если бы та прознала, что в Малдене Галине удалось обнаружить несколько бочонков, то у Галины не было бы даже посредственного вина. И уж наверняка вдобавок бы Галину без всякой жалости выпороли.

– У нас в лагере есть и другие сестры, Алис Седай. Масури Сокава и Сеонид Трайган. А еще моя собственная советница Анноура Ларизен. Не хотите поговорить с ними, когда закончите беседовать с Перрином?

С напускной небрежностью Галина надвинула широкий капюшон поглубже, чтобы скрыть лицо в его тени, и еще глотнула вина, стараясь выиграть время для размышлений. Раз тут Берелейн, то присутствие здесь Анноуры вполне объяснимо, а вот что тут делают две другие? Они были в числе тех, кто бежал из Башни после низложения Суан и восшествия Элайды на Престол Амерлин. Правда, никому из них не известно о причастности Галины к похищению мальчишки ал’Тора по указке Элайды, но все-таки...

– Пожалуй, нет, – пробормотала Галина. – Их дела – это их дела и с моими никак не связаны. – Она многое бы отдала, чтобы узнать, что привело этих сестер сюда, но не такой ценой – нельзя допускать, чтобы ее узнали. У любого сторон-

ника Дракона Возрожденного могут оказаться свои... взгляды... относительно Красных. – Помогите убедить Айбара, Берелейн. Вашей Крылатой гвардии не справиться с теми силами, что Шайдо отправят против них. Сколько бы гэалданцев с вами ни было, они ничем не помогут. Даже будь у вас целая армия, разницы не было бы никакой. Шайдо слишком многочисленны, и у них сотни Хранительниц Мудрости, готовых воевать Единой Силой. Я видела их в деле. И вы сами тоже можете погибнуть. Даже если вас возьмут в плен, я не могу обещать, что сумею заставить Севанну освободить вас, когда я уйду.

Берелейн рассмеялась, словно бы ей были нипочем тысячи Шайдо и сотни Хранительниц, способных направлять Силу.

– О-о-о, не бойтесь, они нас не найдут. Отсюда до их лагеря добрых три дня пути верхом, если не четыре. Здесь неподалеку местность становится весьма пересеченной.

Три дня, может быть, четыре. Галина задрожала. Ей следовало пораскинуть мозгами раньше. Три или четыре дня пути – и преодолены менее чем за час. Через дыру в воздухе, созданную мужской половиной Силы. Она была совсем рядом, чтобы *саудин* коснулась ее. Тем не менее Галина со владела со своим голосом:

– И все равно вы должны помочь мне убедить его. Он должен отказаться от нападения. Для него это обернется катастрофой, и для его жены, и для всех, кто будет участвовать

в атаке. Вдобавок то, что я делаю, имеет для Башни большое значение. А вы всегда решительно поддерживали Башню.

Лесть – для правительницы одного-единственного города и нескольких гайдов земли окрест, но малозначительных лесть умасливает точно так же, как и могущественных.

– Перрин упрям, Алис Седай. Сомневаюсь, чтобы он передумал. Если он что-то решил, то заставить его отказаться от своих планов непросто.

По какой-то причине молодая женщина улыбнулась, да такой непостижимой улыбкой, что та сделала бы честь любой Айз Седай.

– Берелейн, может, потом поболтаете? – нетерпеливо окликнул женщин Айбара, и это вовсе не было предложением. Он постучал по листу бумаги толстым пальцем. – Алис, не взглянешь ли на это?

Его слова никак нельзя было назвать предложением. Да с чего этот мужчина возомнил, будто вправе приказывать Айз Седай?

Тем не менее, подойдя к столу, Галина оказалась чуть подальше от Неалда. Однако ближе ко второму мужчине в черном, который пристально ее рассматривал, но стоял тот по другую сторону стола. Хилая преграда, но она решила не обращать на него внимания, обратив взор на лист бумаги, прижатый пальцем Айбара. Галина с трудом сдержала изумление – брови готовы уже были полезть на лоб. На бумаге перед ней предстала примерная карта городка Малден. Чер-

теж довершал акведук, по которому в городок поступала вода из озера, находящегося в пяти милях; тут же был схематично изображен лагерь Шайдо, окружающий город. Настоящим сюрпризом были пометки, относящиеся, по всей видимости, к септам, прибывшим сюда с того времени, как Шайдо достигли Малдена. Там же были и цифры их численности, все это свидетельствовало, что люди Айбара какое-то время вели наблюдение за лагерем. На другой карте, похожей на набросок, был, по-видимому, показан сам город, с указанием определенных деталей.

– Вижу, вам понятно, насколько велик лагерь, – заметила Галина. – Вы должны понимать, что вызволить ее оттуда – дело безнадежное. Даже будь у вас сотня таких людей, – произнести эти слова ей было ох как непросто, и она не сумела сдержать проскользнувшее в голос презрение, – их было бы недостаточно. Эти Хранительницы Мудрости будут сражаться. А их сотни. Неминуема бойня, тысячи погибших, и твоя жена, вероятно, окажется в их числе. Я же говорила тебе, она и Аллиандре – под моим покровительством. Когда я завершу свое дело, то доставлю обеих в безопасное место. Ты слышал, что я сказала, поэтому, зная о Трех Клятвах, ты понимаешь, что это правда. Не допусти ошибку, считая, что связь с Рандом ал'Тором защитит тебя, если ты вмешаешься в дела Белой Башни. Да, мне известно, кто ты такой. Думаешь, твоя жена мне не рассказала? Она доверяет мне, и если ты хочешь, чтобы она оказалась в безопасности, то и ты тоже

должен мне доверять.

Этот идиот посмотрел на нее так, будто ее слова в одно ухо влетели, а из другого вылетели, ни на миг не задержавшись в голове. М-да, а под взглядом этих глаз чувствуешь себя действительно неуютно.

– Где они ночуют? Она и все остальные, кто был с нею захвачен. Покажи мне.

– Не могу, – ровным голосом ответила Галина. – Гай’шайн редко проводят на одном месте две ночи подряд. – С этой ложью растаяла последняя для Галины возможность оставить в живых Фэйли и ее товарищей. О, у нее и в мыслях не было помогать им, если это хоть как-то уменьшит ее шансы на бегство, а позже их гибель можно будет объяснить неким трагическим стечением обстоятельств. Однако Галина не желала идти на риск: когда-нибудь они все-таки могут вырваться из плена Шайдо и тогда ее могут уличить в обмане и вскрыется ее откровенная ложь.

– Я освобожу ее! – прорычал Айбара, причем так тихо, что она едва-едва слышала его слова. – Чего бы это ни стоило.

Мысли Галины понеслись вскачь. Похоже, он втемяшил себе в голову, что должен спасти жену, и нет способа отвлечь его, увести в сторону, но, может, ей удастся задержать его? Хотя бы это она должна сделать.

– По крайней мере с нападением вы не станете торопиться? Еще несколько дней, и я закончу свои дела. Самое большее через неделю. – Предельный срок заставит Фэйли поше-

веливаться. Прежде подгонять события было опасным; неисполненная угроза утрачивает свою действенность и силу, и слишком велики были шансы, что Фэйли не сумеет вовремя добраться до жезла. Теперь же возможность становится необходимостью. – Если я сумею завершить свои дела и выведу твою жену и остальных, тогда незачем будет бессмысленно расставаться с жизнью. Одна неделя.

Покраснев от досады, Айбара с силой опустил кулак на столешницу – от увесистого удара стол даже подпрыгнул.

– Ты могла бы получить три-четыре дня, – прорычал он, – даже неделю или больше, если бы... – Он осекся, так и не произнеся того, что собирался. Эти странные глаза впились в лицо Айз Седай. – Но я не могу обещать тебе ни дня, – продолжил он. – Будь выбор за мной, я бы атаковал немедленно. Я не желаю оставлять Фэйли в плену даже на день дольше, дожидаясь, пока дадут плоды всякие махинации Айз Седай, связанные с Шайдо. Ты утверждаешь, что она под твоей защитой, но как ты способна ее защитить, коль сама в таком одеянии? В лагере налицо признаки пьянства. Даже кое-кто из часовых у них бывает в подпитии. Неужели Хранительницы еще и с подобным мирятся?

Неожиданный поворот в разговоре заставил Галину моргнуть.

– Хранительницы Мудрости пьют только воду, так что вам не стоит думать, будто их можно застать врасплох мертвецки пьяными от вина, – холодно отозвалась она. И совершенно не

покрывив душой. Ее всегда забавляло, когда правда служила ее целям. Впрочем, не сказать, что пример Хранительниц Мудрости приносит существенные плоды. Пьянство широко распространилось среди Шайдо. Всякий раз возвращающиеся из набегов приносили с собой все вино, какое удавалось отыскать. Десятки, если не сотни маленьких винокурен производили отвратительное пойло из зерна, и, стоило Хранительницам уничтожать один перегонный заводик, на его месте возникало два новых. Однако если Перрин узнает об этом, то такое знание лишь придаст ему решимости. – Что же касается других, то мне и прежде доводилось быть в походе с войсками, и скажу, что тогда пили куда больше, чем я видела у Шайдо. Если из десятков тысяч – пьяных сотня, то что это вам даст? Вообще-то, было бы лучше, пообещай ты мне неделю. А еще лучше – две недели.

Взор Айбара метнулся к карте, а его правая рука вновь сжалась в кулак, но в его голосе гнева не слышалось.

– Часто ли Шайдо ходят в сам город?

Галина поставила чашу с вином на стол и выпрямилась. Не без усилия над собой, но она взглянула в желтые глаза, сумев при этом не выказать колебаний:

– По-моему, давно уже пора, чтобы ты выказал мне надлежащее уважение. Я – Айз Седай, а не какая-то служанка.

– Часто ли Шайдо ходят в сам город? – повторил Айбара тем же самым ровным тоном.

Галина едва зубами не заскрежетала.

– Нет, – раздраженно сказала она. – Они уже все разграбили, выгребли подчистую то, что стоит украсть, а заодно и то, что не стоило. – Она пожалела о своих словах в тот же миг, как они слетели у нее с языка. Слова казались безобидными, неопасными, пока Галина не вспомнила о мужчинах, способных выскакивать из ниоткуда, будто из дыр в воздухе. – Не сказать, что они вообще не заходят в город. Обычно сколько-то человек там появляется. Одновременно внутри городских стен их может оказаться двадцать или тридцать человек, порой больше, группами по двое-трое. – Хватит ли у него мозгов сообразить, что это значит? Лучше убедиться, что он поймет все верно. – Всех тебе не обезвредить. Неизбежно кому-то удастся сбежать, и в лагере поднимется тревога.

Айбара только кивнул.

– Увидишь Фэйли, передай ей, что в день, когда она увидит туман на горной гряде и услышит волчий вой при свете дня, пусть уходит вместе с остальными в северную часть города. Там они спрячутся в крепости леди Кайрен. Скажи ей, что я люблю ее. Скажи ей, что я приду за ней.

Волки? Он что, помешался? Откуда у него уверенность, что волки станут?.. Вдруг до Галины дошло – дело тут в этих его волчьих глазах, и она не была уверена, что ей хочется знать всю подноготную.

– Я ей все передам, – солгала Галина.

Вероятно, он всего лишь намеревался с помощью мужчин

в черных мундирах выкрасть свою жену? Но почему и чего он в таком случае ждет? Эти желтые глаза скрывали секреты, которые ей хотелось знать. С кем он пытается устроить встречу? Явно не с Севанной. Тогда бы Галина возблагодарила Свет, не откажись давным-давно от подобных благоглупостей. Кто же собирается отправиться с ним на встречу? Был упомянут один человек, но это могло означать и короля во главе армии. Или же речь шла о самом ал'Торе? Галине оставалось молиться, чтобы никогда больше с ним не встретиться.

Ее обещание, казалось, ослабило какую-то натянутую струну в молодом человеке. Он медленно выдохнул, и напряжение, которого она не замечала, покинуло его лицо.

– С головоломками кузнеца вся загвоздка, – тихо произнес он, постукивая по плану Малдена, – в том, что всегда нужно поставить на место ключевую деталь. Что ж, все решено. Или скоро решится.

– Вы не останетесь поужинать? – спросила Берелейн. – Скоро час ужина.

Свет в открытом проеме входа тускнел. Стройная служанка, в темном шерстяном платье, с собранными на затылке в пучок белыми волосами, вошла в палатку и принялась зажигать лампы.

– Ты обещаешь мне по меньшей мере неделю? – спросила Галина, но Айбара покачал головой. – В таком случае важен каждый час. – В ее планы не входило задерживаться

даже на миг дольше необходимого, но она вынуждена была произнести следующие слова: – Ты поручишь кому-то из своих... людей... отвести меня как можно ближе к лагерю?

– Сделай это, Неалд, – приказал Айбара. – И по крайней мере, постарайся быть вежливым. – Он сказал это!

Галина сделала глубокий вдох и откинула капюшон на спину:

– Нужно, чтобы ты ударил меня. Вот сюда. – Она коснулась рукой щеки. – Посильнее, чтобы синяк остался.

Наконец-то она сказала что-то, пробившее невозмутимость этого мужчины. Эти желтые глаза расширились, и он заткнул большие пальцы за кожаный пояс, словно бы пряча руки.

– И не подумаю, – сказал он таким тоном, будто бы она спятила.

У гэалданца отвисла челюсть, седая служанка воззрилась на Галину, и тлеющий вощенный фитиль в опущенной руке оказался в опасной близости от ее юбок.

– Я требую, – твердо заявила Галина. Ей необходимо все правдоподобие, до капельки, какое она сумеет собрать, чтобы иметь дело с Теравой. – Давай же!

– Не думаю, что он это сделает, – промолвила Берелейн и легким шагом, подобрав юбки, скользнула вперед. – У него очень строгое деревенское воспитание. Позвольте мне?

Галина нетерпеливо кивнула. Ничего не попишешь, пусть так, хотя вряд ли женщина способна оставить достаточно

убедительный... В глазах у Галины вдруг померк свет, и, когда она вновь обрела способность что-то видеть, ее слегка пошатывало. Во рту чувствовался солоноватый привкус крови. Она быстро вскинула руку к щеке и поморщилась.

– Не слишком сильно? – озабоченно поинтересовалась Берелейн.

– Нет, – пробормотала Галина, с трудом сохраняя спокойное выражение лица. Обладая она способностью направлять Силу, она бы этой гадине голову оторвала! Разумеется, если бы она могла направлять Силу, ничего подобного не потребовалось бы. – Теперь по другой щеке. И надо, чтобы кто-то привел мою лошадь.

Галина отправилась вместе с мурандийцем в лес, на поляну, где несколько поваленных наземь громадных стволов были рассечены самым причудливым образом. Наверняка ей пришлось бы преодолевать себя, чтобы пройти через созданную мужчиной в черном «дыру в воздухе», однако, когда вертикальная серебристо-голубая щель развернулась в портал, выходящий на крутой склон, Галина, посылая Быструю во врата, совершенно не думала о саидин. Ни о чем она не думала – только о Тераве.

И Галина едва не взвыла от отчаяния, поняв, что находится на противоположном от лагеря склоне хребта. Она бешено погнала лошадь в сторону заходящего солнца. И проиграла скачку. К несчастью, она убедилась в своей правоте. Никаких оправданий Терава слушать не стала. В особенности

Хранительница Мудрости была недовольна синяками. Сама она никогда не оставляла следов на лице Галины. Последующее вполне было сравнимо с самыми жуткими кошмарами. И продлилось намного дольше. Временами, когда Галина кричала громче всего, она почти забывала, насколько отчаянно ей необходим жезл. Но из последних сил цеплялась за эту мысль.

Заполучить жезл, убить Фэйли и ее друзей – и тогда она будет свободна!

Эгвейн медленно приходила в сознание, и, хотя мысли в голове расплывались, она вполне понимала, что лучше держать глаза закрытыми. Притворяться, что еще не пришла в себя, девушке было очень легко и просто. Голова ее тяжело покоилась на плече женщины, и она все равно не сумела бы ее приподнять, даже если бы попыталась. Плечо было плечом Айз Седай; Эгвейн ощущала способность женщины в Силе. Голову точно шерстью набили, вялые мысли увязали и то и дело перескакивали с одного на другое, а руки и ноги будто онемели. Как сообразила Эгвейн, ее шерстяное дорожное платье и плащ были сухими, несмотря на то что она побывала в реке и изрядно промокла. Что ж, ничего удивительного – с помощью Силы высушить одежду ничего не стоит. Хотя маловероятно, что одежду избавили от впитавшейся воды ради удобства Эгвейн. Девушка сидела, зажата между двумя сестрами, от одной из них исходил цветочный

аромат, и каждая со своей стороны придерживала Эгвейн рукой, чтобы та держалась более или менее прямо. Они ехали в экипаже, судя по тому, как женщин изрядно потряхивало и качало из стороны в сторону под мерно цокающие по брусчатке подковы идущих рысью лошадей. Эгвейн чуточку открыла глаза – осторожно, едва раздвинув веки.

Боковые занавески кареты были откинута и подвязаны, хотя из-за вони гниющего мусора девушка подумала, что было бы лучше, если бы их держали плотно задернутыми. Мусор, да еще гниющий! Как в Тар Валоне опустились до подобного безобразия? Такое пренебрежение к жизни города – уже само по себе причина для смещения Элайды. В проливавшем сквозь окна лунном сиянии Эгвейн смутно различала трех Айз Седай, сидевших на заднем сиденье кареты напротив нее. Даже не зная она, что они способны направлять Силу, отороченные бахромой шали не оставляли сомнений в их звании. Если женщина, не являющаяся Айз Седай, вздумает носить в Тар Валоне бахромчатую шаль, это может закончиться для нее немалыми неприятностями. Странно, но сестра, сидевшая слева, словно прижималась к боковой стенке кареты, как будто стараясь быть подальше от остальных двух, а если о тех и не скажешь, что они чурались ее, то по крайней мере сидели очень близко друг к другу, словно опасались ненароком коснуться третьей Айз Седай. Очень странно.

Вдруг до Эгвейн дошло, что ее не отгородили щитом. Ка-

кой бы отупевшей она ни была, но это было поразительно и лишено смысла. Они могли ощущать уровень ее Силы, точно так же как она чувствовала их способности, и, хотя никто из пяти сестер не был слаб в Силе, Эгвейн подумала, что при достаточной быстроте действий способна одолеть их всех. Истинный Источник пылал громадным солнцем вне поля зрения, так и маня к себе. Первый вопрос: осмелится ли она попробовать? Сознание ее точно увязло в болоте, мысли двигались будто по колено в грязи, и у Эгвейн не было уверенности, что она сумеет обнять саидар, и при любом исходе попытки они наверняка поймут, что она хотела сделать. Лучше сначала более или менее прийти в себя. Второй же вопрос: сколько она осмелится выждать? Не станут же они до скончания века держать ее без щита, неогражденной.

Для пробы Эгвейн попыталась поджать пальцы ног в своих крепких кожаных башмаках и обрадовалась, когда те послушно задвигались. Казалось, рукам и ногам понемногу возвращаются жизненные силы. Девушка решила, что могла бы и голову приподнять, пусть и не без усилий. Чем ее ни опоили, действие снадобья подходит к концу. Сколько еще ждать?

Нить событий была вырвана из ее рук темноволосой сестрой, сидящей на заднем сиденье в центре. Она наклонилась вперед и отвесила девушке пощечину, да такую неслабую, что Эгвейн свалилась на колени женщине, которая подпира-
ла ее сбоку.

Рука Эгвейн невольно метнулась к пылающей щеке. Чересчур для той, кто прикидывается потерявшей сознание.

– Это было совершенно излишне, Кэтрин, – раздался над Эгвейн скрипучий голос, и сказавшая эти слова женщина приподняла девушку и вновь усадила ее прямо.

Как выяснилось, держать голову прямо ей было вполне под силу. Значит, это Кэтрин Алруддин, Красная сестра. Почему-то Эгвейн представлялось важным знать, кто именно ее пленил, хотя, помимо имени и принадлежности к Айя, Эгвейн ничего не знала о Кэтрин. Сестра, на которую свалилась Эгвейн, была светловолосой, но лицо, неясное в лунных тенях, не было ей знакомо.

– По-моему, ты дала ей чересчур много корня вилочника, – продолжила женщина.

Дрожь охватила Эгвейн. Так вот чем ее опоили! Она напрягала ум, стараясь припомнить все, что ей рассказывала Найнив об этом отвратительном чае, но мысли по-прежнему едва шевелились. Хотя, как показалось, уже и чуточку пошустрее. Она была уверена, что Найнив говорила, что для полного избавления от действия мерзкого снадобья требуется какое-то время.

– Я дала ей точно отмеренную дозу, Фелана, – сухо отозвалась Айз Седай, которая наградила Эгвейн пощечиной, – и, как видишь, она пребывает именно в том состоянии, в каком нужно. Я хочу, чтобы к тому времени, как мы приедем в Башню, она могла идти самостоятельно. Мне совершенно не

хочется опять помогать ее нести, – договорила она, метнув злой взгляд на сестру, сидящую слева от Эгвейн.

Та покачала головой, отчего вплетенные в косички бусинки тихонько застучали друг о дружку. Это была Приталле Нербайджан, из Желтой Айя, которая, как могла, избегала учить чему-то послушниц или принятых, а когда уклониться от порученного не удавалось, то не считала нужным скрывать отвращение, какое ей внушала эта задача.

– Неуместнее всего будет, если ее потащит мой Хэррил, – заметила она холодным тоном. Даже не холодным, а прямо-таки ледяным. – Что до меня, так я рада буду, коли девочка сама пойдет, а иначе так тому и быть. В любом случае я жду не дождусь, когда сплавлю ее с рук. Если ты, Кэтрин, ее нести снова не желаешь, так я и вовсе не хочу полночи стоять в карауле и сторожить ее в камере.

Кэтрин досадливо мотнула головой.

Камеры. Ну конечно, Эгвейн предназначена одна из тех тесных темных клетушек на первом уровне подвала Башни. Элайда выдвинет против нее обвинение в самозванстве и притязании на Престол Амерлин. А наказание за такое преступление – смерть.

Странно, страха подобная мысль не вызвала. Вероятно, на разум Эгвейн еще действовала дурманная трава. После того как Эгвейн умрет, кто станет Амерлин – Романда или Лилейн? Кто из них уступит, согласившись с возвышением соперницы? Или же они продолжат бороться друг с другом,

а тем временем восставшие, лишённые твёрдой направляющей руки, будут действовать нерешительно? В конце концов восстание потерпит поражение, а сестры потянутся обратно к Элайде. Печальная мысль, очень печальная. Глубоко печальная. Но если Эгвейн способна испытывать сожаление, то, значит, корень вилочника не подавил её эмоции и чувства, тогда почему её не мучает страх? Эгвейн потрогала своё кольцо с Великим Змеем. По крайней мере, попыталась это сделать и обнаружила, что кольцо исчезло. В душе вспыхнул гнев, слепящий, как раскалённое добела железо. Может, они и убьют её, но они не смеют не признавать её Айз Седай.

– Кто предал меня? – спросила она, довольная тем, что голос её звучит спокойно и ровно. – Все равно я у вас в плену, поэтому можете сказать. От этого никому хуже не будет.

Сестры уставились на девушку, словно поражённые тем, что у пленницы есть голос.

Кэтрин, не задумываясь, наклонилась, подняла руку. И глаза Красной сестры сузились, когда светловолосая Фелана рванулась вперед, хватая её за запястье, прежде чем пощечина досталась Эгвейн.

– Несомненно, её казнят, – твёрдо промолвила женщина скрипучим голосом, – но она – посвящённая Башни, и никто из нас не вправе бить её.

– Убери от меня свои руки, Коричневая! – прорычала Кэтрин, и – что потрясло Эгвейн – ту окружило сияние са-

идар.

В один миг такое же свечение возникло вокруг каждой женщины в карете, за исключением Эгвейн. Они смотрели одна на другую – словно какие-то чудны́е кошки; казалось, еще чуть-чуть, и они зашипят от ярости и, выпустив когти, ринутся в драку. Но нет, не все так очевидно – Кэтрин и сидевшая рядом с нею высокая сестра друг на друга не смотрели. Хотя на остальных бросали исполненные гнева взгляды. Что, во имя Света, происходит? Взаимной враждебностью был так пропитан воздух, что ее можно было почти потрогать – бери нож и пластай кусками.

Спустя несколько мгновений Фелана выпустила запястье Кэтрин и откинулась на спинку сиденья, однако никто не стал отпускать Источник. Внезапно Эгвейн заподозрила, что ни одна не хочет отпустить его первой. В бледном лунном сиянии лица казались невозмутимыми, но пальцы Коричневой сестры мяли и теребили ткань шали, а та сестра, что отстранилась от Кэтрин, то и дело разглаживала юбки.

– Думаю, для этого самое время, – промолвила Кэтрин, сплетая щит. – Мы же не хотим, чтобы ты выкинула что-нибудь... ненужное.

Ее жестокая улыбка не сулила ничего хорошего. Эгвейн просто вздохнула, когда плетение опустилось на нее; она сомневалась, что вообще сумела бы сейчас обнять саидар, а против пяти сестер, уже преисполненных Силы, она продержалась бы самое большее пару мгновений. Покорность де-

вушки, казалось, разочаровала Красную.

– Возможно, это твоя последняя ночь в мире, – продолжала она. – Ничуть не удивлюсь, если Элайда завтра же прикажет тебя усмирить и обезглавить.

– Или даже сегодня ночью, – раздумчиво покивав, присо-
вокупила долговязая товарка Кэтрин. – По-моему, Элайде не терпится увидеть твой конец.

В отличие от Кэтрин, говорила она лишенным эмоций тоном, но принадлежала, несомненно, к Красной Айя. И посматривала на прочих сестер так, словно подозревала, что кто-то из них может что-то предпринять. Все это очень странно!

Эгвейн держалась за свое спокойствие, не обращая на них внимания и не выказывая той реакции, которую те ожидали. По крайней мере той реакции, какую ожидала Кэтрин. Эгвейн была полна решимости достойно вести себя до последней секунды, гордо неся голову до самой плахи. Хорошо ли, плохо ли выказала она себя в качестве Амерлин, но она умрет так, как пристало женщине, занимавшей Престол Амерлин.

Тут заговорила женщина, державшаяся наособицу от двух Красных сестер, и ее выговор, с отчетливым и неизбыточным акцентом Арафела, пробудил в памяти Эгвейн имя. Суровое узкое лицо, смутно вырисовывающееся в лунном свете, принадлежало Серой сестре по имени Бериша Теракуни, имевшей репутацию самой требовательной и порой взыска-

тельной до жестокости толковательницы закона. Разумеется, неукоснительно следующей букве закона, но никогда не ведающей милосердия.

– Не сегодня и не завтра, Барасин, если только Элайда не пожелает созвать восседающих среди ночи и они откликнутся на ее призыв. Необходим Высший суд, а это дело не нескольких минут и даже не нескольких часов. И кажется, Совет куда менее склонен угождать Элайде, чем ей того хотелось бы, что и неудивительно. Девочка будет предана суду, но, полагаю, Совет будет рассматривать этот вопрос, когда будет угодно восседающим.

– Совет соберется, когда его созовет Элайда, иначе она так накажет их, что они пожалеют, что не явились по первому же зову, – глумливо заметила Кэтрин. – Судя по тому, каким галопом умчались Джала и Мерим, увидев, кого мы сцапали, Элайда уже в курсе дела. Готова побиться об заклад, что ради такого случая Элайда, коли понадобится, выволочет восседающих из теплых постелек собственными руками. – Голос ее стал самодовольным и в то же время язвительным. – Пожалуй, выбирая защитницу, она назовет твое имя. Как тебе такое понравится?

Бериша возмущенно вскинулась и выпрямилась, оправляя висевшую на локтях шаль. Бывали случаи, когда на женщину, занимавшую «кресло амнистии», обрушивалось то же наказание, что и на ту, кого она защищала. Вероятно, подобное обвинение подразумевало именно такой исход для

защитницы; Эгвейн этого не знала – как Суан ни старалась впихнуть в ее голову все потребные сведения, в познаниях девушки пробелов хватало.

– А мне хотелось бы услышать, – помолчав, произнесла Серая сестра, нарочито не обращая внимания на сидевших рядом с нею женщин, – что ты сделала с цепью в гавани? Как ее вернуть в прежнее состояние?

– Сделанного не воротишь, – ответила Эгвейн. – Кому, как не вам, знать, что цепь теперь превратилась в *квейндияр*. Теперь даже Единая Сила не способна разбить цепь, только сделает ее крепче. Думаю, вы можете продать ее, если снесете часть стены вокруг гавани, ведь иначе цепь не вытащить. Если найдется такой богач, который заплатит за такой большой кусок квейндияра. Или захочет купить такую штуку.

На сей раз никто не сделал попытки остановить Кэтрин, и та отвесила Эгвейн новую пощечину, и очень даже увесистую.

– Попридержи язык! – рывкнула Красная сестра.

Совет показался разумным, если только Эгвейн не хотела, чтобы ее по-глупому отхлестали по щекам. Она и так уже ощущала во рту вкус крови. Поэтому Эгвейн прикусила язык, и катящая по улице карета погрузилась в безмолвие, причем прочие, окутанные сиянием саидар, с подозрением косились друг на друга. Невероятно! С какой стати Элайда вообще для сегодняшней ночной миссии выбрала женщин, которые со всей очевидностью ненавидят друг друга? Чтобы

продемонстрировать свою власть просто потому, что ей так захотелось? Не важно. Если Элайда позволит Эгвейн пережить эту ночь, то, возможно, о случившемся с ней удастся дать знать Суан, а то и Лиане. Дать знать Суан, что их предали. И молиться, чтобы Суан выследила предателя. Молиться, чтобы восстание не потерпело крах. Но сейчас Эгвейн оставалось только молиться, хотя надежды было немного. Молиться – потому что важнее не было ничего.

Когда возница остановил упряжку, Эгвейн уже достаточно пришла в себя, чтобы без посторонней помощи выйти из экипажа вслед за Кэтрин и Приталле, хотя в голове у нее слегка туманилось. На ногах она держалась, но сомневалась, что у нее найдутся силы бежать, – в лучшем случае ей удастся преодолеть всего несколько шагов, а потом ее все равно догонят и остановят. Поэтому девушка безучастно стояла возле поблескивающей темным лаком кареты и ждала терпеливо, как и все четыре лошади упряжки. В конце концов, фигурально говоря, она тоже была спутана своеобразной упряжью. Смутно виднелась Белая Башня – ее толстая белая колонна высилась в ночи. Немногие из ее окон были освещены, но кое-какие светились возле самого верха, – вероятно, это те апартаменты, которые занимает Элайда. Эгвейн испытывала очень странное чувство. Она была пленницей, и жить ей, по всей вероятности, оставалось совсем немного, однако у девушки было такое чувство, будто она вернулась домой. Казалось, вид Башни влил в нее новые силы и энергию.

Два служителя-грума в ливреях Башни, с Пламенем Тар Валона на груди, спрыгнувшие с запяток кареты, успели уже открыть дверцы и разложить ступеньки лесенки, а теперь, стоя у подножки, они подавали руки, затянутые в белоснежные перчатки, каждой выходящей женщине. Однако только одна Бериша воспользовалась их помощью, и то лишь потому, как подозревала Эгвейн, что благодаря поддержке выездных лакеев быстрее сошла на плиты мощеного двора, не упуская из виду остальных сестер. Барасин одарила слуг такими взглядами, что один громко сглотнул, а второй побледнел. И даже во дворе Башни все пять Айз Седай не отпускали саидар.

Они находились у основного заднего входа: обрамленные камнем мраморные ступени спускались со второго уровня, под четырьмя массивными бронзовыми фонарями разливалось широкое озерцо дрожащего желтоватого света, и, к изумлению Эгвейн, у подножия лестницы стояла одна-единственная послушница, зябко кутавшаяся от холодного воздуха в белый плащ. Эгвейн бы меньше удивилась, встречай ее самолично Элайда, явившаяся позлорадствовать и поторжествовать над пленницей, в окружении свиты подхалимов. Не меньше поразило ее то, что этой послушницей оказалась Николь Трихилл. Реши Эгвейн разыскивать беглянку, то о Белой Башне как о ее убежище подумала бы в последнюю очередь.

Судя по тому, как округлились глаза Николь, которая уви-

дела выходящую из экипажа Эгвейн, послушница была потрясена куда больше, чем пленница, но девушка тотчас же склонилась в изящном, хотя и торопливом реверансе перед сестрами:

– Кэтрин Седай, Амерлин говорит, что ее... ее нужно передать наставнице послушниц. Она говорит, что Сильвиане Седай даны на этот счет инструкции.

– Итак, похоже, тебя сегодня вечером наконец-то высекут, – пробормотала Кэтрин с улыбкой.

Эгвейн терялась в догадках: питает ли та к ней личную ненависть, или возненавидела ее за то, что девушка представляет собой, или просто ненавидит всех. «Высекут». Она никогда не видела подобного, но с описанием была знакома. Судя по всему, экзекуция в высшей степени болезненная. Эгвейн встретила взгляд Кэтрин недрогнувшим взором, и через мгновение улыбка у той исчезла. Казалось, ее так и подмывало врезать пленнице. Айил обладали умением справляться с болью. Они принимали ее, отдавались ей, не сопротивляясь и даже не стараясь сдерживать стонов и криков. Наверное, это ей поможет. Хранительницы Мудрости говорили, что так можно избавиться от боли, освободиться от нее, не позволяя впиться в тебя.

– Если Элайда намерена затягивать дело без всякой нужды, то я сегодня в этом больше не участвую, – заявила Фелана, обведя всех присутствующих, включая и Николь, хмурым взором. – Если девчонку нужно усмирить и казнить,

этого ей хватит.

Подобрав юбки, желтоволосая сестра взбежала по ступеням мимо Николь. Она и в самом деле взбежала! И когда она исчезала внутри, ее по-прежнему окружало сияние саидар.

– Согласна, – холодно заметила Приталле. – Хэррил, ты собираешься отвести Кровавое Копье в конюшню? Пожалуйста, пройдусть-ка я с тобой.

Хэррил носил плащ-хамелеон Стража: когда он стоял неподвижно, его, казалось, не было видно почти целиком, а когда он двигался, по плащу пробегала цветовая рябь. Ни слова не говоря, с тем же каменным лицом, он последовал за Приталле в ночь, но то и дело оглядывался через плечо, явно охраняя ее со спины. И вокруг Приталле также сохранялось свечение. Что-то здесь происходит такое, о чем Эгвейн ничего не знала и не догадывалась.

Вдруг Николь раскинула юбки, склоняясь в новом реверансе, на сей раз заметно более низком и почтительном, и торопливо, сбивчиво выпалила:

– Прошу прощения за свой побег, мать. Я думала, здесь мне разрешат учиться быстрее. Мы с Арейной думали...

– Не смей называть ее так! – рывкнула Кэтрин, и хлыст Воздуха стегнул послушницу пониже спины с такой силой, что та взвизгнула и подскочила. – Если ты сегодня вечером прислуживаешь Престолу Амерлин, дитя мое, то возвращайся и передай ей, что ее приказы будут исполнены. Так я сказала. Давай пошевеливайся!

Бросив последний, отчаянный взгляд на Эгвейн, Николь подхватила полу плаща и юбки и заспешила вверх по лестнице, причем так торопилась, что дважды споткнулась и чудом не упала на каменные ступени. Бедняжка Николь! Вне всяких сомнений, ее надежды рухнули, и если Башня прознает, сколько ей лет... Должно быть, она солгала о своем возрасте, иначе бы ее не приняли; ложь входила в перечень нескольких ее дурных привычек.

Эгвейн выбросила мысли о девчонке вон из головы. Пусть теперь кто-то другой думает о Николь, ей уже не до этого.

– Незачем пугать дитя до смерти, – промолвила Бериша. – Послушниц необходимо направлять и наставлять, а не запугивать.

Удивительно, как сильно ее мнение об обучении отличается от ее взглядов на закон и его исполнение.

Кэтрин и Барасин вместе резко повернулись к Серой сестре, вперившись в нее взглядами. Ни дать ни взять две кошки, только увидели они сейчас не другую кошку, а мышь.

– Ты хочешь сказать, что пойдешь с нами к Сильвиане одна? – спросила Кэтрин, улыбка, скривившая ее губы, определенно не сулила ничего хорошего.

– Ты не боишься, Серая? – сказала Барасин с насмешливой ноткой в голосе. По какой-то причине она слегка взмахнула рукой, так что закачалась длинная бахрома ее шали. – Ты одна, а нас двое?

Два ливрейных грума застыли статуями, вид у них был

как у любого человека, который горячо желает оказаться где-нибудь подальше от происходящего и надеется, что его не заметят, если он замрет и не шелохнется.

Бериша ростом была не выше Эгвейн, но она выпрямилась и крепко стянула шаль на плечах:

– Угрозы особо запрещены законом Баш...

– Разве Барасин угрожает тебе? – мягким тоном перебила ее Кэтрин. Мягким, но в этой мягкости таилась острая сталь. – Она просто спросила, боишься ли ты. А разве тебе есть чего бояться?

Бериша встревоженно облизнула губы. В лице ее не было ни кровинки, а глаза округлялись и округлялись, словно бы она увидела нечто такое, чего видеть совершенно не желала.

– Я... Думаю, лучше я немного прогуляюсь на свежем воздухе, – наконец промолвила она сдавленным голосом и бочком-бочком двинулась прочь, не сводя глаз с двух Красных сестер.

Кэтрин издала негромкий, довольный смешок.

Это уже совершенное безумие! Даже сестры, которые ненавидели друг дружку всеми фибрами души, не вели себя таким образом. Ни одна женщина, так легко поддающаяся страху, как Бериша, вообще никогда не стала бы Айз Седай. Что-то случилось в Белой Башне. Что-то очень плохое.

– Веди ее, – сказала Кэтрин, двинувшись к ступеням.

Наконец-то отпустив саидар, Барасин крепко ухватила Эгвейн под руку и шагнула следом за Кэтрин. Девушке не

оставалось ничего иного, кроме как подобрать юбки и без всякого сопротивления пойти с двумя Красными сестрами. Однако она почему-то, как ни странно, воспрянула духом.

Войдя в стены Башни, Эгвейн и вправду испытала чувство, словно бы вернулась домой. Белые стены с украшавшими их фризами и гобеленами, яркие краски плиток пола – все казалось знакомым, точно матушкина кухня. И даже более того, ведь матушкину кухню она в последний раз видела очень давно, а эти коридоры – считай, совсем недавно. С каждым вдохом у нее все больше и больше крепло ощущение, что она – дома. Но чувствовалась вдобавок и некая странность. Высокие светильники были зажжены, и час не мог быть такой уж поздний, но Эгвейн никого не видела. В коридорах Башни всегда можно встретить неспешно идущую сестру – даже в самую глухую полночь нет-нет да и попадется навстречу кто-то из Айз Седай. У нее в памяти запечатлелся образ одной сестры, которую она мельком увидела, торопливо пробегая по коридору поздним вечером, – та ступала так царственно и так грациозно, что Эгвейн в отчаянии подумала, что ей никогда такой не стать. Айз Седай придерживались собственного распорядка дня, и кое-кому из Коричневых сестер вряд ли бы понравилось, если бы их посмели разбудить днем. По ночам их мало что отвлекало от исследований, мало что отрывало от чтения. Но сейчас коридоры Башни словно вымерли. Ни Кэтрин, ни Барасин ни словом не отметили эту странность, и они продолжали

свой путь по безжизненным переходам, где, кроме них троих, будто никого и не было. По-видимому, эта безмолвная пустота теперь была в порядке вещей.

Когда Эгвейн и ее конвоиры достигли ниши с лестницей из светлого камня, там им наконец-то встретилась другая сестра. По ступеням поднималась пухленькая женщина в дорожном платье с разрезами, украшенными красными вставками; казалось, губы ее вот-вот сложатся в улыбку. С ее плеч свисала шаль, отороченная длинной шелковой бахромой красного цвета. Очень странно: ладно, Кэтрин и прочие красовались в цветных шальях возле причалов, чтобы всем было совершенно понятно, кто они такие, – но в самом Тар Валоне никому в голову не пришло бы побеспокоить женщину с бахромчатой шалью, и прохожие старались держаться поодаль от нее, особенно мужчины. Но с какой стати понадобилось носить шаль в Башне?

При виде Эгвейн незнакомка сверкнула ярко-синими глазами, приподняла густые черные брови. Она подбоченилась, уперев кулаки в широкие бедра и позволив шали соскользнуть на локти. Эгвейн подумала, что эту женщину она раньше никогда не видела, хотя обратное, по-видимому, неверно.

– Ага, вот она, эта девчонка ал’Вир. Это ее послали в Северную гавань? За ночную работку Элайда вас щедро вознаградит. Уж воздаст по заслугам. Нет, но взгляните на нее. Взгляните, как она стоит. Можно подумать, вы для нее почетный эскорт. Мне-то казалось, она будет рыдать и причи-

тать, взывать о милосердии.

– По-моему, она еще одурманена настоем. Сознание совсем притуплено, – пробурчала Кэтрин, искоса бросив на Эгвейн недобрый взгляд. – Кажется, она не понимает своего положения.

Барасин, продолжая держать Эгвейн за локоть, энергично встряхнула девушку, но та, слегка пошатнувшись, сумела удержать равновесие. Лицо ее оставалось спокойным, она делала вид, что не замечает взглядов, которыми окидывала ее высокая женщина.

– М-да, в шоке, – покивав, промолвила пухлая Красная. Только по сравнению с Кэтрин ее тон можно было назвать сочувственным. – Мне такое доводилось видывать.

– Меларе, как дела в Южной гавани? – спросила Барасин.

– Похоже, не столь радужно, как у вас. Кроме нас двоих, все остальные верещали, точно застрявшие под забором поросята-сосунки, и я уж боялась, что мы распугаем тех, кого собрались отловить. Хорошо хоть нашлись две женщины, способные договориться друг с другом. Как бы то ни было, наш улов – какой-то дичок, и поймать ее нам удалось не раньше, чем она половину цепи в гавани превратила в квейндияр. Мы едва не загнали лошадей в упряжке, пока неслись обратно галопом, как будто... ну, как будто захватили трофей наподобие вашего. Это Заника настояла. Даже своего Стража усадила на место кучера.

– Дичок, – с нескрываемым презрением промолвила

Кэтрин.

– Только половину? – В голосе Барасин явственно слышалось облегчение. – Значит, Южная гавань не блокирована.

Вновь брови Меларе, по мере того как до нее доходил скрытый смысл слов Барасин, поползли вверх.

– Утром все выяснится, – медленно произнесла она, – когда опустят ту половину, что еще осталась железной. Другая часть тверда и крепка, как... ну, как брус из квейндияра. Небольшие лодки из гавани выйдут, но что-то крупнее... Лично я в этом сомневаюсь. – Она покачала головой с озадаченным выражением лица. – Впрочем, есть и некая странность. Даже больше чем странность. Поначалу нам никак не удавалось дикарку обнаружить. Мы даже не чувствовали, что она направляет Силу. Вокруг нее не было никакого свечения, и ее плетений мы не видели. Цепь просто начала приобретать белый цвет. Если бы Страж Аребис не заметил лодку, девчонка могла бы довести дело до конца и смыться.

– Хитроумная Лиане, – пробормотала Эгвейн.

На мгновение она зажмурилась. Рядом с гаванью Лиане появилась, все приготовив заблаговременно: инвертировала потоки и замаскировала свою способность направлять Силу. Будь сама Эгвейн так же догадлива и предусмотрительна, ей, вероятно, удалось бы благополучно скрыться. Что ж, задним числом всегда легче судить.

– Этим именем она и назвалась, – нахмурившись, сказала Меларе. Брови женщины, похожие на черных мохнатых

гусениц, были очень выразительны. – Лиане Шариф. Из Зеленой Айя. Вдвойне очень глупая ложь – и то и другое. Там внизу Десала с нее шкуру спускает, полосует с головы до ног, а та даже не шелохнется. Мне пришлось выйти сюда отдышаться. Никогда не нравились порки, даже в таких случаях. Дитя мое, тебе известно, что за трюк она выкинула? Как она скрыла свои плетения?

О Свет! Они-то считают, будто Лиане – это дичок, набравшийся наглости называть себя Айз Седай.

– Она говорит правду. Усмирение стоило ей безвозрастного облика, поэтому она выглядит моложе. Ее Исцелила Найнив ал’Мира, и с тех пор Лиане больше не Голубая сестра. Она выбрала для себя новую Айя. Спросите ее о чем-нибудь таком, что может знать только Лиане Шариф...

Девушка умолкла, так как комок Воздуха плотно заткнул ей рот, чуть не вывихнув ей челюсть.

– Незачем нам слушать всякую чушь! – прорычала Кэтрин.

Меларе же впилась взглядом в глаза Эгвейн.

– Несомненно, эти слова лишены всякого смысла, – промолвила она, помедлив, – но, полагаю, не будет ничего плохого, если задать пару-другую вопросов, помимо обычного: «Как тебя зовут?» В худшем случае развеем скуку однообразных ответов. Ну что, Кэтрин, ведем ее вниз, в темницы? Мне не хочется надолго оставлять Десалу наедине со второй пленницей. Дичков Десала презирает, а уж женщин, взду-

мавших присвоить себе звание Айз Седай, просто-таки ненавидит.

– Нет, в камеру ей пока еще рано, – ответила Кэтрин. – Элайда желает отправить ее к Сильвиане.

– Что ж, если не от этой девчонки, то от другой я про тот трюк узнаю.

Рывком накинув шаль на плечи, Меларе сделала глубокий вдох и стала спускаться по ступеням – с видом женщины, которой предстоит тяжелая работа, но которой не хочется ею заниматься. Тем не менее в ней Эгвейн увидела лучик слабой надежды для Лиане. Теперь Лиане была уже не «дичком» или «дикаркой», а «другой девчонкой».

Кэтрин быстро зашагала дальше по коридору, вдобавок молча, но Барасин подтолкнула Эгвейн вперед себя, следом за второй Красной, тихонько бурча о том, что не слыхала вещи глупее, чем сестра, собравшаяся чему-то научиться у дичка или у зазнавшейся выскочки-принятой, которая нагло врет и не краснеет. Даже какие-то обрывки величественности сохранять было трудно – как тут соответствовать высокому званию Амерлин, когда тебя тычками гонит по коридору длинноногая женщина, а у тебя в раскрытый рот – аж челюсти сводит и слюна по подбородку сочится – заткнут кляп, но девушка старалась изо всех сил. По правде говоря, она едва ли думала сейчас о том, достойно ли она держится. Слова Меларе дали ей слишком много пищи для размышлений. Если прибавить Меларе к сестрам в карете, то выхо-

дит... Нет, вряд ли все значит именно это, но если дело и впрямь обстоит так...

Вскоре бело-голубые плитки пола уступили красно-зеленым, и пленница в сопровождении двух сестер приблизилась к ничем не выделяющейся среди прочих деревянной двери между двумя гобеленами, на которой красовались изображения цветущих деревьев и птиц с большими клювами, причем они были настолько яркими и многоцветными, что казались совершенно нереальными. Хоть дверь и не была ничем отмечена, но блестела полировкой, и в Башне ее знала каждая посвященная. Кэтрин постучала в дверь едва ли не с видимой робостью, и когда раздался громкий голос: «Войдите!» — она, перед тем как толкнуть створку, сделала глубокий вдох. Неужели ее нерешительность вызвана неприятными воспоминаниями о той поре, как ее послушницей или принятой вызывали в этот кабинет? Или же дело в той женщине, которая ждет их за дверью?

Кабинет наставницы послушниц был в точности таким, каким его помнила Эгвейн, — небольшая комната с темными панелями на стенах, с простой и прочной мебелью. Узкий стол у двери чуть украшен причудливым узором, а резной рамы висевшего на стене зеркала легко коснулись мазки позолоты, но больше никаких украшений на предметах обстановки не было. Полдюжины стоячих светильников и пара ламп на письменном столе были изготовлены из гладкой меди, но при этом все были разномастными. Обычно при

вступлении на престол новой Амерлин хозяйки кабинета менялись, тем не менее Эгвейн готова была биться об заклад, что женщина, послушницей переступавшая порог этой комнаты двести лет назад, узнала бы почти все предметы мебелировки и, вероятно, все остальное тоже ей было бы знакомо.

Когда Эгвейн и две Красные сестры вошли в кабинет, нынешняя наставница послушниц – по крайней мере, та женщина, которая ныне занимала этот пост в Башне, – встретила их стоя: коренастая женщина ростом почти с Барасин, с темными волосами, забранными в пучок на затылке, и с квадратным решительным подбородком. Всем своим видом Сильвиана Брегон заявляла, что никаких глупостей она не потерпит. Она принадлежала к Красной Айя, и ее угольного цвета юбки имели неброские красные вставки и разрезы, однако шаль была переброшена через спинку стула, стоявшего за письменным столом. Но в ее больших глазах читалось беспокойство. Казалось, ей хватило одного взгляда на Эгвейн, чтобы все понять, она словно бы не только прочитала все мысли девушки, но также выяснила все, о чем та подумает завтра.

– Оставьте ее тут со мной и обождите снаружи, – сказала Сильвиана низким твердым голосом.

– Оставить ее? – недоверчиво промолвила Кэтрин.

– Какое слово тебе непонятно, Кэтрин? Мне нужно повторить еще раз?

По-видимому, повторять не требовалось. Кэтрин вспых-

нула, но не сказала ни слова. Свечение саидар окружило Сильвиану, и она аккуратно перехватила щит, не открыв ни малейшей щелочки, через какую Эгвейн могла бы сама обнять Источник. Теперь-то девушка могла это сделать, она была уверена в своих силах. Если не считать того, что Сильвиана была отнюдь не слаба в Силе; Эгвейн не питала никакой надежды, что ей удалось бы прорваться через выставленный той щит. В тот же момент исчез и кляп из Воздуха, и девушка довольствовалась тем, что нашарила в поясном кошелье носовой платок и вытерла подбородок. Кошель уже обыскиали – Эгвейн всегда клала платок поверх всего, а не в самый низ, – но с проверкой, что ей оставили и что забрали, помимо кольца, можно не торопиться. В любом случае там не было ничего такого, что пригодились бы пленнице в узилище. Гребешок, связка иголок, маленькие ножницы, всякая малополезная всячина. Палантин Амерлин. О каком достоинстве может идти речь, как можно сохранять величественный вид, когда ее вот-вот сечь начнут? Но это – дело будущего; нельзя забывать о настоящем.

Сложив руки под грудью, Сильвиана рассматривала девушку, пока за двумя другими Красными сестрами не затворилась дверь.

– По крайней мере, ты не истеричка, – промолвила она потом. – Значит, дело пойдет легче. Но почему же ты не бьешься в истерике?

– А толку-то? – ответила Эгвейн, убирая платочек в ко-

шель. – Лично я смысла в этом не вижу.

Сильвиана подошла к письменному столу и, не садясь, стала читать лежащий на столешнице документ, время от времени поднимая взор на Эгвейн. Лицо ее ничего не выражало – совершенная маска Айз Седай, безмятежно-спокойная, непроницаемая. Эгвейн терпеливо ждала, сложив руки на поясе. Даже вверх ногами она узнала характерный почерк Элайды, расчертивший лист бумаги, хотя и не могла разобрать, что же там написано. У Сильвианы даже мысли не должно возникнуть, что ожидание заставляет Эгвейн нервничать. В настоящее время терпение было тем оружием – одним из немногих, – что у нее еще оставалось.

– Похоже, Амерлин долго раздумывала, что с тобою делать, – наконец сказала Сильвиана. Если она надеялась, что Эгвейн начнет переминаясь с ноги на ногу или заламывать руки, то ничем не выдала своего разочарования. – Она придумала безупречный план. Она не хочет, чтобы Башня потеряла тебя. И я тоже не хочу. Элайда решила, что тебя обманули, использовали как слепое орудие, а посему винить тебя не стоит. Поэтому тебе не предъявят обвинения в том, что ты называла себя Амерлин. Она вычеркнула твое имя из списка принятых и вновь вписала его в книгу послушниц. Говоря откровенно, я согласна с таким решением, хотя никогда прежде подобного не бывало. Каковы бы ни были твои способности в Силе, ты пропустила мимо ушей почти все остальное, что обязана усвоить послушница. Впрочем, не на-

до бояться, что тебя вновь подвергнут испытанию. Я никого не заставлю проходить через это во второй раз.

– Я – Айз Седай, так как была возведена на Престол Амерлин, – спокойно ответила Эгвейн. Раз всего лишь притязание на титул могло отправить ее на смерть, то отчего все же не побороться за него? Никакой неуместности тут нет. Промолчать – значит согласиться с Элайдой, и смиренность пленницы нанесет восстанию не менее сильный удар, чем ее казнь. А возможно, удар окажется намного сильнее. Снова в послушницы? Что за нелепость! – Если угодно, могу процитировать относящиеся к этому вопросу строки закона.

Сильвиана выгнула бровь, потом села за стол и открыла большую книгу в кожаном переплете. Книгу наказаний. Макнув перо в простую стеклянную чернильницу, она сделала запись.

– Ты только что заслужила первый визит ко мне. Но вместо того чтобы сразу же уложить тебя поперек колена, я дам тебе время поразмыслить. Будем надеяться, что ночь раздумий вызовет благотворное действие.

– Думаете, задав взбучку, заставите меня отказаться от того, кто я такая? – Эгвейн, как могла, постаралась придать своему голосу скептические ноты. Но не была уверена, что ей это успешно удалось.

– Есть взбучка и взбучка, – отозвалась другая женщина. Вытерев начисто железное перо клочком бумаги, она убрала ручку в стеклянный держатель и устремила свой взор на

Эгвейн. – Ты привыкла видеть на месте наставницы послушниц Шириам Байанар. – Сильвиана с пренебрежением покачала головой. – Я проглядела ее книгу наказанных. Слишком многое она спускала девушкам с рук и была чересчур снисходительна к своим любимчикам. И вот результат – она вынуждена была намного чаще прибегать к наказаниям, чем следовало. За месяц я внесла записей в три раза меньше, чем обычно делала Шириам, потому что я удостоверилась: каждая, кого я наказывала, уходила отсюда, больше всего желая, чтобы ее никогда впредь сюда не отправляли.

– Что ни делайте, я никогда не отрекусь от того, кто я такая, – твердо заявила Эгвейн. – Думаете, сумеете справиться со своей задачей? Как? Меня под конвоем станут водить на занятия, все время огражденную щитом?

Сильвиана откинулась на спинку стула, на свою шаль, положив ладони на край стола:

– Значит, ты намерена сопротивляться до конца, пока тебя хватит? Так?

– Я поступаю так, как должна.

– И я делаю то, что должна. На протяжении дня тебя вообще не будут ограждать щитом. Но каждый час станут поить слабым настоем корня вилочника. – При двух последних словах Сильвиана скривила губы. Она взяла лист с указаниями Элайды, будто бы собиралась их перечитать, потом уронила его на столешницу, потеряла кончики пальцев, словно бы к рукам прилипло нечто ядовитое. – Не нравится мне

эта гадость. Как будто нарочно против Айз Седай придумана. Неспособная направлять Силу женщина выпьет в пять раз больше того количества, от которого сестра рухнет без сознания, — без всякого ущерба для себя, разве что голова слегка закружится. Отвратительное пойло. Тем не менее, как видно, полезное. Вероятно, его можно использовать против тех пресловутых Аша’манов. От настоя дурноты ты не испытываешь, но не сможешь направить столько, чтобы вызвать какие-то проблемы. Только маленькую струйку. Откажешься пить, и тебе настой все равно в глотку вольют. За тобой будут хорошенько присматривать, чтобы ты не вздумала улизнуть. По ночам будут ограждать щитом, так как если дать тебе столько вилочника, чтобы ты всю ночь проспала, то завтра весь день ты будешь ходить, согнувшись пополам от колик в животе. — Сильвиана помолчала, потом продолжила: — Ты послушница, Эгвейн, и будешь послушницей. Многие сестры все равно станут считать тебя беглянкой, что бы там тебе ни приказывала Суан Санчей. Другие, несомненно, сочтут, что Элайда допустила ошибку, сохранив тебе голову на плечах. Они будут выискивать малейшее нарушение правил, ждать малейшего промаха. Сейчас к возможной нахлобучке ты относишься с насмешкой, но как ты запоешь, когда тебя начнут присылать ко мне пять, шесть, семь дней подряд? Посмотрим, сколько времени понадобится, чтобы твое отношение к этому изменилось.

Эгвейн неожиданно для себя издала негромкий смешок,

и Сильвиана удивленно вскинула брови. Она двинула рукой, словно бы хотела потянуться за ручкой.

– Я сказала что-то смешное, дитя мое?

– Вовсе нет, – со всей правдивостью ответила Эгвейн.

Ей пришло в голову, что она могла бы справиться с болью, отдавшись ей, как поступают айильцы. Она надеялась, что это сработает, но всю свою надежду возлагала на достоинство. По крайней мере, когда ее будут наказывать. В остальном же она могла только делать то, что в ее силах.

Сильвиана посмотрела на свою ручку, но в конце концов встала, так к ней и не прикоснувшись.

– Тогда с тобой все. На сегодня. Но перед завтраком мы с тобой увидимся. Ступай со мной.

Сильвиана направилась к двери, уверенная, что Эгвейн последует за ней, что та и сделала. Нападение на Красную сестру ничего хорошего не даст, разве что прибавит запись в пресловутую книгу. Корень вилочника... Что ж, нужно отыскать какой-то способ обойти эту помеху. А иначе... Об иных вариантах девушка отказывалась даже думать.

Услышав о намерениях Элайды в отношении Эгвейн, Кэтрин и Барасин были потрясены – это самое меньшее, что можно было сказать об их реакции, и без всякой радости они узнали, что им надлежит присматривать за девушкой и поддерживать установленный щит, когда она будет спать, хотя Сильвиана и сказала, что устроит так, что через час-другой их сменят другие сестры.

– Почему мы обе? – захотела узнать Кэтрин, отчего удостоилась косого взгляда Барасин. Если с Эгвейн отправят только одну сестру, то наверняка это будет не Кэтрин, которая стоит в иерархии Башни выше.

– Во-первых, потому, что так сказала я. – Сильвиана обождала, пока две другие Красные не кивнут в знак согласия. Поступили они так с явной неохотой, но не заставили ее ждать слишком долго. Выходя в коридор, наставница послушниц не стала накидывать шаль, и каким-то странным образом вид ее казался тут неуместным. – А во-вторых, потому, что эта девочка, по-моему, хитра и изобретательна. Я хочу, чтобы за ней приглядывали в оба глаза, спит она или бодрствует. У кого из вас ее кольцо?

Чуть помешкав, Барасин извлекла золотое колечко из своего поясного кошелья, пробормотав:

– Я только хотела сохранить его на память. О том, как приструнили бунтовщиц. Теперь-то с ними наверняка покончено.

На память? Да она его украла, вот и все!

Эгвейн потянулась было за кольцом, но Сильвиана опередила ее – она схватила кольцо и отправила его прямым в свой кошель:

– Я приберегу кольцо до того момента, когда ты, дитя мое, вновь получишь право носить его. А теперь отведите девушку на половину послушниц и устройте ее там. К этому времени о комнате для нее уже должны были позаботиться.

Кэтрин восстановила щит, Барасин собралась снова взять Эгвейн за локоть, но та вытянула руку в сторону Сильвианы:

– Подождите. Я должна вам кое-что рассказать. – Эгвейн очень непросто дались эти слова. Можно очень легко раскрыть куда больше, чем ей того хотелось. Но и промолчать она никак не могла. – У меня есть дар Сновидения. Я научилась распознавать истинные сны и истолковывать некоторые из них. У меня был сон о стеклянной лампе, которая горела белым пламенем. Из тумана вылетели два ворона, налетели на лампу, ударили по ней. Лампа закачалась, разбрасывая капли горящего масла. Одни капли сгорали в воздухе, другие разлетались вокруг, а лампа по-прежнему раскачивалась, в любой миг грозя упасть. Это означает, что шончан нападут на Белую Башню и причинят огромный ущерб.

Барасин хмыкнула. Кэтрин насмешливо фыркнула.

– Сновидица, – без всякого выражения промолвила Сильвиана. – Кто может подтвердить твои слова? А если кто-то и подтвердит, как можно быть уверенным, что твой сон означает именно шончан? По мне, так во`роны скорее указали бы на Тень.

– Я – сновидица, а когда сновидица что-то знает, то знает точно. Это не Тень. Шончан. А насчет того, кто знает, что я могу... – Эгвейн пожала плечами. – Единственная, кто тут есть, это Лиане Шариф, а ее держат в камере в подземелье.

Эгвейн не видела способа сослаться на Хранительниц Мудрости, не рискуя наверняка открыть слишком многое.

– Эта женщина – дичок, а вовсе не... – сердито начала Кэтрин, но тотчас же захлопнула рот, стоило Сильвиане властно поднять руку.

Наставница послушниц пристальным внимательным взглядом рассматривала Эгвейн, и на ее лице по-прежнему оставалась маска безмятежности.

– Ты и в самом деле веришь в то, что говоришь, – наконец сказала она. – Надеюсь, твое Снови`дение не вызовет столько проблем, как Предсказание Николь. Если ты действительно способна на Снови`дение. Что ж, я передам твое предупреждение. Не понимаю, как шончан могут напасть на нас тут, в Тар Валоне, но бдительность излишней никогда не бывает. И я спрошу ту женщину, которую держат внизу. Обязательно спрошу. И если она не подтвердит твой рассказ, тогда утреннее посещение моего кабинета окажется для тебя намного более запоминающимся. – Взмахом руки Сильвиана отпустила Кэтрин. – Уведите ее, пока она не подсунула мне еще чего-нибудь ценного, отчего сегодня ночью я совсем спать не буду.

На сей раз Кэтрин ворчала не меньше Барасин. Но обе благоразумно молчали, пока не удалились настолько, чтобы Сильвиана не услышала ни звука. Эта женщина будет грозной противницей. Эгвейн надеялась, что айильский прием принятия боли сработает именно так, как утверждают Хранительницы Мудрости. Иначе... А думать иначе просто невыносимо.

Худенькая седоволосая служанка указала дорогу к комнате, которую она только что закончила прибирать, – на третьей галерее той части Башни, что отведена для послушниц, а потом, коротко и быстро присев в реверансе перед двумя Красными, заторопилась по своим делам. Эгвейн она даже взглядом не удостоила. Что для нее еще одна послушница? Эта мысль заставила Эгвейн сжать зубы. Нет, уж она заставит окружающих не смотреть на нее как еще на одну из послушниц.

– Погляди на ее лицо, – заметила Барасин. – По-моему, до нее наконец-то дошло.

– Я – та, кто я есть, – спокойно ответила Эгвейн.

Барасин толкнула девушку к лестнице, что уходила вверх в пустотелой колонне обнесенных балюстрадой галерей, залитых ярким сиянием убывающей луны. Внутрь ворвался порыв легкого ветерка – его шорох был единственным звуком. Все вокруг казалось таким мирным и тихим. Ни лучика света не пробивалось в щели под дверьми. Сейчас послушницы наверняка уже спят, не считая тех, кто припозднился с поручениями или заданиями наставниц. Для них все было тихо и спокойно. Но не для Эгвейн.

Крошечная каморка без окна ничем не отличалась от той кельи, в которой жила Эгвейн, когда впервые приехала в Башню: такая же узкая кровать у стены, сложенный из кирпича маленький камин, где теплилось пламя. Стоявшая на маленьком столике лампа была зажжена, но света от нее хва-

тало только на то, чтобы освещать столешницу, и масло, похоже, было плохое, испортившееся, потому что от него исходил слабый неприятный душок. Обстановку довершали умывальный и трехногий табурет, на котором сразу же расположилась Кэтрин, поправляя юбки с таким видом, будто заняла трон. Сообразив, что сесть больше некуда, Барасин сложила руки под грудью и сердито уставилась на Эгвейн.

В комнате было тесно – для трех женщин она оказалась мала, но Эгвейн сделала вид, что ни Кэтрин, ни Барасин тут не существует и стала готовиться ко сну. Развесила на трех колышках, вбитых рядком в шершавую оштукатуренную белую стену, плащ, пояс и платье. Помочь расстегнуть ей пуговицы она просить не стала. Когда девушка положила аккуратно свернутые чулки поверх своих башмаков, Барасин уселась на пол, скрестив ноги и погрузившись в изучение маленькой книжечки в кожаном переплете, которую она, должно быть, достала из поясного кошелья. Кэтрин по-прежнему не сводила глаз с Эгвейн, будто ждала, что та в любой миг бросится к дверям.

Устроившись в одной сорочке под тонким шерстяным одеялом, Эгвейн положила голову на маленькую подушку, набитую отнюдь не гусиным пухом – это уж как пить дать! – и, чтобы расслабиться и быстрее и легче уснуть, выполнила несколько заученных упражнений. Девушка их так часто проделывала, что ей показалось: стоило ей едва их начать, как она уже погрузилась в сон...

...и воспарила, бестелесная, во мраке, что простирался между миром бодрствования и *Тел'аран'риодом*, над узкой брешью, разделяющей сон и реальность, безбрежной пустотой, наполненной мириадами мигающих искорок, – это были сны всех спящих людей в мире. Они плыли вокруг нее, в этом месте, где не было ни верха, ни низа, насколько мог видеть глаз; огоньки дрожали, гасли, когда сон кончался, и вспыхивали, когда он начинался. Некоторые из них Эгвейн узнавала с первого взгляда и могла назвать имя спящего, но она не видела того единственного сна, который искала, который был ей нужен.

Ей необходимо было переговорить с Суан, которая к этому времени, скорее всего, уже знает о случившейся катастрофе и которая, наверное, не уснет, пока ее не одолеет усталость. Эгвейн была полна решимости дождаться появления Суан. Но прежде ей нужно все обдумать и решить, что необходимо будет сказать. Столь многое изменилось с того момента, как Эгвейн пришла в себя. Столь многое она узнала.

Тогда она была уверена, что ей грозит скорая гибель, уверена, что сестры внутри Башни – это единое сплоченное войско под командованием Элайды. А теперь... Элайда считает Эгвейн пленницей, которую держат под надежной стражей. Пусть сколько угодно говорят, что ее вновь сделали послушницей. Даже если Элайда и верит в это, то Эгвейн ал'Вир – нет. Да и пленницей Эгвейн себя вовсе не считает. Нет, теперь она ведет битву в самом сердце Белой Башни. Будь у

нее тут, в Мире снов, губы, она бы наверняка улыбалась.

Глава 1

Когда пробьет Последний час

Вращается Колесо Времени, эпохи приходят и уходят, оставляя в наследство воспоминания, которые становятся легендой. Легенда тускнеет, превращаясь в миф, и даже миф оказывается давно забыт, когда эпоха, что породила его, приходит вновь. В эпоху, называемую Третьей, в эпоху, которая еще будет, в эпоху, которая давно миновала, поднялся ветер с обломанной горы, прозванной Драконовой. Не был ветер началом. Нет ни начала, ни конца оборотам Колеса Времени. Оно – начало всех начал.

Родившийся под сиянием толстой заходящей луны, на высоте, где человек не способен дышать, родившийся в хаотичном кружении потоков, нагретых жаром огня, что ярится в недрах зазубренного пика, поначалу бывший легким зефиром, ветер, стремительно промчавшись вниз по крутому, изрезанному расщелинами склону, набрал мощи. Увлекая за собой с вершины хлопья пепла и вонь сгоревшей серы, ветер с ревом прокатился через высокие заснеженные холмы, что преграждали ему путь на равнину, окружающую взметнувшуюся на невероятную высоту Драконову гору, он раскачивал в ночной мгле кроны деревьев, шумел их ветвями.

С воем ветер устремился от холмов на восток, через рас-

кинувшийся на лугу огромный лагерь, целый поселок из палаток и дощатых дорожек, вытянувшихся улицами вдоль мерзлых выбоин. Осталось недолго ждать, как колеи раскиснут, последний снег стает, сменившись весенней распутицей, дождями и грязью. Если лагерь до того времени еще простоит. Несмотря на ранний час, многие из Айз Седай не спали, они собирались группками и, защитившись от подслушивания выставленными малыми стражами, обсуждали случившееся этой ночью. Немало подобных обсуждений протекало довольно оживленно, некоторые, казалось, могли перейти в споры, а иные собеседницы, вне всяких сомнений, вели себя с заметной горячностью. Не будь это Айз Седай, то, глядишь, они бы уже грозили друг дружке кулаками или чем похуже. Главными были вопросы: как быть и что делать дальше? К этому времени уже все сестры знали о находке на речном берегу, хотя о подробностях осведомлены были немногие. Сама Амерлин тайно отправилась на реку, чтобы запечатать Северную гавань, и ее лодку обнаружили застрявшей в камышах и перевернутой вверх дном. Выбраться живой из стремительных ледяных потоков Эринин шансов мало, и опасения с каждым часом крепили, пока не превратились в твердую уверенность. Амерлин погибла. Каждая сестра в лагере понимала, что ее будущее, а возможно, и сама жизнь повисли на волоске, не говоря уже будущем всей Белой Башни. Что теперь делать? Однако, когда на лагерь обрушился яростный ветер, голоса смолкли, голо-

вы поднялись: злые порывы рвали парусину палаток, хлопая ею, точно флагами, забрасывали людей снежной крупой. Налетевший внезапно запах сгоревшей серы густо растекся в воздухе, свидетельствуя о том, откуда этот ветер, и не одна Айз Седай безмолвно вознесла молитву, отвращающую зло. Впрочем, спустя какие-то мгновения ветер стих, и сестры вернулись к размышлениям о будущем – достаточно безрадостным, под стать резкой вони в воздухе, пусть и мало-помалу рассеивающейся.

В сторону Тар Валона задул ветер, постепенно набирая силу, с воем пронесся он над воинским биваком возле реки, где со спавших на земле солдат, обозников и маркитантов вдруг сорвало одеяла, а ночевавшие в палатках проснулись от хлопков парусины; кое-кому не повезло пробудиться и от того, что палатки уносило во тьму, когда не выдерживали колышки или лопались растяжки. Груженные фургоны кренились и опрокидывались, а знамена бешено развевались на ветру, древки звенели от напряжения. Потом их вырывало из земли, и древки становились копьями, вонзавшимися в любую преграду на своем пути. Согнувшись и с трудом преодолевая напор ветра, люди пробирались к коновязям, успокаивали лошадей – те вставали на дыбы и испуганно ржали. Никто не знал того, что было известно Айз Седай, однако резкий серный запах, наполнивший ночной морозный воздух, казался дурным предзнаменованием, и закаленные мужчины возносили вслух молитвы с тем же жаром, что и безусые юн-

цы. Свои молитвы, и громкие, добавляли и другие обитатели лагеря: кузнецы, коновалы, мастера-стрельники и оружейники, их жены, прачки и портнихи – всех охватил внезапный страх, ужаснее и темнее, чем расползающийся мрак ночи.

Неистово бьющийся над головой парусиновый полог, едва не рвущийся от натяжения, крики и стоны, пронзительные людские голоса и испуганное ржание лошадей даже перекрывали вой ветра, что и помогло Суан Санчей пусть и с трудом, но проснуться во второй раз.

От внезапно ударившей в ноздри серной вони на глаза навернулись слезы, и она была благодарна за это. Может, Эгвейн и научилась набрасывать на себя и скидывать полог сна, будто пару чулок, но с Суан это совсем не так. Сон, после того как она наконец-то улеглась, шел к ней с трудом. Вести с речного берега быстро дошли до Суан, и она была уверена, что отныне уснуть сумеет, только когда от усталости будет с ног валиться. Она помолилась за Лиане, но бремя всех их надежд было возложено на плечи Эгвейн, и казалось, что все их надежды выпотрошили и вывесили вялиться. Что ж, и сама Суан вымоталась, лишилась сил от тревоги, нервотрепки и постоянного хождения из угла в угол. Теперь вновь забрезжила надежда, и она усилием воли не позволяла закрываться своим будто бы налитым свинцом векам – из страха, что опять провалится в сон и до середины дня уже не проснется. Свирепый ветер, в отличие от криков и лошадиного ржания, стих.

Устало Суан откинула одеяла и, пошатываясь, встала. Ее постель, расстеленную прямо на парусиновом полу, в уголке не такой уж просторной квадратной палатки, вряд ли назовешь удобной, однако ночевать Суан пришла сюда, хотя это и означало поездку верхом. Разумеется, она чуть не свалилась и, вероятно, от горестных переживаний утратила способность здраво мыслить. Она коснулась перекрученного кольца-тер'ангриала, висевшего на кожаном шнуре у нее на шее. Проснувшись в первый раз, что далось ей точь-в-точь так же тяжело, Суан достала кольцо из своего поясного кошелья. Что ж, горе отступило, и она теперь в состоянии продолжать действовать. Она не сдержала зевок, от которого ее челюсти заскрипели, будто заржавевшие уключины. Можно подумать, что послания от Эгвейн и того факта, что она жива и сумела передать сообщение, будет достаточно, чтобы помочь избавиться от вьевшейся в плоть и кости усталости. Оказалось, это совсем не так.

Направив чуточку Силы, Суан зажгла ненадолго шарик света, отыскала в его свечении фонарь на главном опорном шесте палатки и запалила фитиль струйкой Огня. Одиноким язычок пламени давал слабый дрожащий свет. В палатке имелись и другие фонари и лампы, но Гарет не уставал напоминать, как мало оставалось в запасе лампового масла. Жаровню Суан не зажигала; хотя по отношению к углю Гарет не выказывал такую же бережливость, как с маслом, — уголь раздобыть проще, но она едва ли замечала холодный,

почти морозный воздух. Суан хмуро воззрилась на спальное место Гарета в другом углу палатки. На постель, судя по всему, до сих пор не ложились. Наверняка Брин уже осведомлен об обнаруженной лодке и том, кто в ней уплыл. Как ни старались сестры скрыть от него свои секреты, но каким-то образом утаить им удавалось куда меньше, чем полагали большинство из них. Не единожды он приводил ее в замешательство своей осведомленностью. Где же он? Ушел в ночной сумрак готовить своих солдат к новому дню, какое бы решение ни принял Совет Башни? Или уже, махнув на все рукой, отправился восвояси, отказавшись от безнадежной затеи? Но дело еще далеко не проиграно, хотя он не мог об этом знать.

– Нет, – пробормотала Суан, испытывая странное чувство... стыда? Оттого, что у нее даже в мыслях возникли подозрения, что усомнилась в Гарете, сочтя его способным на предательство...

С восходом солнца он наверняка появится опять, и так будет каждое утро, до тех пор пока Совет будет нуждаться в нем, и уйдет он, только когда ему прикажут уходить. А возможно, останется и того дольше. Она не верила, что он оставит Эгвейн, что бы ему ни приказал Совет. Слишком он упрям и горд. Нет, дело даже не в этом. Слово Гарета Брина – слово чести. Единожды дав слово, он не отступался, чего бы это ему самому ни стоило, если только его не освобождали от обещания. И наверное – просто возможно, – у него были и другие причины остаться. Об этом Суан отказывалась ду-

мать.

Надо перестать думать о Брине. Так, а зачем она пришла в его палатку? Куда проще было устроиться в собственной, пускай и тесной палатке, в лагере Айз Седай, или даже остаться в компании постоянно плачущей Чезы, хотя, если хорошенько подумать, второе было бы выше ее сил. Плакс она не выносила, а горничная Эгвейн ревела, почти не переставая. Посему Суан решительно выбросила мысли о Брине из головы, торопливо провела щеткой по волосам, достала свежую сорочку и постаралась одеваться как можно быстрее, насколько позволял полумрак. Ее голубое дорожное платье из простой шерсти было измято, и вдобавок на подоле красовались пятна грязи – Суан ходила на берег, чтобы самой удостовериться, та ли эта лодка, – но времени вычистить и выгладить одежду с помощью Силы у нее не было. Она торопилась.

Просторной назвать палатку вряд ли у кого повернулся бы язык – прославленные полководцы обычно в такой тесноте не живут, поэтому спешные сборы означали, что Суан то и дело натыкалась бедром на угол письменного стола, причем один раз так сильно стукнулась об одну ножку, что та чуть не сложилась, но женщина успела подхватить стол, едва, впрочем, не опрокинув походный табурет – единственный предмет обстановки, хоть чем-то похожий на стул. Да еще ободрала голени об окованные медью сундуки, тут и там стоявшие в шатре. Отчего она разразилась проклятиями, кото-

рые долго бы звучали в ушах того, кто их услышал. Сундуки имели двойное назначение: в них не только хранились вещи, но на них еще и сидели, а один, с плоской крышкой, служил импровизированным умывальником, с белым кувшином и тазиком. По правде говоря, расставлены они были в определенном порядке, понятном одному лишь Брину. Он-то даже и в крошечной тьме запросто находил путь в этом лабиринте. Любой другой сломал бы себе ногу, прежде чем добрался до кровати. Суан предполагала, что Брин, должно быть опасаясь подосланных убийц, ставит им такие препоны, но сам он вслух об этом никогда не говорил.

Взяв с одного из сундуков свой темный плащ и перекинув его через руку, Суан чуть замешкалась, гася лампу потоком Воздуха. Какое-то мгновение она смотрела на вторую пару сапог Гарета, что стояли у изножья его кровати. С помощью Силы она зажгла еще один светящийся шарик, двинула его к сапогам. Так она и думала. Сверкают, свежевывчищенные. Проклятый мужчина настоял, чтобы она отрабатывала свой долг, а затем проскользнул у нее за спиной незамеченным – или, и того хуже, у нее под носом, пока она спала, – и сам начистил свои треклятые сапоги! Распроклятый Гарет Брин обращался с ней как со служанкой, ему даже в голову не приходило попытаться ее поцеловать!..

Суан резко выпрямилась, стиснула зубы, сжатые губы вытянулись, как причальный трос. Так, эта мыслишка откуда взялась? Она, что бы там ни твердила Эгвейн, нисколько не

влюблена в проклятого Гарета Брина! Она не влюблена!... У нее работы выше головы, чтобы время оставалось на подобные глупости. «Вот потому-то, думаю, ты и перестала носить одежду с вышивкой, – прошептал где-то в глубине ее разума тихий голосок. – Все те миленькие наряды, которые ты из страха запихала поглубже в эти вот сундуки». Из страха? Чтоб ей сгореть, если она боится его! Да и вообще, никого из мужчин она не боится!

Тщательно соединив в плетении жилки Земли, Огня и Воздуха, она наложила «кружево» на сапоги. Вся вакса, до последней частички, а заодно и большая часть краски отделились от сапог и сформировались в аккуратную блестящую сферу, зависшую в воздухе, и их кожа заметно посерела. У Суан мелькнула мысль, что неплохо бы этот шар уложить Брину между одеялами. Вот бы для него сюрприз был, когда он наконец-то соберется лечь! В самый раз!

Вздохнув, она откинула входной клапан и выгнала шар наружу, в темень, где тот и растекся по земле. Если она позволяла своему вспыльчивому нраву зайти слишком далеко, то на ее выпады Брин реагировал быстро и крайне непочтительно, – впервые Суан это выяснила, когда стукнула его по голове сапогами, которые сама в тот момент и чистила. И когда он настолько ее довел, что она подсыпала ему в чай соли. Соли, конечно, там была не одна щепотка, но не ее же вина, что он так торопился, что выпил чашку залпом. Ну, во всяком случае, попытался выпить. Коли Суан принималась

на него орать, то Брину, кажется, было все равно, бывало, и сам он на нее голос повышал – иногда он молча улыбался, когда Суан кипела от бешенства! – но и у его терпения были свои границы. Разумеется, она могла остановить его одним-единственным простым плетением Воздуха, но что такое честь, ей известно не хуже, чем Брину, чтоб ему сгореть! И у нее она есть! Так или иначе, Суан должна быть рядом с Брином. Так сказала Мин, а девочка, кажется, в таких вещах не ошибается. Только это – единственная причина, почему она еще до сих пор не засунула горсть золота проклятому Гарету Брину в глотку и не сказала, что ему уплачено, и пусть он проваливается на все четыре стороны! Только поэтому – и нет никакой другой причины! Конечно, кроме ее собственной чести.

Позевывая, Суан решила оставить темную лужицу, сверкающую в лунном сиянии, как есть. Если она не высохнет, а Гарет наступит на нее и наследит в палатке, то пусть винит себя, больше некого, и она-то уж точно ни при чем. Хорошо хоть серная вонь чуть ослабела. Глаза перестали слезиться, но перед ее взором предстало то, что натворил в лагере яростный ветер.

В этом несуразном, накрытом сейчас пологом ночи лагере никогда не было особого порядка. Правда, изрытые рытвинами улицы были проложены, считай, почти прямо, и их ширины хватало для передвижения отрядов солдат, но в прочих отношениях бивак всегда казался Суан хаотичным ско-

пищем палаток, шалашей и обложенных камнями ям, где на кострах готовили пищу. Теперь же картина была такой, словно лагерь подвергся нападению. Повсюду валялись сорванные палатки, некоторые зацепились за те, что еще остались стоять, хотя большинство из них скособоилось под ударами ураганного ветра, а десятки фургонов и тележек лежали на боку или вверх колесами. Со всех сторон неслись стоны покалеченных и раненых, которых, похоже, было немало. Слышались и голоса тех, кто звал к ним на помощь. По улице мимо палатки Гарета ковыляли мужчины, которых поддерживали их товарищи; на импровизированных носилках из одеял кого-то торопливо несли группки солдат. Вдалеке Суан разглядела на земле четыре накрытых одеялами тела, над тремя, раскачиваясь взад-вперед, стояли на коленях женщины. Оплакивали погибших.

Мертвым Суан ничем не могла помочь, но другим могли понадобиться ее способности к Исцелению, пусть и невеликие. Даром Исцеления она вообще обладала небольшим, хотя в этом отношении ее умения и вернулись полностью после того, как ее Исцелила Найнив ал'Мира, тем не менее Суан сомневалась, что в воинском лагере найдется сейчас еще хотя бы одна сестра. Большинство Айз Седай избегали солдат. Поэтому ее способности – это лучше, чем ничего. Да, она могла бы заняться ранеными – если бы не те новости, которые знала она одна. Крайне важно и необходимо, чтобы известия дошли до нужных людей как можно раньше. Поэтому

му, отгородив слух от стонов и причитаний по погибшим, не обращая внимания на безвольно висевшие руки и тряпки, что пострадавшие прижимали к кровоточащим ранам на голове, Суан торопливо зашагала на край лагеря, в сторону коновязей, где неожиданно благоуханный запах лошадиного навоза начал перебивать серную вонь. Костлявый, небритый малый с изможденным выражением смуглого лица попытался проскочить мимо нее, но она ухватила его за рукав.

– Оседлай мне самую смирную лошадь, какую найдешь, – велела ему Суан. – И немедленно!

Бела подошла бы как нельзя лучше, но среди всех этих животных коренастой кобылки Суан не заметила, а дожидаться, пока лошадку найдут, она не собиралась.

– Вы желаете прокатиться? – недоверчиво спросил конюх, рывком высвобождая рукав. – Коли у вас есть лошадь, так седлайте ее сами, если вы для этого достаточно глупы. А что до меня, так мне придется весь остаток ночи тут мерзнуть, ухаживая за теми, что поранились. И счастье еще, если хотя бы одна не околеет.

Суан заскрежетала зубами. Болван принял ее за какую-то портниху. Или за одну из жен! По какой-то причине последнее, как ей казалось, было хуже. Резким движением Суан сунула малому под нос правую руку, отчего тот, выругавшись, отшатнулся, но она настолько близко поднесла кулак к его лицу, что ничего, кроме ее кольца с Великим Змеем, он видеть не мог. Конюх скосил глаза, уставившись на кольцо.

– Самую смирную лошадь, какую сумеешь найти, – сказала Суан не допускающим возражений и сомнений тоном. – Но быстро.

Кольцо сделало свое дело. Костлявый малый сглотнул, затем почесал макушку и посмотрел вдоль коновязей, где все, как казалось, животные переступали с ноги на ногу или нервно вздрагивали.

– Смирную, – задумчиво произнес он. – Посмотрим, что можно придумать, Айз Седай. Смирную... – Легонько постукивая себя кулаком по лбу, он заспешил вдоль рядов лошадей, не переставая при этом что-то бурчать вполголоса.

Суан, тоже тихо ворча под нос, принялась расхаживать туда-сюда: три шага вперед и три назад. Снег, растоптанный в слякотную кашу, за ночь замерз и похрустывал под ее крепкими башмаками. Насколько она отсюда видела, конюх может часами искать лошадь, которая не сбросит ее, услышав какое-нибудь хрюканье. Накинув на плечи плащ, Суан нетерпеливо, едва не проколов большой палец, скрепила ткань небольшой серебряной круглой булавкой. Неужели она боится? Она еще покажет Гарету, проклятому-треклятому Брину! Три шага, туда и обратно. Наверное, лучше бы ей отправиться пешком, хоть прогулка и немаленькая. Неприятно, конечно, но лучше, чем свалиться с седла и того и гляди переломать вдобавок кости. Всякий раз, как Суан садилась на лошадь, в том числе и на Белу, у нее всегда возникали мысли о сломанных костях. Но тут вернулся конюх с кобылой

темной масти, на которой уже красовалось седло с высокой задней лукой.

– Она смиренная? – скептически поинтересовалась Суан.

Лошадь переступала с ноги на ногу, словно ей не терпелось пуститься в пляс, вид у нее был ухоженный, шкура – глянцевито лоснилась. Как считалось, такие признаки обычно указывают на резвость.

– Это Ночная Лилия, Айз Седай, она кроткая как ягненок. Это лошадка моей жены, а Немарис – женщина хрупкая. Ей игристые лошади не нравятся.

– Ну, это ты так говоришь, – ответила, хмыкнув, Суан. По своему опыту она знала: лошади редко бывают кроткими. Но тут уже ничего не поделаешь.

Подобрав поводья, она неловко взобралась в седло, усеялась, поерзала – чтобы не сидеть на плаще и не придушить им себя ненароком. Кобыла, сколько бы Суан ни натягивала и ни дергала поводья, все равно танцевала на месте. Иного Суан и не ожидала. Зверь явно готовится переломать ей все кости. А вот лодка... с одним веслом или двухвесельная, лодка идет туда, куда тебе надо, и останавливается тогда, когда тебе надо, если ты не круглый дурень, который ни хвоста, ни чешуи не смыслит в приливах, течениях и ветрах. Но у лошадей свои мозги, свой умишко, сколь бы мал он ни был, а это значит – у них вполне может появиться мысль не обращать внимания на узду и поводья и на то, чего нужно всаднику. Вот что надо помнить, когда приходится садиться

в седло растреклятого коня.

– Э-э-э, Айз Седай, тут одна вещь, – промолвил конюх, пока Суан пыталась поудобнее устроиться в седле. Почему, интересно знать, седла всегда кажутся жестче дерева? – Я бы лошадку, знаете ли, сегодня особо не гнал, а только шажком бы, шажком. Этот ветер, понимаете... и вся та вонь... так что лошадь, быть может, чуточку...

– Нет времени, – сказала Суан и ударила лошадь пятками.

Кроткая как ягненок, Ночная Лилия рванула с места в карьер, так что Суан едва не кувырнулась назад, чуть не выпав из седла. Ее уберегло только то, что она успела вцепиться в переднюю высокую луку. Суан почудилось, будто конюх что-то кричит ей вслед, но она не была уверена в этом. Знать бы, какую лошадь, во имя Света, Немарис считает игривой? Кобыла вынеслась из лагеря с такой быстротой, словно хотела победить на скачках, устремившись в направлении садящейся луны и Драконовой горы, чей черный мрачный пик высился на фоне усыпанного звездами неба.

Суан и не старалась сдерживать ее бег, а, наоборот, то и дело била лошадь пятками по бокам и подстегивала поводьями по шее – она видела, что так другие подгоняют коней. Плащ развевался у нее за спиной. Необходимо добраться до сестер раньше, чем кто-то успеет совершить нечто непоправимое. В голову приходило слишком много разных вариантов. Кобыла галопом неслась мимо маленьких рощиц и крошечных деревушек, мимо разбросанных вокруг ферм с паст-

бищами и полями, обнесенными оградами из камней. Поселян, забившихся под заваленные снегом черепичные крыши, спрятавшихся за каменными и кирпичными стенами, этот яростный ветер не встревожил; все дома стояли темные и тихие. Даже проклятые коровы с овцами спят сладким сном в своих загонах. Фермеры всегда держат коров и овец. А еще свиней.

Подскакивая на жесткой коже седла, Суан старалась наклоняться вперед, к лошадиной шее. Так надо делать – она это видела. Почти сразу же левая нога выскользнула из стремени, и Суан почти сползла на бок, с превеликим трудом взгромоздившись обратно в седло и едва сумев вернуть ногу на место. Оставалось одно – сидеть прямо, словно аршин проглотив, одной рукой мертвой хваткой вцепившись в переднюю луку, а другой – еще крепче сжимая поводья. Хлопающий за спиной плащ неудобно стеснял горло, и ее подбрасывало вверх и вниз так сильно, что у нее клацали зубы, стоило только не вовремя открыть рот, но Суан терпела и еще пуще подгоняла кобылу. Ах, Свет, да к восходу солнца она вся в сплошной синяк превратится, ведь этак-то при тряске галопе лошади ей всю ночь на седло хлопаться придется. Хорошо хоть стиснутые челюсти не дают зевать во весь рот.

Наконец из темноты, за редкой полосой деревьев, показались коновязи и ряды фургонов, окружавшие лагерь Айз Седай, и с облегченным вздохом Суан изо всех сил натянула поводья. Раз уж лошадь так несется, то, чтобы остановить

ее, наверняка нужно постараться. Ночная Лилия и остановилась, да столь внезапно, что Суан перелетела бы через голову лошади, не встань та сразу же и на дыбы. Вытаращив глаза, Суан крепко ухватилась за лошадиную шею, пока кобыла наконец уверенно не утвердилась на всех четырех копытах. И потом еще с минуту не отпускала бедное животное.

Ночная Лилия, как вдруг сообразила Суан, тяжело дышала. Даже, вообще-то говоря, задыхалась. Однако Суан никакого сочувствия не испытывала. Это глупое животное, как и все лошади, пыталось ее убить! Какое-то время Суан приходила в себя, потом одернула плащ, подобрала поводья и степенным шагом поехала мимо повозок и длинных коновязей. Вдоль них двигались в сумраке темные человеческие фигуры, – несомненно, конюхи и кузнецы-ковали успокаивали встревоженных лошадей. Кобыла теперь казалась более послушной. Действительно, все получилось не так уж и плохо.

Въехав в сам лагерь, Суан, помешкав немного, все же обняла саидар. Странно считать опасным местом лагерь, полный Айз Седай, но ведь двух сестер убили именно здесь. Принимая во внимание обстоятельства их гибели, представлялось невероятным, что если следующая жертва – Суан, то обладание Силой убережет ее, но саидар, по крайней мере, создавала иллюзию безопасности. До тех пор, пока она помнит, что это всего-навсего иллюзия. Подумав, Суан свила потоки Духа в плетение, скрывшее и ее способность направ-

лять, и само свечение окружавшей ее Силы. В конце концов, нет никакой нужды привлекать к себе внимание.

Даже в такой час, когда луна низко скатилась к западу, на дощатых дорожках-тротуарах встречались люди – служанки и работники торопились по своим поздним делам. Или, пожалуй, лучше уже сказать – по ранним. Большинство палаток, чуть ли не всех возможных размеров и форм, оставалось темными, но внутри немногих, из тех, что попросторнее, виднелся свет – там горели лампы или свечи. Что и неудивительно, в сложившихся-то обстоятельствах. Вокруг всех освещенных изнутри палаток или возле входа в них стояли люди. Это были Стражи. Кто еще способен стоять так неподвижно, что, казалось, растворялся в ночной мгле, да еще в такую пронизывающе-холодную ночь? Преисполненная наполняющей ее Силой, Суан могла различить их в сумраке – благодаря своим плащам Стражи словно исчезали среди теней. Не приходится удивляться их бдительности: ведь у убитых сестер были Стражи, связанные с ними узами, и после гибели Айз Седай что довелось испытать Стражам... Она подозревала, что не одна сестра готова рвать на себе волосы, а лучше – на ком-то другом. Стражи заметили Суан: они поворачивали голову, провожая взглядами проезжающую мимо женщину, – она медленно двигалась вдоль мерзлых выбоин, высматривая нужную ей палатку.

Разумеется, необходимо оповестить Совет, но кое-кого нужно поставить в известность прежде Совета. По разуме-

нию Суан, они с куда большей вероятностью способны совершить нечто... опрометчивое. И вполне возможно, катастрофическое по последствиям. Их удерживали обеты, но эти клятвы были даны под давлением женщине, которую они теперь считают погибшей. А что касается Совета, большинства Совета, то его члены все равно не уступали своих позиций, заявляя о своих правах на высший пост. Из них никто не станет прыгать, пока не будет абсолютно точно уверен, где предстоит приземлиться.

Палатка Шириам была слишком мала для того, что предполагала найти Суан, да вдобавок, как отметила женщина, проезжая мимо, она оказалась погружена в темноту. Впрочем, Суан была почти уверена, что Шириам сейчас совсем не до сна. Шатер Морврин, где без труда могли бы расположиться на ночлег и четыре женщины, вполне сгодился бы, но вряд ли им нашлось бы достаточно места среди множества книг, которые Коричневая сестра умудрилась приобрести в походе, и в нем тоже было темно. Однако третья попытка принесла Суан улов, и она натянула поводья, останавливая Ночную Лилию неподалеку от своей цели.

У Мирелле в лагере было два островерхих шатра: один она занимала сама, а другой предназначался для трех ее Стражей – трех, кого она осмелилась признать. И в ее шатре ярко горел свет, на залатанной парусине стенок двигались тени женщин. На дорожке перед палаткой стояли трое непохожих друг на друга мужчин – недвижные позы выдавали в

них Стражей, – но какое-то мгновение Суан едва ли их замечала. О чем именно идет разговор внутри? Уверенная, что тратит время зря и старается напрасно, Суан все же сплела пряди Воздуха, присовокупив толику Огня; ее плетение коснулось палатки и наткнулось на барьер, защищающий от подслушивания. Инвертированный, разумеется, и для Суан невидимый. Она предприняла свою попытку наудачу, вдруг бы те женщины оказались беспечны. Хотя вероятность этого весьма мала, если знать, какие секреты они скрывают. Тени на парусине замерли. Значит, находящиеся внутри поняли, что их попытались подслушать. Суан проехала несколько оставшихся шагов, продолжая гадать, о чем же шла речь в палатке.

Когда Суан спешила – ну по крайней мере, сумела превратить свое полупадение в нечто вроде прыжка, – один из Стражей, шириамовский Аринвар, тощий кайриэнец, чуть выше самой Суан ростом, шагнул вперед с легким поклоном и хотел взять уздечку, но Суан взмахом руки отослала его. Отпустив саидар, она привязала кобылу к одному из деревянных столбиков, торчавших вдоль дорожки, причем таким узлом, который удержал бы внушительных размеров лодку при сильном ветре и мощном течении. Нет, те небрежно наброшенные петли, какими пользуются другие, тут не подойдут, этакое легкомыслие не в ее духе. Может, ездить верхом она и не любит, но когда привязывает кобылу, то хочет быть уверена, что найдет ее на том же месте, где оставляла. Арин-

вар заметил, как Суан доканчивает вязать последние петли и затягивает узел, и брови у него изумленно поползли вверх, но ведь не ему же придется платить за проклятую скотину, если той вздумается сорваться с привязи и потеряться.

Из других двух Стражей только один был связан узами с Мирелле – Авар Хашами, салдэйец с орлиным носом и густыми, с проседью, усами. Окинув Суан взглядом и чуть склонив голову, он продолжил наблюдение за ночным лагерьем. Страж Морврин, Джори, низенький и лысый, с квадратной фигурой, на Суан вовсе не обратил внимания. Его взгляд ощупывал темноту, а ладонь легко лежала на длинной рукояти меча. Считалось, что по владению мечом он входит в число лучших из Стражей. А где другие? Разумеется, спрашивать Суан не могла, как и не могла поинтересоваться, кто находится в шатре. Такие вопросы удивили бы мужчин до глубины души. Никто из них не остановил ее, когда она решительно шагнула внутрь шатра. По крайней мере, дела все же не настолько плохи.

В шатре, где от двух жаровен исходил аромат розовых лепестков и растекалось приятное тепло, отгоняя ночную прохладу, Суан обнаружила почти всех, кого надеялась отыскать. Все устремили свои взоры на вошедшую женщину.

Сама Мирелле, в шелковом халате, усыпанном шитыми красными и желтыми цветами, сидела на прочном стуле с прямой спинкой, сложив руки под грудью, и на ее лице с оливкового оттенка кожей застыло выражение совершенной

невозмутимости. Чувства ее выдавал лишь огонек, горевший в ее темных глазах. Мирелле окружало свечение Силы. В конце концов, это ее шатер; наверняка это она сплела малого стража для защиты от подслушивания. Шириам, с неестественно прямой спиной сидящая в изножье койки Мирелле, сделала вид, будто поправляет свои юбки с голубыми вставками в разрезах. Выражение ее лица было столь же пламенным, что и цвет ее волос, и при виде Суан внутренний огонь вспыхнул в Шириам еще сильнее. На ней не было палантина хранительницы летописей – плохой знак.

– Можно было ожидать, что это окажешься ты, – холодно заметила Карлиния, уперев кулаки в бедра. Сердечной и пылкой женщиной она никогда не была, но теперь свисавшие над самыми плечами выющиеся локоны обрамляли лицо, словно бы вырезанное из льда почти такого же белого, что и ее платье. – Я не позволю тебе подслушивать мои личные разговоры, Суан. И не пытайся.

Ах да, они же думают, что все уже кончено.

Круглолицая Морврин, хоть сейчас не выглядевшая рассеянной или сонной, несмотря на помятые складки на ее коричневой шерстяной юбке, обошла вокруг маленького столика, где на лакированном подносе стояли высокий серебряный кувшин и пять серебряных чашечек. Кажется, чая никому не хотелось: все чашки так и оставались пустыми. Порывшись в поясном кошелье, седая сестра сунула гребень из резного рога в руку Суан:

– Ты вся растрепалась, женщина. Причешись, а то, не ровен час, какой-нибудь оболтус примет тебя не за Айз Седай, а за девку из таверны и решит усадить тебя к себе на колени и приласкать.

– Эгвейн и Лиане живы. Они узницы в Башне, – заявила Суан с куда большим спокойствием, чем сама испытывала. Девка из таверны? Коснувшись волос, она поняла, что Морврин права, и принялась расчесывать спутавшиеся волосы. Если хочешь, чтобы тебя воспринимали всерьез, нельзя выглядеть так, словно тебе задали трепку в переулке. У нее и так сейчас трудностей хватает, и будет не меньше даже спустя несколько лет после того, как ей удастся вновь взять в руки Клятвенный жезл. – Эгвейн говорила со мной в моих снах. Им удалось заблокировать гавани, почти совсем, но их захватили. Где Беонин и Нисао? Пусть кто-нибудь сходит за ними. Не хочу чистить дважды одну и ту же рыбу.

Ну вот. Если они подумали, будто свободны от данных ими клятв и могут забыть о приказах Эгвейн повиноваться ей, то сказанное развеет их заблуждения. Если не считать того, что никто и не подумал ее послушаться, даже пальцем не пошевелил.

– Беонин отправилась спать, – медленно промолвила Морврин, разглядывая Суан. Очень пристально и внимательно. За мирным обликом Морврин скрывался острый и пронизательный ум. – Она очень устала, и у нее не было сил продолжать беседу. И зачем надо просить Нисао присоединиться к

нам?

При этих словах Мирелле, которая дружила с Нисао, слегка нахмурилась, но две другие Айз Седай кивнули. Они с Беонин держали Нисао наособицу от себя, невзирая на данную ими всеми клятву верности. По мнению Суан, эти женщины никогда не перестанут верить, будто по-прежнему способны как-то управлять событиями, хотя румпель у них давным-давно отобрали.

Шириам поднялась с походной койки, словно торопясь куда-то, даже подобрала юбки, но никакого отношения к распоряжениям Суан это не имело. Гнев ее исчез, сменившись еще большей горячностью.

– Нам они все равно пока не нужны. Если ты говоришь «узницы», то это означает, что их держат в подземных камерах, пока для суда не созовут Совет. Мы можем Переместиться туда и освободить их раньше, чем Элайда сообразит, что происходит.

Мирелле коротко кивнула и встала, взявшись за кушак халата, чтобы развязать его:

– Думаю, Стражей лучше с собой не брать. В этом деле они нам не понадобятся. – В нетерпении и предвкушении действия она зачерпнула из Источника еще больше Силы.

– Нет! – резко промолвила Суан и скривилась, поскольку гребень застрял в спутанных волосах. Иногда она подумывала, не подрезать ли их для удобства, подстричь еще короче, чем у Карлинии, но Гарет говорил, что ему нравится, как во-

лосы Суан красиво рассыпаются по плечам. О Свет, неужели даже здесь она не может избавиться от мыслей об этом мужчине? – Эгвейн судить не будут, и она не сидит в подземной темнице. Она не сообщила мне, где ее держат, только сказала, что к ней приставлена постоянная стража. И она приказывает не вызволять ее, даже не пытаться, если в ее освобождении должна будет участвовать хоть одна сестра.

Женщины в шатре воззрились на Суан в потрясенном молчании. По правде говоря, Суан сама спорила с Эгвейн по этому пункту, но без толку. Это был недвусмысленный приказ, отданный Престолом Амерлин по всей форме.

– То, что ты сказала, противоречит здравому смыслу, – наконец промолвила Карлиния. Тон ее по-прежнему оставался холоден, лицо – невозмутимым, но руки без всякой нужды разглаживали вышитые белые юбки. – Если бы мы захватили Элайду, то судили бы ее и, весьма вероятно, умилили бы ее. – «Если». Их сомнения и страхи до сих пор еще не улеглись. – Раз она захватила Эгвейн, то наверняка поступит так же. Я и без Беонин могу сказать, что на этот счет гласит закон.

– Мы должны вызволить ее, что бы она там ни говорила! – Голос Шириам был столь же горяч, сколь холоден оставался тон Карлинии. Зеленые глаза хранительницы летописей ярко сверкали. Руки сжались в кулаки, смяв ткань подола. – Она не понимает, в какой опасности оказалась! Должно быть, она в шоке. Она хоть как-то тебе намекнула, где ее держат?

– Ничего от нас не скрывай, Суан. И не пытайся, – решительно заявила Мирелле. Ее глаза горели будто огнем, и она резким движением, словно подчеркивая свои слова, туго затянула шелковый пояс халата. – С какой стати ей скрывать, где ее держат?

– Наверное, опасается того, что вы с Шириам тут предлагаете. – Отказавшись от борьбы со спутавшимися на ветру прядями, Суан бросила гребень на стол. Нельзя же стоять тут, расчесывая волосы, и думать, что они станут прислушиваться к ее словам. Ладно, пусть волосы остаются в беспорядке, придется с этим смириться. – Ее охраняют, Мирелле. И охраняют сестры. И просто так они Эгвейн не отдадут. Если мы попытаемся ее вызволить, то Айз Седай умрут от руки Айз Седай, это верно так же, как щуки-серебрянки икру мечут в тростнике. Однажды такое случилось, но повториться не должно. Иначе умрет всякая надежда на воссоединение Белой Башни мирным путем. Мы не должны допускать гибели Айз Седай. Поэтому ни о каком спасении и речи быть не может. А что до того, почему Элайда решила не отдавать ее под суд, я не могу ничего сказать.

Эгвейн на эту тему говорила очень туманно, словно и сама не понимала. Но в фактах девушка была конкретна и точна, и вряд ли она стала настаивать на том, чтобы ее не спасали, не будь совершенно уверена в правильности своего решения.

– Мирным путем, – пробормотала Шириам, усевшись обратно на койку. В эти слова она вложила бездну горечи. – А

был ли на это хоть какой-то шанс с самого начала? Элайда упразднила Голубую Айя! Уничтожила ее! Какая после этого возможность мирного исхода?

– Элайда не может просто взять и избавиться от какой-либо Айя, – проворчала Морврин, как будто это с чем-то было связано. Она погладила Шириам по плечу, но рыжеволосая сестра сердито дернула плечом, сбросив ее пухлую руку.

– Шанс есть всегда, – сказала Карлиния. – Гавани заблокированы, что укрепляет наши позиции. Переговорщики встречаются каждое утро... – С тревогой в глазах она умолкла, налила чашку чая и выпила половину одним глотком, даже не добавив меда. Перегороженные гавани, по всей вероятности, и так положат конец переговорам, хотя и не скажешь, чтобы те как-то продвигались. Позволит ли Элайда продолжать переговоры, коли Эгвейн у нее в руках?

– Не понимаю, почему Элайда решила не отдавать Эгвейн под суд, – сказала Морврин, – хотя приговор был бы наверняка, и понятно какой, но остается фактом, что Эгвейн – пленница. – Она не выказывала ни малейшей горячности, охватившей Шириам или Мирелле, но и нисколько – холодности Карлинии. Она просто констатировала факты, только чуть поджав губы. – Если Эгвейн не стали судить, тогда, вне всяких сомнений, ее сломают. Она проявила себя женщиной намного сильнее, чем я предполагала на первых порах, но не нашлась еще такая женщина, которая способна противостоять Белой Башне, если та намерена ее сломить. Нам необхо-

димом рассмотреть последствия – что будет, если мы не вызовим Эгвейн, пока это еще возможно.

Суан покачала головой:

– Ее даже не высекли, Морврин. Не понимаю, кстати, почему. Но вряд ли бы Эгвейн велела нам оставить ее на произвол судьбы, если бы думала, что ее подвергнут пытке...

Суан осеклась – откинулся входной клапан, и внутрь ступила Лилейн Акаши, на плечи у нее была накинута шаль с голубой бахромой. Шириам встала, хотя в том не было никакой нужды: Лилейн была восседающей, а Шириам – хранительницей летописей. Но вид у Лилейн был впечатляющий: изящную фигуру, придавая весомости, облегал бархатное платье с голубыми вставками, и ее окружала аура власти, сегодня ночью даже больше обычного. Прическа уложена волосок к волоску, и Лилейн выглядела так, словно явилась на заседание Совета, хорошо отдохнувшая после крепкого ночного сна.

Суан плавно повернулась к столу и взяла, словно бы ожидая указаний, кувшин в руки. Такова обычно была ее роль в этой компании: разливать чай и помалкивать, а рот открывать только тогда, когда поинтересуются ее мнением. Возможно, если она будет держаться тише воды ниже травы, то Лилейн обсудит свои дела с остальными и вскоре уйдет во-свояси, взглянув на Суан лишь раз. Своим вниманием Лилейн редко ее удостаивала.

– Там, снаружи, лошадь стоит. По-моему, я ее видела. Это

ты, Суан, на ней в лагерь въехала, верно? – Лилейн обвела остальных сестер взглядом – лица у всех теперь были совершенно непроницаемы. – Я не помешала?

– Суан говорит, что Эгвейн жива, – сказала Шириам, словно бы заявляя на причале свою цену на только что пойманного речного окуня. – И Лиане. Эгвейн говорила с Суан в ее снах. Эгвейн запрещает предпринимать любые попытки ее освободить.

Мирелле бросила на нее косой, ничего не выражающий взгляд, но Суан так и подмывало надрать той уши! Вероятно, следующей, кого отправилась бы искать Суан, стала Лилейн, но рассказала бы она ей обо всем иначе, а не вывалила бы разом на пристань весь улов, как Шириам. Что-то в последнее время та стала пуглива, как послушница!

Поджав губы, Лилейн вонзила в Суан свой взгляд – точно два шила:

– Говорила, значит? Вот как. Шириам, тебе, вообще-то, не худо бы палантин носить. Ты же хранительница летописей. Суан, не прогуляешься ли со мной? Мы с тобой так давно наедине не беседовали.

Одной рукой Лилейн откинула входной клапан, а свой пронзительный взор устремила на прочих сестер. Шириам залилась густой краской – так ярко краснеют только рыжие – и, неловко выудив из поясной сумочки узкий голубой палантин, накинула его себе на плечи, но Мирелле и Карлиния ответили на испытующий взгляд Лилейн спокойными взо-

рами. Морврин принялась постукивать по круглому подбородку кончиком пальца, словно никого вокруг не замечая. Впрочем, могла и не замечать. В этом была вся Морврин.

Уяснили ли они распоряжения Эгвейн? Суан поставила кувшин на стол; у нее не было никакой возможности хотя бы одним взглядом окинуть Мирелле и ее компанию. Предложение, исходящее от сестры, которая занимает столь высокое положение, как Лилейн, даже не будь она восседающей, было сродни приказу для той, кто стоял на такой ступени иерархии, как Суан. Подхватив полы плаща и юбки, она вышла наружу, бормоча слова благодарности Лилейн за то, что та придержала для нее входной клапан палатки. О Свет, она надеялась, что эти дуры все же прислушались к ее словам.

Теперь снаружи стояло четверо Стражей, но одним из них был Бурин, Страж Лилейн, причем его почти не было видно – меднокожий коротышка-доманиец закутался в плащ Стража. А салдэйца Авара сменил другой Страж Мирелле, Нугел Дроманд, – высокий дюжий мужчина с иллианской бородкой, оставлявшей выбритую верхнюю губу. Он стоял так неподвижно, что его можно было принять за статую, если бы не облачка пара от дыхания у ноздрей. Аринвар поклонился Лилейн – краткий знак вежливости, пусть и формальный. Нугел и Джори не позволили себе утратить и крохи бдительности. Как, кстати, и Бурин.

Чтобы распутать узел, которым была привязана Ночная Лилия, времени потребовалось не меньше, чем на то, что-

бы привязать лошадь, но Лилейн терпеливо дождалась, пока Суан не выпрямилась с уздечкой в руках, а потом неспешным шагом двинулась по дощатой дорожке мимо темных палаток. Лицо ее пряталось в лунных тенях. Она не обращалась к Силе, так что и Суан не имела права обнять Источник. Ведя кобылу в поводу, Суан шагала рядом с Лилейн и хранила молчание. Следом ступал Бурин. Разговор должна начинать восседающая, но только потому, что таково ее право как восседающей. Суан боролась с одолевавшим ее желанием втянуть голову в плечи, чтобы скрыть разницу в росте: Суан была на дюйм выше Лилейн. Теперь она редко вспоминала те времена, когда была Амерлин. Ее вновь приняли в ряды Айз Седай, а быть Айз Седай означало, помимо прочего, и уметь интуитивно занимать среди сестер свою нишу, знать свое место среди них. Проклятая лошадь ткнулась носом ей в ладонь. Она что, возомнила себя ласковой собачкой? Суан переложила уздечку в другую руку, перехватив подальше от мокрого носа, и вытерла пальцы о плащ. Мерзкая слюнявая скотина. Лилейн искоса поглядела на Суан, и та почувствовала, что запылали ее щеки. Инстинктивно.

– Странные у тебя подруги, Суан. По-моему, кое-кто из них был совсем не против отослать тебя прочь, когда ты впервые появилась в Салидаре. Ну, Шириам, например, я еще могу понять. Хотя, по здравом размышлении, то, что теперь она стоит настолько выше тебя, порождает некую неловкость в отношениях. Вот в чем главная причина, почему я

сама тебя избегаю, – чтобы избежать неловкости.

Суан чуть рот не раскрыла от изумления. Разговор подошел близко к тому, что никогда не обсуждается, причем даже очень близко. И уж от кого-кого, а от своей собеседницы она менее всего ожидала подобного нарушения общепринятых правил. Пожалуй, сама она могла на такое решиться – хотя Суан и вполне приспособилась к своей нише, однако себя целиком не переделаешь, – но чтобы Лилейн?!. Никогда!

– Надеюсь, Суан, что мы с тобой вновь станем подругами. Впрочем, я пойму, если это окажется невозможным. Сегодняшняя встреча подтверждает то, что мне рассказала Фаолайн. – Лилейн издала легкий смешок и сложила руки на животе. – О Суан, не надо делать такое лицо. Не кривись так. Она тебя не предавала, по крайней мере преднамеренно. Она несколько раз допустила одну и ту же оговорку, и я решила надавить на нее. И надавила даже сильно. Нет, с другой сестрой я бы так обращаться не стала, но она, вообще-то, всего лишь принятая, пока не пройдет успешно испытания. Из Фаолайн выйдет замечательная Айз Седай. Она с крайней неохотой уступила то, что могла выдать. Вообще-то, это были лишь обрывки и отдельные кусочки да несколько имен, но, добавив к этой всячине тебя, я, как мне представляется, получила полную картину. Наверное, теперь девушку можно будет выпустить из-под замка. Больше шпионить за мной она точно не станет. Ты и твои подруги были очень преданы Эгвейн, Суан. Сможешь ли ты быть верной мне?

Так вот почему Фаолайн словно на дно канула, как будто где-то запряталась. И сколько «обрывков и кусочков» она раскрыла, когда на нее «надавили сильно»? Всего Фаолайн не знала, однако лучше предполагать, что Лилейн известно немало. Лучше исходить из такого предположения и в то же время самой не раскрывать ничего, пока на саму Суан не надавят слишком сильно.

Суан встала как вкопанная, вытянувшись во весь рост. Лилейн тоже остановилась, со всей очевидностью ожидая, когда заговорит собеседница. Это было понятно, несмотря на то что лицо восседающей по-прежнему терялось в тенях. Суан собиралась с духом, набираясь решимости противостоять ей. Некоторые инстинкты заложены у Айз Седай так глубоко, что искоренить их почти невозможно.

– Я верна тебе, как восседающей от моей Айя, но на Престоле Амерлин – Эгвейн ал’Вир.

– Да, она. – Выражение лица Лилейн, насколько могла разобрать Суан, оставалось невозмутимым. – Она говорила с тобой в снах? Расскажи мне, что тебе известно о ее положении, Суан. – (Суан покосилась через плечо на приземистого Стража.) – Не обращай на него внимания, – промолвила восседающая. – У меня от Бурина нет секретов вот уже двадцать лет.

– Да, мы говорили в моих снах, – подтвердила Суан.

Несомненно, в намерения Суан вовсе не входило признаваться, что это было сделано только для того, чтобы призвать

ее в Салидар в Тел'аран'риоде. Ведь у нее не должно быть того кольца. Если члены Совета пронюхают о кольце, то наложат на него свою лапу. Спокойно – внешне спокойно, по крайней мере, – Суан поведала то, что уже сообщила Мирелле и остальным. Даже рассказала чуточку побольше. Но отнюдь не все. Не про предательство, в чем сама была уверена. В предательстве замешан кто-то из Совета – о плане заблокировать гавани не знал никто, кроме участвовавших в деле женщин. Но кто бы ни был виновницей, она могла бы и не знать, что предает Эгвейн. Она просто могла бы помогать Элайде. Но и тогда загадка остается без ответа. Зачем кому-то из них помогать Элайде? С самого начала ходили слухи о тайных сторонницах Элайды, однако сама Суан давным-давно отвергла подобную мысль. С куда большей уверенностью можно утверждать, что все Голубые сестры до единой страстно желают низвергнуть Элайду, но до тех пор, пока Суан не выяснит, кто виноват в предательстве, никто из восседающих, пусть даже из Голубой Айя, всего о произошедшем с Эгвейн знать не будет.

– Эгвейн созвала заседание Совета на завтра... нет, теперь уже на сегодня вечером, когда пробьет Последний час, – закончила Суан. – В Башне, в зале Совета Башни.

Лилейн внезапно расхохоталась, да так, что ей пришлось смахнуть выступившие на глазах слезы.

– О, это бесподобно! Совет будет заседать под самым носом у Элайды. Вот бы дать ей об этом знать и посмотреть,

какое у нее лицо будет! Хочется, да нельзя, а жаль... – Так же внезапно она вновь посерьезнела. Лилейн готова была посмеяться, когда находила что-то смешным, но в глубине души всегда оставалась донельзя серьезной. – Итак, Эгвейн считает, что Айя могут обратиться друг против друга. Вряд ли это представляется возможным. Сама говоришь, она видела лишь несколько сестер. Все же это наводит на мысль, что неплохо бы в следующий раз заглянуть в Тел'аран'риод. Возможно, кому-нибудь удастся что-нибудь найти в апартаментах той или иной Айя, а не следить только лишь за кабинетом Элайды.

Суан едва сумела скрыть недовольную мину. Она сама намеревалась порыскать в Тел'аран'риоде. Когда бы Суан ни отправлялась в Башню в Мире снов, всякий раз она представляла там разными женщинами в различных платьях и всякий раз, сворачивая за угол, меняла обличье, но впредь ей нужно быть еще осторожней, чем прежде.

– Думаю, вполне понятно, почему Эгвейн отказывается от спасения. Это даже достойно похвалы – никто не желает, чтобы опять гибли сестры. Но затея очень рискованная, – продолжала Лилейн. – Никакого суда, и ее даже не высекли? Что за игру ведет Элайда? Неужели она думает, будто ей удастся заставить ее вновь стать принятой? Мне это кажется не очень-то вероятным. – Но сама Лилейн чуть кивнула, словно принимая во внимание такую возможность.

Разговор пошел в опасном направлении. Если сестры убе-

дят себя, что им известно, где может быть Эгвейн, возрастают шансы на то, что кто-то все же попытается ее вызволить, не важно, караулят ее Айз Седай или нет. Попытка освободить Эгвейн очень рискованна, а если ее предпринять в неправильном месте, то риск только возрастает. И что хуже всего, Лилейн кое-какие мелочи упускает из виду.

– Эгвейн назначила заседание Совета, – язвительно заметила Суан. – Ты пойдешь?

Ответом ей стало неодобрительное молчание, и щеки Суан вновь запылали. Да, кое-что у Айз Седай въелось в самую глубину души.

– Разумеется, пойду, – наконец сказала Лилейн. Прямое утверждение, однако была, была пауза. – Весь Совет пойдет. Эгвейн ал’Вир – Престол Амерлин, и у нас достаточно тер’ангриалов для путешествия по снам. Вероятно, Эгвейн объяснит, какой ей ведом способ, чтобы выдержать и не сломаться, если Элайда прикажет ею заняться. Мне бы очень хотелось услышать это.

– Тогда что ты имела в виду, когда просила меня быть тебе верной?

Вместо ответа Лилейн вновь неторопливо зашагала дальше. В лунном свете было видно, как тщательно она оправляет шаль. Бурин следовал за нею, как настороженный лев, едва заметный в ночных тенях. Суан поспешила нагнать их, таща Ночную Лилию за собой, пресекая попытки глупой кобылы опять ткнуться ей в ладонь носом.

– Эгвейн ал’Вир – законная Престол Амерлин, – наконец промолвила Лилейн. – Пока она жива. Или пока не усмирена. Если случится либо то, либо другое, мы снова вернемся к тому, что уже было: Романда будет добиваться посоха и палантина, а я – пытаться опередить ее. – Она фыркнула. – Стань она Амерлин, это будет катастрофа, ничем не лучше правления Элайды. К несчастью, у Романды тоже хватает сторонниц, чтобы соперничать со мной. Мы вновь окажемся на прежних позициях, за одним исключением: если Эгвейн умрет или будет усмирена, ты и твои друзья будете столь же верны мне, как преданы Эгвейн. И ты поможешь получить Престол Амерлин мне, вопреки поползновениям Романды.

Суан почувствовала себя так, словно у нее все внутренности превращаются в лед. За первым предательством из Голубой Айя не стоял никто, но теперь у одной Голубой сестры появилась причина предать Эгвейн.

Глава 2

Прикосновение Темного

Беонин проснулась на рассвете – это стало ее привычкой. Отблески восхода проникали в палатку сквозь застегнутый клапан входа. Если привычка хорошая, то она всегда во благо. За годы она воспитала в себе целый ряд таких привычек. Воздух в палатке еще хранил остатки ночного холода, но женщина не стала разжигать жаровню. Она не собиралась задерживаться тут надолго. Создав небольшое плетение, она засветила медную лампу, потом подогрела воду в кувшине, покрытом белой глазурью, и умылась над шатким умывальником с забрызганным засохшей мыльной пеной зеркалом. Практически все, что было в маленькой круглой палатке, казалось неустойчивым, начиная от маленького столика и заканчивая узкой походной кроватью. Единственным надежным предметом выглядел стул с низкой спинкой, настолько топорно сработанный, словно его кто-то позаимствовал из кухни какой-нибудь бедной фермы. Но Беонин привыкла к таким условиям. Не все суды, на которые ее приглашали, проходили во дворцах. Даже самая захудалая деревенька заслуживает справедливости. Она ночевала в сараях и амбарах, даже в лачугах и шалашах, чтобы претворить это высказывание в жизнь.

Не торопясь, Айз Седай надела платье для верховой езды, ладно скроенное из гладкого жемчужно-серого шелка, – лучшее из тех, что у нее были с собой. На ноги она натянула узкие сапоги, доходившие до колен. После этого Беонин принялась расчесывать свои темно-золотистые волосы щеткой, когда-то принадлежавшей ее матери. Тыльная сторона щетки была искусно отделана драгоценной поделочной костью. Отражение в зеркале было немножко искажено. Почему-то сегодня утром Беонин это раздражало.

У входа в палатку зашуршало, и мужской голос весело, с мурандийским акцентом сообщил:

– Завтрак, Айз Седай, если вам угодно!

Женщина опустила щетку и обратилась к Истинному Источнику.

Беонин так и не удосужилась обзавестись служанкой, и теперь ей постоянно казалось, что еду приносит каждый раз кто-то новый. Но полного сидящего мужчину, с чьего лица не сходила улыбка, она помнила. Повинуясь приказу, он вошел в палатку, неся поднос, накрытый белой салфеткой.

– Пожалуйста, Эхвин, поставь его на стол, – сказала она, отпуская саидар.

В ответ мужчина заулыбался еще шире и поклонился, умудрившись не накренить поднос, а потом отвесил поклон еще раз, уже уходя. Слишком многие сестры забывают о столь незначительных знаках внимания тем, кто стоит ниже их по рангу. А именно эти мелочи и смягчают жесткую ре-

альность повседневной жизни.

Взглянув на поднос без особого энтузиазма, Беонин снова принялась причесываться. Этот ритуал она совершала дважды в день и находила его крайне умиротворяющим. Однако этим утром она почему-то не получала удовольствия от того, как щетка скользит по волосам, но мужественно заставила себя совершить ею сотню движений, прежде чем положить щетку на умывальник рядом с гребнем и зеркальцем работы того же мастера. Раньше Беонин могла холмы обучать терпению, но после Салидара это становилось труднее и труднее. А после Муранди стало и вовсе практически невозможным. Поэтому она приучила себя к этому с тем же упрямством, с каким отправилась учиться в Белую Башню вопреки строгим материнским заветам, как приучила себя смиряться с принятыми в Башне порядками, с ее строгостью в обучении. Она была девочкой настойчивой и упорной, и ей всегда хотелось большего. А Башня научила ее, что достичь большего можно, только умея держать себя в руках. И умение владеть собой было предметом гордости Беонин.

Каково бы ни было самообладание Беонин, но размышления над завтраком из тушеного чернослива и хлеба дались ей не менее тяжело, чем ритуал с щеткой для волос. Когда сливы сушили, они были отнюдь не первой свежести; а после этого их еще и разварили до кашеобразного состояния. К тому же Айз Седай была уверена, что упустила пару черных пятнышек, красовавшихся на свежеиспеченном хлебе.

Она постаралась убедить себя, что на зубах хрустели ржаные или ячменные семечки. Конечно, есть хлеб с долгоносиками ей приходится не в первый раз, но вряд ли подобную трапезу можно назвать приятной. У чая тоже оказалось какое-то странное послевкусие, словно он уже начал киснуть.

Наконец, бросив льняную салфетку на резной деревянный поднос, Беонин вздохнула едва ли не с облегчением. Как скоро в лагере не останется ничего съедобного? Не так же ли обстоят дела и в Тар Валоне? По всей вероятности, положение там ничуть не лучше. Темный явно дотянулся до мира и воздействует на него своим прикосновением. Мысль безрадостная, как голое поле, усеянное острыми осколками камней. Но час победы настанет. Она отказывалась думать иначе, отвергая все иные возможности. Юному ал'Тору предстоит многое, очень многое, но он справится – он должен справиться! – так или иначе. Так или иначе. Однако Дракон Возрожденный был для нее недосыгаем; все, что ей оставалось, – это следить за развитием событий. Беонин никогда не любила сидеть в сторонке и наблюдать.

Все эти горькие раздумья бесполезны. Пора двигаться дальше. Она так резко вскочила, что опрокинулся стул, но Айз Седай так и оставила его лежать на парусиновом полу.

Высунув голову из палатки, она обнаружила Тервайла, устроившегося на табурете у входа. Откинув назад темный плащ, он опирался на меч в ножнах, поставленный между носками сапог. Всходило солнце, из-за горизонта уже появи-

лись две трети сияющего золотого шара, однако в другой стороне, над Драконовой горой, теснились свинцовые облака, предвещавшие в близком будущем снегопад. Или дождь. После прошедшей ночи лучи солнца даже грели. В любом случае, если немножко повезет, скоро она окажется в весьма уютном месте.

При виде Беонин Тервайл едва заметно кивнул, не прекращая того, что на первый взгляд можно было назвать ленивым созерцанием всего, что происходило вокруг. В этот момент никого, кроме крестьян, в поле зрения не было. Простолудины в грубых шерстяных рубахах тащили на спине корзины. Столь же непритязательно одетые мужчины и женщины правили телегами, груженными вязанками дров, мешками с углем и бочками с водой; большие колеса громыхали на выбоинах. Кому-то это созерцание и могло показаться праздным, но только не той, что связана узами с этим Стражем. Ее Тервайл сейчас был острием стрелы, наложенной на тетиву. Он тщательно изучал мужчин, и его пристальный взгляд задерживался на тех, кто не был знаком ему лично. Две сестры и Страж были убиты мужчиной, способным направлять Силу, – существование двух таких убийц представлялось просто немыслимым, – и поэтому все теперь с подозрением смотрели на любого незнакомца. По крайней мере, те, кто знал об этих убийствах. О таких новостях не кричат на каждом углу.

То, как ее Страж собирался вычислить убийцу, оставалось

за пределами понимания Айз Седай, – разве что тот будет разгуливать по лагерю с табличкой наперевес, – но она не станет корить Тервайла за его попытки исполнить свой долг, как и недооценивать их. Сухощавый, с крупным носом, его скулу пересекал толстый шрам, полученный им уже в бытность Стражем, – Беонин нашла его еще совсем мальчишкой, быстрым и гибким, словно кошка. Но уже тогда Тервайл был лучшим фехтовальщиком в ее родном Тарабоне, и за все эти долгие годы он ни разу не заставил ее в этом усомниться. Он раз двадцать спасал ей жизнь. Помимо возможного нападения разбойников и бандитов, слишком невежественных, чтобы узнать Айз Седай, исполнение закона таило в себе множество опасностей, когда та или иная сторона решается на отчаянные меры, только бы им не был вынесен приговор, и зачастую Тервайл распознавал опасность раньше, чем это делала сама Беонин.

– Оседлай мне Зимнего Зяблика и приведи своего коня тоже, – приказала она Стражу. – Нам предстоит небольшая прогулка верхом.

Тервайл слегка выгнул бровь, искоса посмотрев на Беонин, потом прикрепил ножны к поясу с правой стороны, и очень быстро зашагал по деревянному настилу в сторону коновязей. Он никогда не задавал лишних вопросов. Быть может, она выглядела более взволнованной, чем полагала.

Вернувшись в палатку, Айз Седай тщательно завернула зеркальце в шелковый шарф, затканый черно-белым узо-

ром под названием «тайренский лабиринт», и засунула сверток в один из двух вместительных карманов, пришитых к подкладке ее добротного серого плаща; туда же она отправила щетку и гребень. Аккуратно сложенная шаль и небольшая шкатулка черного дерева с искусной резьбой были помещены в другой карман. В шкатулке лежало несколько драгоценных украшений, часть их Беонин унаследовала от матери, а часть – от бабки по материнской линии. Сама она редко носила украшения, не считая, конечно, кольца Великого Змея, но всегда брала с собой в путешествия эту шкатулку, зеркало и гребень – в память о женщинах, которых она ценила и любила и которые многому ее научили. Бабушка, известный адвокат в Танчико, внушила внучке любовь к хитросплетениям закона, в то время как мать беспрестанно доказывала дочери, что всегда есть способ сделать себя лучше. Адвокаты редко становились богатыми, но, вопреки этому, Колларис устроилась весьма неплохо, а ее дочь Аэлдрин, несмотря на неодобрение матери, занялась торговлей и заработала недурственное состояние на продаже краски. Да, всегда есть возможность сделать себя лучше, главное – поймать нужный момент, что она и сделала, когда Элайда а'Ройхан низложила Суан Санчей. Обстоятельства пошли совсем не так, как предполагалось. Обстоятельства вообще редко складываются нужным образом. Поэтому мудрая женщина всегда планирует обходные пути.

Раздумывая, Беонин ждала в палатке возвращения Тер-

вайла – он же не может привести двух лошадей в считанные минуты, – но сейчас, когда время имело значение, терпение уже подходило к концу. Накинув на плечи плащ, Айз Седай решительно потушила лампу и вышла из шатра, однако, оказавшись снаружи, она все же заставила себя стоять на месте, а не мерить шагами грубые доски импровизированного «тротуара». Начни Беонин расхаживать туда-сюда, это привлечет внимание, а кто-нибудь из сестер сочтет, что она боится оставаться одна. По правде говоря, ей действительно было страшно. Совсем немножко. Если тебя могут убить, причем подкрасться так, что ты ничего не заподозришь и не заметишь, то, согласитесь, есть причины волноваться. И все же компания ей сейчас ни к чему. Беонин надвинула капюшон, давая понять, что у нее нет желания с кем бы то ни было общаться, и поплотнее закуталась в плащ.

Тощий серый кот с рваным ухом принялся тереться ей о щиколотки. Коты жили по всему лагерю; они появлялись везде, где собирались Айз Седай, и к этим животным относились как к домашним, какими бы дикими они ни были раньше. После нескольких минут тщетных попыток вынудить объект почесать его за ухом, кот, вышагивая гордо, словно король, удалился прочь в поисках того, кто обратит на него внимание. Кандидатов у него было превеликое множество.

Лишь пару мгновений назад вокруг сновали только рабочие и возникшие, но теперь лагерь ожил. Группки одетых в бе-

лое послушниц – так называемые «семьи» – спешили по тротуарам на занятия, которые проводились в достаточно больших палатках, способных вместить всех учениц, а то и вообще на открытом воздухе. Те, что торопливо проходили мимо Беонин, прекращали свою девчачью болтовню, чтобы необычайно почтительно поприветствовать ее. Айз Седай никак не могла перестать удивляться. А порой даже злиться. Немалая часть этих «девочек» уже отметила тридцатилетие – у некоторых в волосах блеснула седина, а немногие были уже бабушками! – все они подчинялись ежедневной рутине, как любая девчонка, пришедшая в Белую Башню. И их так много. По лагерным «улицам» тек словно бы бесконечный поток. Скольких потеряла Белая Башня, уделяя внимание лишь девочкам, которым искра дарована с рождения, и тем, кто, сам того не осознавая, почти уже научился кое-как направлять Силу, оставляя остальным самостоятельно искать дорогу в Тар Валон? Сколько оказалось потеряно из-за правила, что на обучение нельзя принимать девушек старше восемнадцати лет, поскольку они не смогут подчиняться требованиям строгой дисциплины? Сама Беонин никогда не искала перемен – закон и обычай правят жизнью Айз Седай, это основа стабильности, – и некоторые перемены, такие как, например, эти «семьи» послушниц, слишком радикальны, на ее взгляд. Но все же скольких потеряла Башня?

Сестры скользили по дощатым дорожкам, иногда по две, а иногда по три, – их Стражи неотступно шли следом. Поток

послушниц разбивался о них брызгами почтительных поклонов и приветствий. Сестры делали вид, что не замечают обращенные на них удивленные взгляды. Лишь вокруг немногих Айз Седай не сиял ореол Силы. Беонин чуть не прищелкнула языком от возмущения. Послушницы знали о смерти Анайи и Кайрен – никому и в голову не пришло скрывать от них погребальные костры, – но поведать им о том, каким же образом погибли сестры, значит испугать бедняжек до смерти. Но даже совсем новенькие, те, кого внесли в книгу послушниц в Муранди, носили белые платья достаточно долго, чтобы понимать, что едва ли можно счесть нормальным тот факт, что сестры перемещаются по лагерю в сиянии саидар. И рано или поздно это обстоятельство их напугает. А смысла в этом никакого нет. Вряд ли убийца станет нападать при всех, на виду у десятков сестер.

Беонин заметила пять сестер – они медленно ехали верхом в восточном направлении. Ни одна из них не обнимала саидар. Каждую сопровождала небольшая свита: это были секретарь, служанка, а еще слуга – на случай, если придется таскать тяжести, – и несколько Стражей. Капюшоны скрывали лица всех всадниц, но Беонин без труда различала, кто есть кто. Варилин – из Серой Айя, как и она сама, – по росту не уступит мужчине, а Такима, Коричневая, весьма миниатюрна. Плащ Саройи переливался сверкающей белоснежной вышивкой – она наверняка использует саидар, чтобы поддерживать столь блистательную белизну; два Стража, сопро-

вождающие Фэйзелле, так же ясно выдавали в ней Зеленую сестру, как и ярко-изумрудная накидка. Получалось, что последняя, закутанная в темно-серое, – Магла из Желтой Айя. Что же они обнаружат, когда доберутся до Дарейна? Само собой, не переговорщиков из Башни, не сейчас по крайней мере. Возможно, они сочли, что должны идти до конца. Люди часто продолжают двигаться вперед, даже когда цель уже потеряна. Но с Айз Седай такое обычно долго не продолжается.

– Даже не кажется, что они вместе, а, Беонин? Можно подумать, что они просто едут в одном направлении.

По-видимому, капюшон не оградил ее от навязчивых собеседников. К счастью, она давно научилась сдерживать разочарованные вздохи и все прочее, что могло выдать, – то, что ей самой хотелось скрыть. Рядом с ней остановились две сестры – обе стройные, темноволосые и кареглазые. На этом их сходство заканчивалось. Узкое, с острым носом, лицо Ашманайллы редко выражало какие-либо эмоции. Ее шелковое платье, с серебристого цвета вставками, казалось, только что вышло из-под утюга служанки, а подбитые мехом плащ и широкий капюшон по краям украшало серебряное шитье в виде завитков. Шерстяное же темное платье Фаэдрин было кое-где помято, не говоря уже о пятнах, красовавшихся на подоле; простой шерстяной плащ требовал штопки. И она гораздо чаще хмурилась. Если бы не это, ее можно было бы назвать хорошенькой. Странная парочка – вечно

взьерошенная Коричневая и Серая, которая уделяет платью столько же внимания, сколько всему остальному.

Беонин посмотрела вслед уезжающим восседающим. Действительно, казалось, что они просто едут в одном направлении, а не единой группой. Сегодня с самого утра она не в себе и, наверное, поэтому не заметила этого сама.

– А может быть, – Беонин повернулась к неожиданным собеседницам, – они обдумывают события прошлой ночи? Правда, Ашманайлла?

В любом случае вежливость должна быть соблюдена.

– В конце концов, Амерлин жива, – ответила Серая, – и, судя по тому, что я слышала, она останется живой и... здоровой. Она и Лиане.

Даже после того, как Найнив Исцелила Суан и Лиане, никто не мог говорить об усмирении без внутреннего трепета.

– Быть живой, но пленницей все же лучше, чем лишиться головы, так мне кажется. Но не намного лучше. – Когда Морврин разбудила ее, чтобы рассказать новости, Беонин сложно было разделить взволнованность Коричневой. А судя по ее виду, Морврин явно испытывала эмоциональное возбуждение – она даже улыбалась уголком рта. Впрочем, менять свои планы Беонин даже и не подумала. Правде надо смотреть в лицо. Эгвейн в плену, с этим ничего не поделаешь. – Ты не согласна, Фаэдрин?

– Конечно, – коротко буркнула Коричневая. Буркнула! Но в этом вся Фаэдрин, она вечно так погружается в то, что за-

нимает ее в данный момент, что забывает, как себя вести. Но она была согласна. – Но мы искали тебя не поэтому. Ашманайлла утверждает, что ты хорошо разбираешься в убийствах.

Внезапный порыв ветра попытался сдуть с сестер капюшоны, но Ашманайлла и Беонин придержали их рукой. Фаэдрин позволила ткани упасть на плечи и вперила взор в Беонин.

– Может, у тебя, Беонин, есть какие-то соображения по поводу наших убийств, – вкрадчиво подхватила Ашманайлла. – Поделишься с нами? Мы с Фаэдрин уже столько голову ломаем, но ничего не придумали. У меня лично больше опыта в гражданских делах. Я знаю, что тебе доводилось докапываться до причин не одной неестественной смерти.

Конечно же, она уже размышляла над убийствами. Разве найдется в лагере сестра, что не делала то же самое? Как Беонин ни пыталась, ей не удалось заставить себя не думать об этом. Искать убийцу гораздо интереснее, чем разрешать какой-нибудь спор о границах. И что самое гнусное в преступлениях – то, что украденное невозможно возместить, все те годы, что не будут прожиты, все те дела, что можно было в эти годы сделать, не будут сделаны никогда. Кроме того, убиты Айз Седай, а значит, это безусловно касается каждой сестры в лагере. Беонин подождала, пока очередная группка одетых в белое женщин – две из них оказались уже седыми – закончит свои приветствия и поспешит прочь. Количество

послушниц на улицах стало наконец уменьшаться. Коты, похоже, следовали за ними по пятам. Послушницы щедрее на ласки, чем большинство сестер.

– Мужчина, нападающий с ножом из жадности, – произнесла она, когда послушницы отошли подальше, – женщина, из ревности прибегающая к яду, – это одно дело. В нашем же случае все иначе. Есть два убийства, совершенные одним и тем же мужчиной, но с разницей в неделю. Значит, преступник терпелив и планирует свои действия. Мотив пока неясен, но все же сложно представить, что он выбирает жертв случайно. Зная лишь то, что он способен направлять Силу, необходимо для начала выяснить, что же связывает жертв между собой. В данном случае Анайя и Кайрен принадлежали к Голубой Айя. Таким образом, возникает вопрос: что же связывает женщин из Голубой Айя с мужчиной, умеющим направлять? И тут же всплывает ответ: Морейн Дамодред и Ранд ал’Тор. И Кайрен, она даже общалась с ним, правда ведь?

Фаэдрин сдвинула брови, можно сказать, даже нахмурилась:

– Но ты же не предполагаешь, кто убийца.

На самом деле она продумала эту цепочку и дальше.

– Нет, – холодно ответила Беонин. – Я просто говорю, что вам следует рассмотреть эту связку. А она ведет к Аша’манам. Мужчинам, способным направлять Силу, мужчинам, которым известно, как совершать Перемещение. Мужчинам,

у которых есть причины бояться Айз Седай, причем некоторых конкретных Айз Седай в большей степени. Такая связь не является доказательством, – неохотно признала она, – но это наводит на размышления, верно?

– Зачем какому-то Аша’ману появляться здесь дважды и каждый раз убивать по сестре? Такое ощущение, что ему нужны были только те две, и никто больше. – Ашманайлла покачала головой. – Как он мог узнать, когда Анайя и Кайрен окажутся одни? Не рыскает же он тут, переодетый фермером или работником. Судя по тому, что я о них слышала, эти Аша’маны слишком заносчивы для такого. Мне вообще кажется, что у нас тут и в самом деле есть работник, способный направлять Силу и затаивший на кого-то обиду.

Беонин недовольно фыркнула. Она почувствовала, что Тервайл возвращается. Он, наверное, бежал, раз управился так быстро.

– Ну а почему тогда он так долго ждал? Последних работников мы наняли в Муранди, и случилось это месяц назад.

Ашманайлла открыла было рот, но Фаэдрин опередила ее, словно воробей, хватаящий крошку:

– Может, он только-только научился направлять. Мужчины-дичок, так выходит. Я слышала разговоры работников. Аша’манов бояться, но в равной степени восхищаются ими. Я даже слышала, как некоторые говорили, что, если бы у них хватило смелости, они бы сами отправились в Черную Башню.

Удивленно изогнув левую бровь, Серая сестра укоризненно воззрилась на говорившую. Несмотря на то что они были подругами, ей все же не понравилось то, как Фээдрин перебила ее. Но она произнесла лишь:

– И Аша’ман сможет найти его, я уверена.

Беонин чувствовала, что Тервайл ждет ее чуть поодаль, в нескольких шагах позади. Узы Стража донесли до нее уверенный поток неколебимого, словно горы, спокойствия. Как же ей хотелось иметь возможность заимствовать это спокойствие, так же как и физическую силу.

– Но крайне маловероятно, что подобное случится. Уверена, с этим вы согласны, – коротко бросила она.

Романда и другие, быть может, и встали в поддержку этого бессмысленного «союза» с Черной Башней, но теперь передрались, словно пьяные возчики, из-за того, как претворить его в жизнь: как сформулировать соглашение, как преподнести его остальным. Они постоянно рвут все на мелкие кусочки, потом снова собирают и опять раздирают в клочья. Этот план, благодарение Свету, обречен.

– Мне пора, – сказала она двум сестрам, принимая поводья Зимнего Зяблика из рук Тервайла.

Шкура высокого гнедого мерина, принадлежавшего Стражу, лоснилась; он отличался мощью и быстротой, как и положено хорошо обученному боевому коню. Ее же бурая кобылка, напротив, была приземистой, поскольку ее хозяйка предпочитала выносливость скорости. Зимний Зяблик мог-

ла бодро продолжать путь, когда другие лошади, повыше и помощнее с виду, уже выдыхались. Уже вдев ногу в стремя и положив руки на переднюю и заднюю луки седла, Беонин обернулась:

– Погибли две сестры, Ашмайналла, причем обе – из Голубой Айя. Разыщите тех сестер, которые хорошо их знали, выясните, что еще было у погибших общего. Если вы хотите разыскать убийцу – ищите связи.

– Но я очень сомневаюсь, что они приведут к Аша'манам, Беонин.

– Важно найти убийцу.

Она вскочила в седло и, развернув Зимнего Зяблика, покакала прочь, так что собеседницы ничего не успели ответить. Да, резкое завершение разговора и не очень вежливое, но ей больше нечего им посоветовать, тем более что время поджидает.

Солнце полностью вошло из-за горизонта и поднималось к зениту. После столь долгого ожидания времени уже действительно не хватало.

Поездка к площадке Перемещений оказалась недолгой, но у высокой парусиновой стены вереницей выстроилось около десятка Айз Седай. Некоторые женщины держали под уздцы коней, еще несколько ждали своей очереди без плащей или накидок – они, судя по всему, предполагали в результате оказаться в помещении, а парочка даже куталась в шали, которые по каким-то причинам была вынуждены надеть. Поло-

вину присутствующих сестер сопровождали Стражи, часть из которых была облачена в меняющие цвет плащи. Но всех Айз Седай объединяло одно: каждую окружал сияющий ореол Силы. Тервайл не выказал удивления, более того – узы доносили ощущение нерушимого спокойствия. Он доверял ей. За парусиновыми стенами сверкнула серебряная вспышка, и спустя некоторое время, за которое можно было медленно сосчитать до тридцати, две Зеленые сестры – в одиночку создать переходные врата они были не в состоянии – ступили внутрь в сопровождении четырех Стражей, ведущих коней под уздцы. Уединение при Перемещении уже давно превратилось в обычай. Разве что тебе лично разрешат наблюдать за созданием врат, а так попытка выяснить конечный пункт назначения считалась равносильной прямым бестактным расспросам. Беонин терпеливо ждала, сидя верхом на Зимнем Зяблике, Тервайл же возвышался над ней, расположившись в седле своего Молота. Видимо, на сей раз сестры поняли, что значит ее поднятый капюшон, и не приставали с разговорами. Или у них имелись свои причины хранить молчание. В любом случае ей не пришлось вежливо поддерживать беседу. Как раз сейчас это оказалось бы просто невыносимым.

Очередь двигалась быстро, и уже скоро им с Тервайлом пришлось спешиться – перед ними остались всего три сестры. Страж, пропуская Беонин вперед, придержал тяжелый парусиновый клапан входа. Ткань, натянутая между шеста-

ми, огораживала пространство примерным размером двадцать на двадцать шагов, в центре которого земля уже превратилась в замерзшую грязную кашу со следами сапог и копыт, перечеркнутую посередине прямой, словно лезвие бритвы, линией. Все чертили ее посередине. Земля чуть-чуть поблескивала – видимо, начала подтаивать, чтобы вскоре снова превратиться в грязное месиво, а потом опять замерзнуть. Весна тут наступает позже, чем в Тарабоне, но вот-вот доберется и сюда.

Как только Тервайл опустил входной клапан, Беонин обняла саидар и легко, словно лаская, коснулась Духа. Это плетение восхищало ее. Эгвейн ал'Вир удалось снова открыть то, что все давно почитали утраченным, и это воистину одно из самых великих ее открытий. Каждый раз, когда Беонин начинала это плетение, ее посещало ощущение чуда, знакомое ей по тем годам, когда она была послушницей и даже принятой, и забытое ею с тех пор, как она получила шаль. Нечто новое и чудесное. Серебристая вертикальная линия возникла перед ней, как раз над чертой на земле, и вдруг превратилась в щель, которая продолжала расширяться. Перед глазами словно разворачивали скатанную в рулон картину, и вот уже перед Беонин появился квадратный портал, висящий в воздухе, имевший более двух шагов в ширину и два в высоту. В проеме виднелись одетые снегом раскидистые дубы. Легкий порыв ветра вырвался оттуда, пошевелив складки плаща Айз Седай. Ей всегда нравилось гулять в этой

роще или сидеть на нижних ветвях одного из дубов и часами читать книгу. Правда, ей никогда не приходилось так делать среди снежных сугробов.

Тервайл не узнал это место и, обнажив меч, устремился через ворота, ведя за собой Молота. Копыта боевого коня разбрасали комья снега по ту сторону. Беонин медленно последовала за Стражем и очень неохотно позволила плетению рассеяться. Оно поистине изумительно.

Тервайл же взирал на то, что возвышалось над верхушками деревьев, – огромная толстая белая колонна, тянущаясь ввысь на фоне неба. Белая Башня. Его лицо оставалось невозмутимым, через узы, казалось, тоже ощущалось лишь спокойствие.

– По-моему, Беонин, ты задумала что-то опасное. – Клинок он в ножны не убрал, а лишь немного опустил.

Женщина положила ладонь Стражу на левое запястье. Этого должно быть достаточно, чтобы убедить его в обратном. Она никогда не стала бы удерживать руку, в которой он держит меч, если бы не была уверена, что никакой опасности нет.

– Это не опаснее, чем...

Слова застыли в воздухе – всего в тридцати шагах от себя Беонин заметила женскую фигуру. Та медленно шла к ним через дубовую рощу. Видимо, до этого она скрывалась за массивным стволом одного из деревьев. Айз Седай, облаченная в платье старого покроя. Ее белые прямые волосы, пе-

рехваченные серебряной сеточкой с вкраплениями жемчуга, ниспадали до талии. Этого не могло быть. Однако это волевое лицо, эти темные, чуть раскосые глаза, этот нос с горбинкой нельзя было не узнать. Все верно, но ведь Туранин Мердагон умерла, когда Беонин была еще только принятой. И тут, не успев сделать очередной шаг, женщина исчезла.

– Что такое? – Тервайл развернулся с мечом на изготовку, чтобы проследить взгляд Беонин. – Что тебя напугало?

– Темный, он касается мира, – тихо произнесла Айз Седай.

Это невозможно! Невозможно, но она никогда не страдала от странных видений или галлюцинаций, не позволяла воображению обманывать себя. Беонин точно знала: она видела то, что видела. И дрожит она вовсе не оттого, что стоит по щиколотку в снегу. Беонин мысленно вознесла молитву. «Да осияет меня Свет во все дни моей жизни, и да обрету я убежище в руке Создателя в благой надежде на спасение и перерождение».

Когда Беонин рассказала Тервайлу, что видела сестру, умершую более сорока лет назад, он не стал утверждать, будто все это ей привиделось, а лишь беззвучно прошептал молитву. И все же Беонин не ощутила в нем страха. Море страха в себе, ни капли в нем. Мертвец вряд ли испугает мужчину, для которого каждый день – последний. Он не выказал оптимизма, когда она поведала ему свой план. Вообще-то, часть плана. Айз Седай говорила, глядя в карманное зер-

кальце и очень аккуратно совершая плетение. Она не была столь искусна в создании Иллюзии, как ей хотелось бы. Когда плетение окутало ее, лицо в зеркале изменилось. Перемены были не особо разительными, но лицо уже не принадлежало Айз Седай, не принадлежало Беонин Маринайе. В зеркале отражалась женщина, лишь слегка походившая на нее, с куда более светлыми волосами.

– Почему ты хочешь подобраться к Элайде? – с подозрением поинтересовался Страж. Через узы она вдруг ощутила укол. – Ты собираешься оказаться поближе к ней, а потом прекратить действие Иллюзии, так ведь? Она нападет на тебя, и... Нет, Беонин. Если тебе так нужно, то давай это сделаю я. В Башне слишком много Стражей, она не знает их всех в лицо, и ей и в голову не придет, что Страж может на нее напасть. Я сумею вонзить ей в сердце кинжал до того, как она успеет что-либо понять.

Короткий клинок с быстротой молнии возник у него в правой руке.

– То, что нужно сделать, Тервайл, я должна сделать сама. Инвертировав Иллюзию и закрепив полученное плетение узлом, Беонин приготовила еще несколько плетений, на случай если дела пойдут совсем не так, как надо. Подвергнув инвертированию и эти, она принялась за другое, сложное плетение, которое наложила на себя. Оно скроет ее способность направлять Силу. Ее всегда интересовало, почему некоторые плетения, такие как Иллюзия, можно наложить на себя,

а некоторые, такие как Исцеление, нельзя применить к собственному телу. Когда, будучи принятой, она задала этот вопрос, Туранин произнесла глубоким, запоминающимся голосом следующее: «Это все равно что спрашивать, почему вода мокрая, а песок сухой, дитя мое. Подумай лучше о том, что возможно, а не о том, что лежит за гранью доступного». Хороший совет, только ей так и не удалось смириться со второй частью. Мертвые теперь ходят. «Да осияет меня Свет...» Она закрепила последнее плетение, сняла кольцо Великого Змея и засунула его в поясной кошель. Теперь она может стоять рядом с любой Айз Седай, и никто не сможет понять, что она является одной из них.

– Ты всегда доверял мне, верил, что я знаю, как лучше, – продолжила Беонин. – Ты доверишь мне и сейчас?

Его лицо не выразило никаких эмоций, словно лицо-маска Айз Седай, но через узы можно было ощутить всплеск удивления.

– Конечно же, Беонин.

– Тогда забери Зимнего Зяблика и отправляйся в город. Сними комнату и жди, пока я не приду за тобой. – Он открыл было рот, но она предупреждающе подняла руку. – Ступай, Тервайл.

Она смотрела, как он исчезает за деревьями, ведя за собой двух лошадей, а потом повернулась к Башне. Мертвые теперь ходят.

Но сейчас важно лишь то, что она доберется до Элайды.

Только это имеет значение.

От порывов ветра поскрипывали оконные переплеты. Огонь в белом мраморном камине прогрел воздух настолько, что влага, осевшая на стеклах, капельками сбегала по ним, точно дождевики. За письменным столом, отделанным позолотой, величественно положив руки на столешницу, сидела Элайда до Аврини а'Ройхан, Блюстительница печатей, Пламя Тар Валона, Престол Амерлин, и с учтивым выражением лица слушала речи мужчины, стоявшего напротив нее. Тот сутулился плечи и потрясал кулаком:

— ...держали дни и ночи связанным, с кляпом во рту, в помещении, которое больше напоминало посудный шкаф! Элайда, я требую, чтобы капитан корабля понес за это наказание. Более того, я требую извинений от вас и от Белой Башни! Да покинь меня удача, но даже Престол Амерлин не имеет права похищать королей! У Белой Башни нет таких прав! Я требую...

Он уже начал повторяться. Мужчина едва сделал паузу, чтобы набрать в легкие воздух. Элайде было очень сложно внимать этому словесному потоку. Ее взор рассеянно скользил по настенным гобеленам, задерживаясь на аккуратных букетах ярко-алых роз, расставленных в вазах на высоких постаментах по углам комнаты. Она устала от этой тирады, но продолжала сохранять внешнее спокойствие. Ей хотелось встать и отвесить ему затрещину. Вот это наглость! Беседо-

вать с Престолом Амерлин в подобном тоне! Но молчаливое терпение сейчас играет ей на руку. Она просто позволит ему выдохнуться.

Маттин Стефанеос ден Балгар был крепким мужчиной, в молодости его, наверное, можно было назвать красивым, но годы сделали свое дело. Его седая борода, оставлявшая верхнюю губу гладковыбритой, была аккуратно подстрижена, но бо́льшая часть черепа оставалась теперь без волос, нос явно ломали не единожды, а раздраженная гримаса делала его покрасневшее морщинистое лицо еще более морщинистым. Зеленое шелковое одеяние, рукава которого украшала вышивка в виде Золотых пчел Иллиана, вычистили и привели в порядок – минутная работа для сестры, – но, поскольку это было единственной одеждой короля за все путешествие, кое-где все же проступали едва заметные пятна. Корабль, на котором его привезли, плыл неспешно и прибыл накануне поздно вечером, но в кои-то веки чья-то подобная медлительность не особенно раздражала Элайду. Одному Свету ведомо, что за бардак устроила бы Алвиарин, если бы он прибыл вовремя. Эту женщину стоило отправить к палачу только за то, что она завела Белую Башню в ту трясину, из которой Элайде теперь приходится всех вытаскивать. Не говоря уже о наглой попытке шантажировать Престол Амерлин.

Маттин Стефанеос вдруг умолк и сделал шаг назад, ступая по узорному тарабонскому ковру. Элайда согнала с лица

мрачное выражение. Размышления об Алвиарин заставляли ее непроизвольно нахмурить брови.

– Ваши покои вас устраивают? – нарушила она тишину. – Слуги достаточно услужливы?

Собеседник моргнул от такой резкой смены темы.

– Покои меня устраивают и слуги тоже, – ответил он уже гораздо более обходительным тоном, памятуя, видимо, сердитый взгляд Элайды. – Но все же я...

– Вы должны быть благодарны Башне, Маттин Стефане-ос, и мне тоже. Ранд ал'Тор захватил Иллиан всего через пару дней после того, как вы покинули город. И Лавровый венец теперь тоже у него. Корона мечей, так он назвал его. Вы полагаете, он стал бы раздумывать, отрубить вам голову или нет? Я знала, что по доброй воле вы не захотите уехать. Тем не менее я спасла вам жизнь.

Все верно. Теперь он поверит, что все было сделано из лучших побуждений и ради его же блага.

Но этот глупец позволил себе хмыкнуть и скрестить руки на груди:

– Я не беззубая старая псина, мать. Защищая Иллиан, я не раз заглядывал в глаза смерти. Неужели вы думаете, я так боюсь умереть, что соглашусь быть вашим вечным «гостем»?

И все же он в первый раз с того момента, как переступил порог кабинета Амерлин, назвал ее положенным титулом.

Часы в позолоченном узорчатом корпусе, что стояли у стены, начали бить; задвигались маленькие фигурки, сделан-

ные из золота и серебра и украшенные эмалью. На самом верхнем из трех уровней, прямо над циферблатом, миниатюрные король и королева преклоняли колени перед Престолом Амерлин. В отличие от палантина, накинутого на плечи Элайды, его миниатюрный эквивалент все еще состоял из семи полос. Нет времени заняться этим и пригласить мастера-эмалировщика. Еще столько важных дел, которыми нужно заняться и которые не терпят отлагательств.

Поправив широкий палантин, скрывавший алый шелк ее платья, Элайда откинулась назад – так, чтобы Пламя Тар Валона, выложенное лунным камнем на высокой спинке золоченого кресла, находилось точно у нее над головой. Ей хотелось, чтобы каждый символ напоминал этому мужчине, кто она такая и что собой представляет. Если бы под рукой обнаружился посох с навершием в виде Пламени Тар Валона, она не преминула бы сунуть его прямо под кривой нос собеседника.

– Мертвые ничего не могут вернуть, сын мой. А теперь с моей помощью вы сумеете вернуть себе утраченные корону и страну.

Маттин Стефанеос чуть приоткрыл рот и втянул носом воздух, словно почувствовал запах дома, куда он уже не надеялся вернуться.

– И как же вы предполагаете все устроить, мать? Насколько я понимаю, Город удерживают эти... Аша'маны, – он словно бы выплюнул это проклятое имя, – и Айил, которые

следуют за Возрожденным Драконом.

Кто-то чересчур много с ним болтает. И слишком многое ему понарасказывали. Новости, которые сообщают Маттину, должны подвергаться тщательному отбору. Судя по всему, приставленного к нему слугу придется заменить. Но злость в голосе Маттина Стефанеоса сменилась надеждой, что определенно к лучшему.

– Возвращение короны потребует тщательного планирования и времени, – ответила ему Элайда, потому что на этот момент понятия не имела, каким образом им удастся этого добиться.

И все же она была твердо намерена найти способ. Похищение короля Иллиана было организовано только для того, чтобы продемонстрировать ее силу и власть, но возвращение ему утраченного трона докажет ее могущество куда нагляднее. Она вернет Белой Башне былую славу, славу тех времен, когда троны содрогались, если Престол Амерлин хмурилась.

– Полагаю, вы еще не полностью оправились от тягот путешествия, – сказала она, вставая. Будто бы он предпринял его по собственной воле. Элайда надеялась, что он окажется достаточно умным, чтобы понять намек. Ввиду того, что им предстоит, это сослужит им обоим лучшую службу, чем правда. – В полдень за обедом мы обсудим с вами, что можно сделать. Кариандре, сопроводи его величество в отведенные ему покои и пригласи портного. Нашему гостю нужна новая одежда. Это подарок лично от меня.

Дородная гэалданка из Красной Айя беззвучно, словно мышка, стоявшая до этого момента у дверей, ведущих в приемную, скользнула вперед и коснулась руки короля.

Маттин Стефанеос медлил, не желая уходить, но Элайда продолжила, будто он уже покидает ее кабинет:

– Передай Тарне, чтобы она зашла ко мне, Кариандре. Мне нужно еще многое успеть сегодня сделать.

Последнее она прибавила специально для него.

Наконец Маттин Стефанеос позволил себя увести. Элайда снова уселась, не став дожидаться, пока за ним закроется дверь. На столе в ряд стояло три лакированные шкатулки: в одной из них она хранила корреспонденцию – недавно полученные письма и донесения от Айя. Красные сообщали все, что удавалось узнать их глазам-и-ушам, – по крайней мере, ей так казалось, – но вот остальные Айя делились получаемыми ими сведениями по крупницам, хотя на прошлой неделе они все-таки удосужились доставить пару известий, правда не особо приятных. Неприятных потому, что речь в них шла о том, что контакты с мятежницами не ограничиваются встречами на этих смехотворных переговорах. Тем не менее Элайда взялась за лежавшую перед ней толстую папку из тисненой кожи с позолотой. Сама Башня производила такое количество отчетов, что если бы Амерлин решила прочесть их все сама, то стол просто оказался бы погребенным под горами бумаги. А Тар Валон порождал их раз в десять больше. Служащие канцелярии отсеивали бóльшую

часть, выбирая для нее самые важные. И все равно стопка получалась внушительной.

– Вы звали меня, мать? – холодно спросила Тарна, закрывая за собой дверь.

Это не было знаком неуважения – светловолосая женщина от природы обладала холодным нравом, ее голубые глаза искрились, словно льдинки. Элайда не имела ничего против. А вот раздражало ее то, что ярко-алый палантин хранительницы летописей, обвивавший шею Тарны, по ширине скорее напоминал ленту. Ее светло-серое платье было щедро отделано разрезами с красными вставками – это подтверждало то, что его обладательница гордится своей Айя, – так почему палантин должен быть таким узким? Но Элайда во многом доверяла этой женщине, а в последнее время подобное отношение можно было счесть роскошью.

– Есть ли новости из гавани, Тарна?

Уточнять из какой – нужды не было. Не предпринимая масштабных усилий, представлялось возможным привести в порядок лишь Южную гавань.

– Пройти могут только речные суда с неглубокой осадкой, – ответила Тарна, минуя ковер и подходя к письменному столу. Таким же тоном можно было рассуждать о том, будет сегодня дождь или нет. Беспокойство и волнение обходили эту женщину стороной. – Остальные маневрируют, пытаются подойти ближе к той части цепи, что превратилась в квейндияр, чтобы переправить груз баржами. Капитаны жалуются

– времени на это уходит гораздо больше, но какое-то время мы продержимся.

Элайда поджала губы и побарабанила пальцами по столешнице. Какое-то время. Нельзя заняться ремонтом гаваней до того, как мятежницы будут окончательно раздавлены. Благодарение Свету, штурма они пока не предпринимали. Сражаться начнут солдаты, но сестры неминуемо будут вовлечены в битву, а этого ей и хотелось избежать, так же как и мятежницам. Но во время восстановления портовых башен – а тут требуются весьма серьезные ремонтные работы – гавани окажутся открытыми и незащищенными, что может подтолкнуть противника к отчаянным действиям. О Свет! Нельзя допустить прямых боевых действий ни в коем случае. Она планировала распустить армию, оставив только гвардию Башни, как только бунтовщицы поймут, что им не на что больше надеяться, и вернутся в Башню. Элайда уже отчасти предвкушала, что Гарет Брин возглавит ее гвардию Башни. Это, несомненно, лучшая кандидатура на пост верховного капитана, чем Джимар Чубейн. И пусть тогда мир узнает, что такое Белая Башня! Она не хотела, чтобы ее солдаты убивали друг друга, так же как не желала, чтобы Белая Башня теряла мощь из-за того, что Айз Седай делают то же самое. Мятежницы у нее в руках, так же как и те, кто находится в стенах Башни, нужно только заставить их принять это.

Взяв из стопки отчетов верхний лист, Престол Амерлин пробежала его взглядом:

– Судя по всему, несмотря на мои срочные распоряжения, улицы так и не очистили. Почему?

В глазах Тарны мелькнуло смятение. Элайда впервые видела ее обеспокоенной.

– Люди напуганы, мать. Они не желают покидать дома без особой надобности и даже в случае необходимости делают это крайне неохотно. Они утверждают, что видели, как по улицам разгуливают мертвые.

– Это действительно так? – тихо поинтересовалась Элайда. Кровь застыла в жилах. – Есть сестры, которые видели то же самое?

– Из Красной Айя, насколько я знаю, нет. – Остальные будут беседовать с ней как с хранительницей летописей, однако не станут откровенничать и делиться секретами. Как же, Света ради, это исправить? – Но горожане заявляют об этом с полной уверенностью. Они видели то, что видели.

Элайда медленно отложила страницу в сторону. Очень хотелось поежиться. Вот как. Она прочитала все, что имело хоть малейшее отношение к Последней битве, даже те исследования и записи о Предсказаниях, которые были настолько древними, что никто не удосужился перевести их с древне-го наречия, – покрытые пылью, они хранились в самых дальних углах библиотеки. Юный ал’Тор был предвестником, но теперь, видимо, Тармон Гай’дон куда ближе, чем все могли предположить. Некоторые из тех древних Предсказаний, сделанных еще на заре существования Башни, гласили, что

появление мертвых – это знамение, первый знак того, что реальность истончается, что Темный набирает силу. Дальше будет только хуже.

– Пусть гвардейцы, если понадобится, силой вытащат всех способных работать из домов, – спокойно проговорила она. – Я хочу, чтобы улицы были расчищены. И начало этому должно быть положено уже сегодня. Сегодня!

Светлые брови собеседницы удивленно изогнулись – ледяное самообладание Тарны дало трещину! – но, конечно же, она ответила лишь:

– Как прикажете, мать.

Элайда внешне осталась спокойной, но только внешне – шарада не поддавалась разгадке. То, что должно случиться, – случится. А она все еще не добралась до мальчишки ал’Тора. Подумать только, ведь однажды он был совсем рядом – только руку протяни! Если бы она тогда знала. Проклятая Алвиарин и ее треклятое воззвание о том, что любой, кто попытается обратиться к нему, не имея на то соизволения Башни, будет предан анафеме. Элайда отменила бы это воззвание, но такой шаг стал бы свидетельством слабости, в любом случае ущерб уже нанесен и многое не так-то просто исправить. И все же скоро в ее распоряжении окажется Илэйн, а королевский дом Андора – ключ к победе в Тармон Гай’дон. Это она предсказала много лет назад. А вот читать новости о том, что по Тарабону пронеслась волна восстаний против шончан, было весьма радостно. Значит, вокруг не только заросли

терновника, который так и норовит уколоть ее побольнее.

Проглядывая следующий доклад, Элайда поморщилась. Сложно найти того, кому нравится канализация, но это одна из трех жизненно важных артерий города. Остальные две – торговля и водопровод. Без канализации Тар Валон станет добычей для дюжины болезней, щупальца заразы одолеют любые предпринятые сестрами усилия, не говоря уже о том, что вонять будет почище, чем сейчас на улицах, и так заваленных гниющим мусором. Торговля и без того сократилась, превратившись ныне в тоненький ручеек, однако вода поступает из водозаборов с той части острова, что расположена выше по течению реки, и подается в водонапорные башни, а потом распределяется по городским фонтанам, среди которых встречаются и простые, и изысканной отделки и которые доступны для всех. Но вот теперь, судя по всему, засорились канализационные стоки, устроенные на острове ниже по течению. Обмакнув перо в чернильницу, Амерлин начертала крупным почерком наверху листа: «Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ ВСЕ БЫЛО ОЧИЩЕНО К ЗАВТРАШНЕМУ ДНЮ» – и поставила внизу свою подпись. Если у клерков есть голова на плечах, то рабочие уже должны заниматься делом. Однако, как показывает опыт, клеркам часто недостает этого важного органа.

Следующий лист заставил изумленно поднять брови уже Элайду.

– Крысы в Башне?

Вот это уже серьезно! Это должно было лежать на самом верху!

– Тарна, отправь кого-нибудь проверить охранные плетения!

Эти плетения были созданы еще во времена основания Башни, но за три тысячелетия они могли потерять силу. Сколько из этих крыс – шпионы Темного?

В дверь постучали. Через мгновение в кабинет вошла пухленькая принятая по имени Анемара, которая тотчас раскинула свои полосатые юбки в глубоком реверансе:

– Если вам будет угодно, мать, Фелана Седай и Нигайн Седай привели к вам женщину, которую они обнаружили разгуливающей по Башне. Они говорят, что она хочет обратиться с прошением к Престолу Амерлин.

– Скажи, пусть она подождет. Налей ей чая, Анемара, – резко ответила Тарна. – Мать сейчас занята...

– Нет-нет, – перебила ее Элайда. – Пусть войдут, дитя мое. Пусть войдут.

Уже давно никто не обращался к ней с прошением. Она вознамерилась удовлетворить его во что бы то ни стало. Если это не чепуха какая-нибудь, конечно. Возможно, тогда поток просителей возобновится. И уже давно даже сестры не приходили к ней без приглашения. И быть может, две Коричневые тоже положат конец этому.

Но в кабинет вошла лишь одна женщина, которая аккуратно закрыла за собой дверь. Если судить по ее шелковому

платью для верховой езды и добротному плащу, то перед ними знатная дама или преуспевающая купчиха, о чем говорит также ее манера уверенно держаться. Элайда была убеждена, что никогда раньше не видела эту женщину, но что-то было знакомое в этих чертах, в этом лице, обрамленном белокурыми – даже светлее, чем у Тарны, – волосами.

Элайда встала и вышла из-за стола, протянув руки навстречу посетительнице. На лице Айз Седай светилась непривычная улыбка. Все это вместе должно было выглядеть очень гостеприимно.

– Насколько я знаю, дочь моя, у тебя есть ко мне прошение. Тарна, налей ей чая.

Серебряный чайник, стоявший на серебряном подносе на столике сбоку, еще не должен был остыть.

– Прощение, оно было только предлогом, которое я выдумала для них, чтобы пробраться к вам невинной, мать, – произнесла незнакомка с явственным тарабонским акцентом. Она присела в реверансе, а ее лицо вдруг стало лицом Беонин Маринайе.

Обняв саидар, Тарна сплела вокруг непрощенной гостью щит, но Элайда ограничилась тем, что уперла руки в боки:

– Сказать, что я удивлена тем, что ты, Беонин, осмелилась показать мне лицо, было бы преуменьшением.

– Мне удалось стать частью того, что вы могли бы назвать правящим советом в Салидаре, – спокойным тоном ответила Серая сестра. – Выяснив, что они просто заседают и ничего

не предпринимают, я распустила слух, что среди них много ваших тайных сторонников. Сестры стали посматривать друг на друга с подозрением. Я полагала, что многие уже готовы в скором времени вернуться в Башню, но тут появились новые восседающие, помимо тех, что из Голубой Айя. Потом я выяснила, что они избрали собственный Совет Башни, и с правящим советом было покончено. И все же я продолжала делать, что могла. Я знаю, вы приказывали мне оставаться с ними до тех пор, пока они все не будут готовы вернуться, но теперь это должно случиться в ближайшие дни. Если мне будет позволено высказать свое мнение, мать, то не отдавать Эгвейн под суд – замечательное решение. С одной стороны, у нее врожденный талант открывать новые плетения, в этом она сильнее и Илэйн Траканд, и Найнив ал'Мира. С другой стороны, до ее возвышения Лилейн и Романда боролись за право называться Амерлин. А раз Эгвейн жива, они могут продолжать свой спор, в котором, конечно же, никто не сможет победить, верно? А в остальном мне кажется, что и остальные сестры вскоре последуют моему примеру. Через неделю-две Лилейн и Романда окажутся одни, окруженные остатками так называемого Совета.

– А откуда ты знаешь, что девчонку ал'Вир еще не судили? – требовательно поинтересовалась Элайда. – И откуда тебе известно, что она вообще жива? Сними с нее щит, Тарна!

Тарна подчинилась, и Беонин кивком словно поблагода-

рила ее. Правда, очень сдержанным кивком. Огромные серо-голубые глаза придавали лицу Беонин немного наивное выражение, но это не мешало ей быть невозмутимой особой. Эта невозмутимость, самозабвенное служение закону и амбиции, которых у нее было немало, – все это сразу же натолкнуло Элайду на мысль отправить за покинувшими Башню сестрами именно ее. А эта женщина все провалила! Да, она посеяла среди мятежниц мелкие разногласия, но в действительности не сделала ровным счетом ничего из того, что ожидала от нее Элайда. Ничего! Что ж, придется ей пожинать плоды своего поражения.

– Ах да, Эгвейн, значит. Она обладает способностью входить в Тел'аран'риод, просто погрузившись в сон, мать. Я тоже там была и видела ее, но мне было не обойтись без тер'ангриала. Мне не удалось добыть ни одного из тех, что есть у мятежниц. В любом случае она в своем сне разговаривала с Суан Санчей, так это было заявлено. Но, как я полагаю, скорее всего, все происходило в Море снов. Судя по всему, Эгвейн заявила, что она в плену, но не сказала где и запретила предпринимать попытки ее вызволить. Можно я налью себе чая?

Элайда была так поражена, что не смогла ничего ответить. Она жестом указала Беонин на приставной столик. Серая сестра, еще раз склонившись в реверансе, направилась к нему, потом осторожно потрогала серебряный чайник тыльной стороной ладони. Девчонка может входить в Тел'а-

ран'риод? И есть тер'ангриалы, которые позволяют сделать то же самое? Мир снов уже стал почти легендой. И судя по тем клочкам информации, которыми Айя соизволили с ней поделиться, девчонка заново открыла плетение Перемещения и сделала еще несколько открытий. Это-то и стало самым веским аргументом в пользу решения сохранить девчонку для Башни. Но теперь еще и это?

– Если Эгвейн в состоянии так делать, мать, возможно, она действительно сновидица, – заметила Тарна. – То предупреждение, о котором она говорила Сильвиане...

– Оно бесполезно, Тарна. Шончан все еще в Алтаре, едва ли они затронули Иллиан. – По крайней мере, Айя с готовностью делились всеми сведениями, которые они узнавали о шончан. Или, вернее, Элайда надеялась, что они сообщают ей все. Из-за этих мыслей голос ее прозвучал хрипло. – Несмотря на то что они научились совершать Перемещения, по-твоему, мне все же стоит предпринять какие-то новые меры предосторожности?

Конечно же, она ничего не сможет сделать. Но девчонка запретила спасать ее. Это, само собой, хорошо, но только это значит, что она по-прежнему считает себя Амерлин. Что ж, Сильвиана вскоре выбьет эту дурь у нее из головы, если только в этом не преуспеют сестры, которые станут с ней заниматься.

– Может быть, ее стоит напоить отваром так, чтобы она не могла войти в Тел'аран'риод? – спросила Элайда.

Тарна слегка поморщилась – никому не нравилось то жуткое варево, даже Коричневым, которые опробовали его на себе, чтобы выяснить, как оно действует, – и покачала головой:

– Мы можем заставить ее проспать всю ночь, но на следующий день она будет не в состоянии что-либо делать. И потом, кто знает, подействует ли настой на эту ее способность.

– Налить вам чая, мать? – спросила Беонин, удерживая на кончиках пальцев тонкую белую чашку. – Тарна? Самое важное, что я хотела сообщить...

– Не желаю я никакого чая, – отрезала Элайда. – Ты выяснила еще хоть что-нибудь, чтобы спасти шкуру от последствий своего жалкого провала? Тебе известно, как создавать плетение для Перемещения, или того Скольжения, или...

Их было так много. Наверное, это все забытые или давно утраченные таланты и умения, но, видимо, большинство их так еще и оставалось неназванными.

Серая сестра безмятежно воззрилась на Амерлин поверх чашки.

– Да, – произнесла она наконец. – Я не умею создавать квейндияр, но я, как и большинство других сестер, знаю новые плетения Исцеления. Причем все. – В голосе Беонин слышались восторженные нотки. – Но самое чудесное из них все-таки Перемещение.

Не спрашивая разрешения, Серая сестра обняла Истинный Источник и сплела прядь Духа. Возле одной из стен

возникла вертикальная серебристая линия, которая расширилась, открывая удивленным взглядам засыпанные снегом дубы. В комнату ворвался порыв холодного воздуха, отчего языки пламени в камине заплясали.

– Это переходные врата. К счастью, я бывала в этих покоях прежде, ибо такие врата можно открывать только из тех мест, которые тебе хорошо известны. Если же нужно отправиться откуда-то, где вам все не так знакомо, то используется Скольжение.

Беонин изменила плетение, и портал схлопнулся в серебристую линию, а потом снова открылся. Дубы сменились чернотой, и в пустоте по ту сторону открывшегося проема висела выкрашенная в серый цвет барка, с поручнями вдоль бортов.

– Отпусти плетение, – приказала Элайда.

У нее появилось ощущение, что, если ступить на эту барку, чернота накроет ее со всех сторон. И она канет в этот мрак и останется там навсегда. От этой мысли Элайду замутило. Портал – переходные врата – исчез. Однако воспоминание осталось.

Снова усевшись за письменный стол, Элайда открыла самую большую из лакированных шкатулок – ту, что украшали алые розы и золотистые завитки. Оттуда она извлекла небольшую фигурку ласточки, вырезанную из сильно пожелтевшей от времени ценной поделочной кости. Хвост птички напоминал вилку с двумя зубцами. Элайда провела большим

пальцем по изогнутым крыльям.

– Ты не станешь никого учить этим плетениям без моего разрешения.

– Но... но почему же нет, мать?

– Некоторые Айя противостоят матери так же упорно, как и те сестры, что расположились лагерем по ту сторону реки, – ответила Тарна.

Элайда метнула на свою хранильницу летописей мрачный взгляд, но ледяные черты той даже не дрогнули.

– Я буду решать, кто... на кого можно положиться и... кого можно обучать, Беонин. Я хочу, чтобы ты пообещала мне. Нет, я даже хочу, чтобы ты дала клятву.

– По пути сюда я видела, что сестры из разных Айя откровенно косятся друг на друга. Косятся! Что случилось с Башней, мать?

– Поклянись, Беонин.

Женщина стояла, безмолвно глядя в чашку, так что Элайда уже стала думать, что она откажется. Но амбиции одержали верх. Беонин привязала себя к юбкам Элайды в надежде на выгодное положение, и теперь она не отступится.

– Перед Светом клянусь надеждой на спасение и перерождение, что я не стану никого обучать плетениям, узанным среди мятежниц, без разрешения Престола Амерлин. – Она замолчала и сделала глоток из чашки. – Некоторые сестры в Башне не так надежны, как вы думаете. Я пыталась воспрепятствовать этому, но «правлящий совет» все-таки отправил

десять сестер обратно в Башню, чтобы распространить слух о Красной Айя и Логайне.

Элайда узнала несколько имен из тех, что перечислила Серая сестра. Но последнее заставило ее резко выпрямиться.

– Арестовать их, мать? – спросила Тарна. Ее тон оставался таким же спокойным и холодным как лед.

– Нет. Пусть их возьмут под наблюдение. Следят, с кем они общаются.

Так, значит, все-таки существует канал связи между разными Айя в Башне и мятежницами. Насколько глубоко распространилась эта гниль? Как бы то ни было, она сумеет ее вычистить!

– При нынешней ситуации это сложно, мать.

Элайда резко ударила свободной ладонью по столу – раздался короткий сухой хлопок.

– Я не спрашиваю, сложно это или нет. Я сказала, что это нужно сделать! И передай Мейдани, что я приглашаю ее на ужин сегодня вечером.

Эта женщина постоянно пыталась восстановить дружбу, связывавшую их раньше и закончившуюся много лет назад. Теперь Элайда знала зачем.

– Ступай, сделай так, как я тебе сказала.

Когда Тарна присела в реверансе, по ее лицу пробежала тень.

– Не беспокойся, – заверила ее Элайда. – Беонин обучит тебя всем плетениям, которые ей известны.

В конце концов, Амерлин доверяла Тарне, а от этого обещания в глазах хранительницы летописей мелькнула радость, если даже не теплота.

Как только дверь за Тарной закрылась, Элайда отодвинула кожаную папку в сторону и оперлась локтями на стол, пристально глядя на Беонин:

– А теперь – покажи мне все.

Глава 3

В Садах

Аран'гар прибыла по зову Моридина – он призвал ее сюда, являясь ей в неистовых сновидениях, – но его самого здесь еще не было. Ничего удивительного: он любит эффектные появления. Одиннадцать резных позолоченных кресел с высокими спинками были кругом расставлены на полосатом деревянном полу. Но все оказались пустыми. Семираг, как обычно во всем черном, оглянулась, чтобы посмотреть, кто вошел, а затем вернулась к негромкому разговору с Демандредом и Месаной, которые расположились в углу комнаты. Орлиный профиль Демандреда светился яростью, в гневе он казался весьма привлекательным. Но не настолько, чтобы очаровать ее, конечно. Слишком уж он опасен. И все же отлично скроенный камзол из отливающего бронзой шелка, украшенный у ворота и на манжетах водопадами снежно-белых кружев, очень ему шел. На Месане тоже было платье этой эпохи, только более темного оттенка, узорно расшитое бронзовой нитью. Только она почему-то выглядела бледной и понурой, можно сказать больной. Что ж, все возможно. Эта эпоха переполнена всяческими омерзительными недугами, а Месана вряд ли настолько доверяет Семираг, чтобы обратиться к ней за Исцелением. Грендаль – последняя из на-

ходящихся в этом зале представительниц рода человеческого – стояла в другом углу, грея в ладонях тонкий хрустальный бокал, в котором плескалось темное вино. Она едва ли пригубила его, потому что все ее внимание было обращено на трио, увлеченное беседой. Только идиот мог этого не заметить, но троица как ни в чем не бывало продолжала увлеченно шептаться.

Кресла резко выделялись на фоне остального интерьера. Стены представляли собой экраны, но каменная арка входа разрушала иллюзию открытого пространства. Здесь, в Тел'аран'риоде, кресла могли быть какими угодно, так почему бы им не вписываться в общую картину? И почему их одиннадцать, когда их явно на два больше, чем нужно? Асмодиан и Саммаэль были мертвы, так же как и Бе'лал и Равин. Где привычная для этого помещения раздвижная дверь? Изображения на экранах создавали впечатление, что прямоугольник пола окружен Садами Ансалейна, в глубине которых виднелись творения Кормалинды Мазун – огромные скульптуры, представлявшие собой стилизованные изображения людей и животных. Эти скульптуры возвышались над низенькими строениями, рядом с которыми сами казались изящными статуэтками из хрупкого спин-стекла. В Садах подавали только тончайшее вино, только самые изысканные блюда. Прекрасную даму всегда можно было впечатлить крупным выигрышем на колесах *чинджи*, но сжульничать так, чтобы выигрывать постоянно, было крайне сложно. Сложно, но

необходимо, особенно ученому, который не располагает особыми богатствами. К третьему году войны все это превратилось в руины.

Златовласое, вечно улыбающееся *зомара*, в развевающейся белой блузе и обтягивающих бриджах, изящно поклонилось и предложило Аран'гар взять с серебряного подноса хрустальный бокал с вином. Прекрасные и грациозные андрогины – внешне их можно было счесть людьми, если бы не безжизненные черные глаза, – были не самым удачным творением Агинора. Но в ту эпоху, когда Моридин носил имя Ишамаэль – теперь у нее исчезли всякие сомнения по поводу его личности, – он доверял этим существам больше, чем людям, даже несмотря на то, что во многих других отношениях они оказывались бесполезными. Должно быть, где-то он нашел стасис-бокс, набитый этими существами. У него их множество, но он редко их показывает. Еще десять *зомара* ждали распоряжений. Даже стоя неподвижно, эти создания являли собой воплощение грации. Значит, их хозяин считает эту встречу более важной по сравнению с другими.

Взяв бокал, Аран'гар жестом отослала *зомара* прочь, хотя оно само уже повернулось к ней спиной. Она ненавидела способность этих существ читать мысли. Хорошо, что оно не может никому сообщить то, что узнало. Воспоминания о том, что не было приказом, стиралось из их сознания через несколько минут. Даже Агинору хватило ума додуматься о необходимости этого. Появится ли он сегодня? Осан'гар

пропустил все собрания с тех пор, как он потерпел крах в Шадар Логоте. Вопрос в том, находится ли он среди мертвых или действует тайно, вероятно, под руководством Великого повелителя? И в том, и в другом случае его отсутствие открывает восхитительные возможности, но одновременно таит в себе немалые опасности. А ведь именно опасность в последнее время не выходит у нее из головы.

Небрежной походкой она направилась к Грендаль:

– Как ты думаешь, Грендаль, кто прибыл сюда первым? Поглотил меня Тень, антуражик он учинил здесь угнетающий.

Ланфир, например, любила, чтобы собрания проходили в объятиях бесконечной ночи, но нынешнее окружение было по-своему еще хуже. Прямо как на кладбище.

Грендаль тонко улыбнулась уголком губ. Хотя понятие «тонкий» едва ли было применимо к этим губам. Роскошь – вот определение для всей Грендаль. Роскошь, зрелость и красота – все это не скрывала даже серая дымка ее платья из стрейта. Возможно, конечно, ей не стоило носить столько колец, а следовало бы ограничиться одним, усыпанным драгоценными камнями. Диадема, усеянная рубинами, тоже выглядела излишеством в ее золотистых, словно лучи солнца, волосах. Изумрудное ожерелье, которое досталось Аран’гар от Деланы, напротив, удивительно гармонировало с ее собственным платьем из зеленого шелкового атласа. Изумруды были настоящими, а все эти шелка, конечно же, являлись порождением Мира снов. Надень она подобный наряд в ре-

альном мире, то привлекла бы к себе слишком много внимания, разгуливая с таким низким декольте. Да еще юбку украшал слева высокий разрез, который открывал взорам стройное бедро Аран'гар. Ее ноги красивее, чем у Грендаль. Она даже подумывала о двух разрезах. Вероятно, ее возможности здесь все же поменьше, чем у некоторых, – например, она не в состоянии обнаружить сны Эгвейн, если девушка не окажется в непосредственной близости от нее, – но создать желаемый наряд в ее силах. Ей нравилось, когда ее телом восхищались, тем более что чем больше она выставляет себя напоказ, тем меньше ее воспринимают всерьез.

– Первой прибыла я, – ответила Грендаль, слегка нахмурившись, и посмотрела на вино в бокале. – Я люблю вспоминать о Садах.

– Как и я, как и я. – Аран'гар умудрилась заставить себя засмеяться. Эта женщина так же глупа, как и остальные; живет прошлым, перебирая обрывки того, что уже давно утрачено. – Мы никогда больше не увидим Сады, но зато увидим то прекрасное, что придет им на смену.

Аран'гар – единственная из них, кто способен править в нынешнюю эпоху. Лишь она одна разбирается в примитивных культурах. До войны они были основной ее специализацией. И все же у Грендаль имеются полезные умения и у нее гораздо больший круг знакомств среди приверженцев Тьмы, чем у самой Аран'гар. Впрочем, она наверняка не одобрит то, каким образом Аран'гар собирается все это использовать.

Если узнает, конечно же.

– Тебе не приходило в голову, – спросила Аран’гар, – что остальные уже вступили в союзы, а мы с тобой остались в стороне?

Есть еще Осан’гар, если он жив, конечно, но его не стоит в это впутывать.

Платье Грендаль сменило оттенок на более темный, к всеобщему прискорбию скрыв то, что до этого притягивало взор. Настоящий стрейт. Аран’гар сама обнаружила парочку стасис-боксов, но в них оказался по большей части всякий жуткий мусор.

– А тебе не приходило в голову, что даже у стен есть уши? Когда я пришла, зомара уже были здесь.

– Грендаль. – Она промурлыкала имя. – Если Моридин подслушивает, он подумает, что я хочу затащить тебя в постель. Он знает, что я никогда и ни с кем не вступала в союзы.

На самом деле пару раз она все-таки вступала в альянсы, но, как только полезность союзников исчерпывала себя, с ними приключались прискорбные несчастные случаи, и они уносили все свои знания в могилу. Если, конечно, им повезло заиметь таковую.

Стрейт платья собеседницы стал черным, словно ночь в Ларчине, молочно-белые щеки Грендаль пошли красными пятнами. Глаза превратились в голубые льдинки. Но то, что женщина в конце концов произнесла, противоречило выражению ее лица, а платье внезапно стало практически про-

зрачным.

– Интересная мысль. Об этом я не думала. Теперь как раз подумаю. Возможно. Тебе придется все же... убедить меня.

Отлично. Грендаль, как всегда, сообразительна. Лишнее напоминание о том, что не надо забывать об осторожности. Нужно использовать красотку в своих целях, а потом избавиться от нее, но при этом самой не попасть в какую-нибудь из ее ловушек.

– Я умею убеждать красивых женщин. – Аран'гар протянула руку, чтобы нежно коснуться щеки Грендаль.

Теперь – уже очень скоро – придет время убеждать всех присутствующих. Тем более что из этого вполне может получиться нечто большее, чем просто союз. Ее всегда влекло к Грендаль. Аран'гар толком уже и не помнила те времена, когда была мужчиной. В своих воспоминаниях она носила то же тело, что и сейчас, которое время от времени вело себя странно, но все же его желания мало что могли изменить. Ее аппетиты не поменялись, а лишь расширились. И ей очень хотелось заполучить это платье из стрейта. И все остальное, чем располагает Грендаль, конечно, тоже, но она уже мечтала о том, как будет иногда надевать это платье. Единственная причина, по которой на ней сейчас другой наряд, – Аран'гар не хотелось, чтобы Грендаль подумала, будто она ей подражает.

Стрейт оставался почти прозрачным, но Грендаль отпрянула от ласки Аран'гар, глядя на что-то у нее за спиной. Та

повернулась и увидела, как сзади к ним приближалась Месана в сопровождении Демандреда и Семираг. Он по-прежнему выглядел сердитым, а Семираг казалась удивленной. Месана была все столь же бледной, но подавленность исчезла. Причем полностью. Она являла собой смертельно опасную змею *корир*, шипящую и источающую яд.

– Почему ты упустила ее, Аран’гар? Ты же должна была не спускать с нее глаз! Неужели ты так увлеклась своими играми с ее снами, что забыла выяснить, что она задумала? Восстание без нее, без эдакого свадебного генерала, развалится. И все мои тщательные планы пойдут коту под хвост только потому, что ты не сумела уследить за невежественной девчонкой!

Аран’гар сдержала ярость. Она спокойно могла владеть собой, когда ей того хотелось. Вместо того чтобы рывкнуть какую-нибудь гадость в ответ, она широко улыбнулась. Интересно, Месана действительно обосновалась где-то в Белой Башне? Как чудесно было бы найти способ разбить эту троицу.

– Прошлой ночью я подслушивала, о чем говорили на заседании Совета мятежниц. Проходил он в Мире снов, поэтому участницы встречались в Белой Башне, и Эгвейн возглавляла Совет. И она вовсе не подставная фигура, не свадебный генерал, как ты полагаешь. Я говорила тебе об этом раньше, но ты не желала слушать. – Так, это уже слишком. Аран’гар – на что потребовалось усилие, причем значительное, – смяг-

чила свой тон. – Эгвейн рассказала им все о ситуации, сложившейся в Башне, о том, что Айя готовы накинуться друг на друга. Она убедила их, что Башня вот-вот развалится и она сумеет воспрепятствовать этому, будучи на месте событий. На твоём месте я бы побеспокоилась о том, чтобы Башня оставалась единой, если тебе нужно, конечно, чтобы этот конфликт продолжался.

– То есть они решили продолжать в том же духе? – пробормотала Месана, едва ли не полушепотом. Аран’гар кивнула. – Хорошо. Хорошо. Значит, все идет по плану. А я уже подумывала, что мне придется разыграть что-то вроде «спасения», но, пожалуй, мне стоит подождать, пока Элайда не сломит ее. Иначе возвращение девчонки создаст еще больше путаницы. Тебе, Аран’гар, следует сеять побольше смятения в их рядах. Прежде чем я с этим покончу, мне хочется, чтобы эти так называемые Айз Седай возненавидели друг друга до глубины души!

Появилось зомара и, изящно склонившись, протянуло поднос, на котором стояло три бокала вина. Даже не взглянув на существо, Месана и ее соратники взяли бокалы, а зомара, поклонившись еще раз, поспешило прочь.

– Что-что, а сеять смятение она умеет, – протянула Семираг.

Демандред усмехнулся.

Аран’гар заставила себя утихомирить гнев. Потягивая вино из бокала – а оно, между прочим, оказалось весьма недур-

ным, с ярким густым ароматом, но все же не чета тем винтажным шедеврам, что подавались в Садах, – она положила свободную руку на плечо Грендаль и принялась играть с одним из ее золотистых локонов. Красавица даже не вздрогнула, а стрейт оставался лишь дымкой, едва прикрывающей ее прелести. Либо ей это нравилось, либо она умела непревзойденно держать в себя в руках. Улыбка Семираг стала еще более удивленной. Сама она тоже не упускала возможности поразвлечься, но развлечения Семираг Аран’гар вовсе не привлекали.

– Если вам охота поласкать друг друга, – прорычал Демандред, – занимайтесь этим наедине.

– Ревнуешь? – проворковала Аран’гар и звонко рассмеялась, глядя на его кислую физиономию. – А где держат девчонку, Месана? Сама она не созналась.

Огромные голубые глаза Месаны сузились. Они были, пожалуй, ее лучшим женским оружием, но, когда она хмурилась, они теряли всю свою привлекательность.

– Зачем тебе знать? Чтобы самой организовать «спасение»? Я тебе не скажу.

Грендаль зашипела, и Аран’гар поняла, что ее рука, игравшая золотистым локоном, сжалась в кулак, отчего ее спутнице пришлось запрокинуть голову. Выражение лица красавицы оставалось невозмутимым, но платье превратилось в алый туман, потерявший прозрачность и быстро темнеющий еще больше. Аран’гар ослабила хватку и нежно накрутила

колечко волос на палец. Один из первых шагов к победе – приручить жертву. Однако теперь Аран'гар не стала сдерживать гневные нотки, сквозившие в каждом слове. Ее улыбка превратилась в откровенно злой оскал.

– Мне нужна девчонка, Месана. Без нее мне не с чем работать.

Прежде чем ответить, Месана как ни в чем не бывало отпила из своего бокала. Как ни в чем не бывало!

– Ты же сама утверждала, что она тебе ни к чему. И с самого начала, Аран'гар, это был *мой* план. Я вношу в него изменения в зависимости от обстоятельств, но он – мой. И я буду решать, когда и где освободить девчонку.

– Нет, Месана, я буду решать, когда и где ее освободить и освободить ли вообще, – объявил Моридин, появившийся в проеме каменной арки. Значит, он расположил «уши» там, где надо.

Сегодня он был облачен во все черное, причем это черное каким-то образом оказалось темнее, чем облачение Семираг. Как всегда, его сопровождали Могидин и Синдани, затянутые в одинаковые черно-красные платья, которые не шли ни той ни другой. Как он их удерживает возле себя? Могидин, например, редко когда охотно шла на поводу у кого-либо. А что касается хорошенькой, похожей на куколку, пышногрудой блондиночки Синдани... Аран'гар как-то решила познакомиться с ней поближе, чтобы посмотреть, на что можно рассчитывать. Так в ответ девица с холодной

угрозой в голосе пообещала, что, если Аран'гар дотронется до нее еще хоть раз, она собственноручно вырвет ей сердце. Вряд ли такие слова свойственны той, кто легко подчиняется.

— Судя по всему, Саммаэль снова дает о себе знать, — сообщил Моридин, пересекая комнату, чтобы занять место в кругу.

Он был статным мужчиной, так что резное кресло с высокой спинкой тотчас стало напоминать под ним трон. Могидин и Синдани расположились по обе стороны от него, но, что самое интересное, сесть они позволили себе только после того, как он опустился на сиденье. Зомара в белоснежных одеяниях тотчас возникли рядом и подали вино, причем Моридин получил свой бокал первым. Как бы то ни было, зомара не просто знали, они чувствовали свое дело.

— Это вряд ли, — возразила Грендаль, когда все остальные двинулись по направлению к кругу кресел. Теперь ее платье стало серым, скрыв от глаз все интригующие подробности. — Он должен быть мертв.

Впрочем, рассаживаться никто не спешил. Пусть Моридин является Ни'блисом, но никто, кроме Могидин и Синдани, не жаждал проявлять и капли подобострастия. Аран'гар, само собой, тоже.

Она уселась наискосок от Моридина, чтобы иметь возможность незаметно наблюдать за ним. И за Могидин с Синдани. Могидин сидела так неподвижно, что, если бы не яр-

кое платье, она бы полностью слилась с креслом. Синдани же казалась настоящей королевой, ее лицо было словно высечено из льда. Свергнуть Ни'блиса – предприятие опасное, но эти две могут оказаться ключами к этому. Если придумать, как их повернуть. Грендаль выбрала место подле нее, причем кресло красавицы неожиданно оказалось ближе, чем можно было предположить. Аран'гар могла положить руку на изящную кисть потенциальной союзницы, но ограничилась лишь томной улыбкой в ее сторону. Сейчас нужно сосредоточиться на происходящем.

– Он никогда не умел долго прятаться, – заметил Демандред, устраиваясь между Семираг и Месаной. Он закинул одну ногу на другую, будто бы чувствовал себя совершенно свободно. Весьма сомнительно. Он один из тех, кто не смирился, Аран'гар была в этом уверена. – Саммаэль не может без публичных выступлений.

– И тем не менее Саммаэль – или тот, кто выдает себя за него, – отдал приказ мурддраалам, и они подчинились. Значит, это один из Избранных. – Моридин окинул взглядом присутствующих, будто бы хотел выяснить, кто это был. Черные точки *саа* неиссякаемым потоком мерцали в его голубых глазах. Аран'гар вовсе не сожалела о том, что Истинная Сила теперь достается лишь ему одному. Слишком высока цена. Ишамаэль точно был наполовину сумасшедшим, таким он и остается и будучи Моридином. Сколько же еще ждать того момента, когда ей удастся свергнуть его?

– Быть может, ты нам поведаешь, что это были за приказы? – Тон Семираг был холоден.

Она спокойно сделала глоток вина, глядя на Моридина поверх кромки бокала. Сидела Избранная, как, впрочем, и всегда, очень прямо. И тоже, казалось, чувствовала себя вполне уютно. Что также вызывало сомнения.

Моридин поджал губы.

– Не знаю, – с неохотой признал он наконец. Ему никогда не нравилось произносить эту фразу. – Но они отправили сотню мурддраалов и тысячи троллоков в Пути.

– Очень похоже на Саммаэля, – задумчиво промолвил Демандред и покрутил бокал, наблюдая, как вино кружится водоворотом в сосуде. – Но я могу ошибаться.

Примечательное признание – от него такое редко услышишь. Иди же попытка скрыть то, что это он выдавал себя за Саммаэля? Очень интересно узнать, кто же взялся играть в ее собственную игру. И жив ли Саммаэль на самом деле.

Моридин кисло продолжил:

– Передайте приказы своим приверженцам Тьмы. Все известия о передвижениях троллоков и мурддраалов за пределами Запустения необходимо сразу сообщать лично мне. Время Возвращения уже близко. И больше никакой самостоятельности. – Он еще раз оглядел всех сидящих в кругу, за исключением Могидин и Синдани.

Аран'гар встретила его взгляд улыбкой, даже более обольстительной, чем у Грендаля. Месана же, напротив, отпря-

нула.

– Что за это бывает, ты уже знаешь, на свою беду, – кивнул он Месане.

Хоть это казалось невозможным, лицо Месаны стало еще бледнее. Она судорожно приникла к бокалу, так что зубы клацнули о хрусталь. Семираг и Демандред нарочито старались на нее не смотреть.

Аран’гар переглянулась с Грендаль. Месану каким-то образом наказали за случившееся в Шадар Логоте, но вот каким? Когда-то такие проступки карались смертью. Но теперь их осталось слишком мало. На лицах Синдани и Могидин тоже читалось любопытство – значит, и они не знают, в чем дело.

– Мы видим знаки не менее отчетливо, чем ты, Моридин, – сердито проворчал Демандред. – Время близится. Нам нужно найти оставшиеся печати от узилища Великого повелителя. Мои последователи искали везде, но им ничего не удалось обнаружить.

– Ах да. Печати. Действительно, их надо найти. – Улыбку Моридина можно было назвать самодовольной. – Их осталось только три. И все они у ал’Тора. Но не думаю, что они все время при нем. Слишком легко их сейчас сломать. Он наверняка их спрятал. Отрядите людей туда, где он успел побывать. И ищите сами.

– А не проще похитить Льюса Тэрина? – Вопреки внешней ледяной холодности и неприступности, голос Синдани

был хрипловатым и глубоким. Таким голосом куда уместнее говорить, возлежа на мягких подушках и отнюдь не отяготив себя одеждой. Эти бездонные синие глаза сейчас источали жар. Иссущающий жар. – Я сумею заставить его рассказать, где находятся печати.

– Нет! – отрезал Моридин, вперив в нее суровый взор. – Ты «случайно» прикончишь его. Время смерти ал’Тора и то, как он умрет, выберу я. И никто другой.

Странно, но при этих словах он коснулся свободной рукой груди, и Синдани дернулась. Могидин поежилась.

– И никто другой, – повторил Моридин мрачно.

– Никто другой, – отозвалась Синдани. Когда он опустил руку, она тихонько выдохнула и сделала глоток вина. На лбу у нее блестели капельки пота.

После этого пассажа Аран’гар стало все ясно. Значит, когда она займет место Моридина, Могидин и эта блондиночка окажутся у нее на поводке. Отлично, что еще тут скажешь.

Моридин выпрямился в кресле и воззрился на остальных:

– Это относится и ко всем вам. Ал’Тор – мой. Вы не станете пытаться навредить ему!

Синдани склонила голову над бокалом, собираясь отхлебнуть, в ее глазах явственно читалась ненависть. Грендаль говорила, что это не Ланфир и что Синдани слаба в Единой Силе, но та явно каким-то образом была связана с ал’Тором и звала его тем же именем, что и Ланфир.

– Если вам так хочется кого-нибудь убить, – добавил Мо-

ридин, – займитесь этой парочкой!

Внезапно в центре круга появилось изображение двух молодых людей в грубой деревенской одежде. Изображение стало поворачиваться так, чтобы все смогли хорошенько рассмотреть лица парней. Один из них был высоким и широкоплечим, и, кроме всего прочего, глаза у него оказались желтыми. Второй же не отличался особой стройностью, на физиономии его играла нахальная ухмылка. Порождения Тел'аран'риода медленно вращались, выражения их лиц оставались неизменными.

– Перед вами – Перрин Айбара и Мэт Коутон. Они – та'верены. Отыскать их нетрудно. Так вот, найдите их и убейте.

Грендаль невесело засмеялась:

– Отыскать та'веренов никогда не было легкой задачей, а сейчас это сложнее, чем когда-либо. Сам Узор постоянно меняется, смещается и идет волнами.

– Перрин Айбара и Мэт Коутон, – пробормотала Семираг, изучая изображения. – Так вот как они выглядят. Кто знает, Моридин. Если бы ты сказал нам об этом раньше, быть может, они были бы уже мертвы.

Кулак Моридина резко опустил на подлокотник.

– Найдите их! Дважды проверьте, запомнили ли ваши люди их лица. Найдите Перрина Айбара и Мэта Коутона и убейте их! Время близится, и эти двое должны быть мертвы!

Аран'гар сделала глоток из бокала. Она вовсе не против убить эту парочку, если они ей попадутся, но вот в отноше-

нии Ранда ал'Тора Моридин будет сильно разочарован.

Глава 4

Сделка

Перрин, сидевший в седле Ходока, заставил коня отступить на несколько шагов назад, за линию деревьев, и окинул взглядом обширный луг, где красные и синие полевые цветы уже начали проклевываться сквозь толстый ковер прошлогодней травы, с которого ныне стоял снег. Среди деревьев в леске господствовали болотные мирты, которые даже зимой сохраняли свои широкие темные листья, но кое-где можно было заметить бледные маленькие листочки, пробивающиеся на ветках амбровых деревьев. Чалый жеребец нетерпеливо ударил копытом; Перрин разделял его нетерпение, но старался его не показывать. Солнце уже почти достигло зенита, значит он уже прождал тут почти час. С запада постоянно дул ощутимый ветерок, который несся дальше вдоль распростершегося перед ним луга. Хорошо.

Время от времени рука Перрина, затянутая в латную перчатку, поглаживала почти прямой дубовый сук. В толщину дубина, которая лежала поперек седла, была шире его запястья, а в длину превосходила руку в два раза. С одного конца палка была плоско, словно доска, остругана до половины. Луг, окруженный огромными дубами и болотными миртами, перемежающимися высокими соснами и низенькими амбро-

выми деревьями, был не менее шестисот шагов в ширину, а в длину куда больше. Палки должно хватить. Он постарался просчитать все варианты развития событий. И сук вписывался в большинство из них.

– Миледи Первенствующая, вам следует вернуться в лагерь, – в который раз пробубнил Галленне, сердито потирая красную повязку, закрывавшую глазницу.

Его шлем, украшенный алыми перьями, был приторочен к луке седла, поэтому седые волосы свободно рассыпались по плечам воина. Если полагаться на слова Берелейн, то он не раз говорил, что большей частью своей седины он обязан именно ей. Его вороной боевой конь попытался укусить Ходока, но Галленне, не сводя глаз с Берелейн, резким движением осадил мощного мерина. Капитан с самого начала был против ее присутствия здесь.

– Грейди проводит вас обратно, а потом вернется, пока мы тут все ждем, появятся ли шончан вообще.

– Я остаюсь, капитан. Остаюсь.

Голос Берелейн звучал спокойно и уверенно, но все же на сей раз к ее обычному запаху терпеливости примешивались нотки беспокойства. На самом деле она не была так уверена, как хотела показать. От нее обычно пахло духами с легким цветочным ароматом. Порой Перрин замечал за собой, что старается разобрать, какие именно это цветы, но сегодня он слишком сосредоточен, чтобы предаваться праздным размышлениям.

В запахе, исходящем от Анноуры, чувствовались колючки раздражения, хотя ее лишенное возраста лицо Айз Седай, обрамленное множеством косичек, оставалось, как всегда, непроницаемым. Правда, большеносая Серая сестра пахла раздражением с тех самых пор, как их отношения с Берелейн дали трещину. Она сама виновата, не надо было ходить к Масиме за спиной у Берелейн. И она тоже настаивала на том, чтобы Берелейн осталась в лагере. Анноура принудила свою саврасую кобылу подойти поближе к лошади Первой Майена, но белая кобыла Берелейн незамедлительно отступила на несколько шагов в сторону, причем ее хозяйка даже не взглянула на советницу. Снова в ее запахе явственно проявилась колючая досада.

Алое шелковое платье Берелейн, обильно расшитое золотом, являло взорам весьма внушительную часть бюста обладательницы, но широкое ожерелье из огневиков и опалов создавало иллюзию скромности. Широкий пояс в тон стягивал талию, к поясу крепился инкрустированный драгоценными камнями кинжал. В черных волосах поблескивала корона Майена: над челом Золотой ястреб, расправивший в полете крылья, – но на фоне пояса и ожерелья она смотрелась весьма обыденно. Берелейн была красивой женщиной, причем после того, как она перестала преследовать Перрина, он стал считать ее еще более красивой. Но конечно же, с Фэйли она не сравнится.

На Анноуре было простое серое платье для верховой ез-

ды, но большинство из присутствующих все же постарались одеться в лучшее. Перрин выбрал темно-зеленый шелковый камзол с серебряной вышивкой на рукавах и груди. Он не особо ценил щегольские наряды, и даже то небольшое, что у него было, он приобрел по настоянию Фэйли; что ж, она мягко убеждала его в необходимости подобных покупок, тем более что сегодня ему нужно произвести впечатление. Если же простой кожаный ремень, застегнутый поверх камзола, портит общий вид, значит так тому и быть.

– Она должна прийти, – пробормотал Арганда. Низкий коренастый мужчина, первый капитан Аллиандре, так и не снял свой серебристый шлем с тремя короткими белыми перьями. Он сидел верхом, ослабив в ножнах меч, будто бы ждал нападения. Его нагрудник тоже был посеребрен. В ярком свете солнца он будет замечен на мили вокруг. – Она должна!

– Пророк говорит, что они не придут, – заметил довольно резко Айрам, осаживая своего длинноногого гнедого рядом с Ходоком. Он был в зеленой полосатой куртке, и над его плечом виднелось медное навершие меча, сработанное в форме волчьей головы. Когда-то юношу можно было назвать привлекательным, но теперь день ото дня он становился все мрачнее и мрачнее. Он казался изможденным – глаза ввалились, а рот превратился в узкую щелку. – Пророк утверждает, что либо все закончится ничем, либо нас ждет ловушка. Он советует не верить шончан.

Перрин промолчал, на сей раз уже он почувствовал укол раздражения – отчасти в этом был виноват он сам, отчасти бывший Лудильщик. Балвер сообщил, что Айрам начал часто бывать у Масимы, но вроде как вовсе не обязательно говорить ему, что не стоит распространяться перед Масимой о планах и действиях Перрина. Яйцо в скорлупу не вернешь, но из случившегося надо извлечь урок на будущее. Работник должен знать, как обращаться с инструментами, причем так, чтобы не ломать их. То же относится и к людям. Что же до Масимы, то он наверняка боится, что им может встретиться кто-то, кто в курсе его дел с шончан.

Отряд Перрина был многочисленным, однако большинство все же останется здесь, среди деревьев. Пятьдесят конных гвардейцев из Крылатой гвардии Берелейн в красных шлемах и красных же нагрудниках – на их тонких копьях со стальными наконечниками реяли алые вымпелы – выстроились подле голубого знамени с изображением Золотого ястреба Майена. Знамя теребил легкий ветерок. Рядом, под красным стягом с тремя серебряными звездами расположились пятьдесят всадников-гэалданцев в начищенных до блеска латах и в зеленых конических шлемах. Вымпелы на их копьях были изумрудными. Воины представляли собой внушительное зрелище, но даже все они, вместе взятые, были куда менее опасны, чем Джур Грейди, – его обветренное лицо напоминало лицо простого фермера, который, быть может, терялся на их фоне в своей простой черной куртке, с

приколотым на высоком ворота серебряным значком в виде меча. Сам он отлично осознавал свое превосходство, даже если остальным присутствующим это было невдомек, и поэтому стоял рядом со своим гнедым мерином, словно крестьянин, набирающийся сил перед трудовым днем.

Леоф Торфинн и Тод ал'Каар, единственные двуреченцы, помимо самого Перрина, в противоположность Джуру остались сидеть верхом, хотя все время ерзали от нетерпения – даже долгое ожидание не охладило их пыл. Возможно, их восторги заметно поуменьшились бы, узнай они, что были выбраны главным образом потому, что на них лучше всего сидели взятые взаймы камзолы из темно-зеленой шерсти тонкой выделки. Леоф держал личное знамя Перрина с изображением красной Волчьей головы, Тоду достался Красный орел Манетерен. Оба знамени колыхались на древках немножко длиннее копейных. Парни чуть не передрались из-за того, кто какое знамя понесет. Перрин искренне надеялся, что это произошло не потому, что никто из них не хотел брать Волчью голову в красной окантовке. Леоф казался вполне довольным. Тод же был на седьмом небе от счастья. Конечно, они не знали, зачем Перрин притащил эти знамена. «Заключая любую сделку, нужно убедить другую сторону в том, что она получит что-то бесплатно» – так говаривал отец Мэта. Перед глазами Перрина поплыли цветные пятна, и на мгновение перед ним предстал образ Мэта, беседующего с невысокой темнокожей женщиной. Он потряс головой, отгоняя

всплывшие образы. Единственное, что имеет значение, – то, что происходит здесь и сейчас. А сейчас важнее всего Фэйли.

– Они придут, – отрезал Арганда, хотя в его глазах, блесквших сквозь прорези шлема, похоже, читался вызов.

– А если нет? – поинтересовался Галленне, его единственный глаз полыхал гневом не хуже, чем оба Аргандовых.

Покрытые красным лаком латы майенца своим блеском мало чем уступали сверкающему облачению Арганды. Вряд ли кого-то из них удастся уговорить перекрасить доспехи, чтобы они стали менее бросающимися.

– А что, если это действительно ловушка? – словно разъяренный волк, прорычал Арганда. Его терпение было на исходе.

Ветер принес запах лошадей за пару мгновений до того, как слух Перрина уловил первые трели лазоревок. Слишком далеко, чтобы мог услышать еще кто-нибудь. Пение птиц несло со стороны деревьев, окружавших луг. Большие группы людей, быть может враждебно настроенных, входили в лес. Послышалось еще несколько трелей, уже ближе.

– Они здесь, – произнес Перрин, за что тотчас был награжден удивленными взглядами Арганды и Галленне.

Обычно он старался не привлекать внимания окружающих к тому, насколько острым слухом – и насколько чутким обонянием – обладает, но сейчас эти двое готовы были наброситься друг на друга. Теперь же трели неслись со всех

сторон, так что их могли слышать все. Лица обоих мужчин приобрели странное выражение.

– Я не имею права рисковать жизнью леди Первенствующей, если есть хоть малейший шанс, что это ловушка, – заявил Галленне, нахлобучивая шлем.

Все знали, что означает этот условный сигнал.

– Это мой выбор, капитан, – ответила Берелейн, прежде чем Перрин успел открыть рот.

– А я несу ответственность за вашу безопасность, миледи Первенствующая.

Берелейн уже набрала в легкие воздуха, лицо ее потемнело, но Перрин на сей раз заговорил первым:

– Я уже рассказывал вам, как мы собираемся обезвредить капкан, если это действительно ловушка. Вы же знаете, насколько подозрительны шончан. Скорее это они беспокоятся, что мы готовим им засаду.

Галленне громко фыркнул. Терпение в запахе Берелейн на секунду пропало, а затем возникло снова, превратившись в каменное спокойствие.

– Вам следует прислушаться к его словам, капитан, – сказала она, одарив Перрина благодарной улыбкой. – Он знает, что делает.

На дальнем конце луга появилась группа всадников; они осадили коней. Талланвора можно было заметить сразу. Верхом на хорошем, сером в яблоках, жеребце, облаченный в темную куртку, он был единственным мужчиной, на ком не

было доспехов, выкрашенных в красную, желтую и синюю полосу. Без доспехов оказались еще двое – две женщины. Одна – в синем платье с красными вставками на юбках и лифе, другая – в сером. В солнечных лучах блеснуло нечто, что соединяло этих двух. Так. Сул'дам и дамани. В ходе переговоров, которые проходили через Талланвора, о них никаких упоминаний не было, но их появление неожиданностью для Перрина не явилось.

– Пора, – промолвил он, подбирая одной рукой поводья Ходока. – Пока она не решила, что мы не пришли.

Анноура подобралась поближе к Берелейн и положила ей руку на запястье, пока та не успела пришпорить свою белоснежную кобылу.

– Ты должна разрешить мне поехать с тобой, Берелейн. Ведь тебе могут понадобиться мои советы, верно? Ведение таких переговоров – моя специальность.

– Подозреваю, шончан теперь узнают Айз Седай по лицу, не так ли, Анноура? Не думаю, что они захотят вести переговоры с тобой. И, кроме того, – добавила Берелейн сахарным голосом, – тебе необходимо остаться здесь и помочь мастеру Грейди.

На секунду на щеках Айз Седай выступили красные пятна, а губы превратились в тонкую ниточку. Чтобы заставить ее выполнять приказы Грейди, потребовалось вмешательство Хранительниц Мудрости. И Перрин был рад, что не видел, каким же все-таки образом им это удалось. Но вопреки

всему всю дорогу из лагеря она старалась увильнуть от выполнения обязательств.

– Ты тоже остаешься, – скомандовал Перрин, когда Айрам направил коня вперед. – В последнее время ты много горячишься, а я не могу рисковать – вдруг ты скажешь что-нибудь неподобающее или сделаешь что-то не то. Я не собираюсь ставить Фэйли на кон. – Так и есть. И совершенно ясно, что ему не нужен человек, который передаст все, что будет происходить на переговорах, Масиме. – Понимаешь?

В запах Айрама пузырьками вплелось разочарование, однако тот, пусть и неохотно, кивнул и опустил руки на переднюю луку седла. Может, он и рассказывает все сплетни Масиме, но он скорее сто раз отдаст свою жизнь, чем рискнет жизнью Фэйли. По крайней мере, осознанно. Каких дров он может наломать, не задумываясь, – другой вопрос.

Перрин выехал из-за деревьев. По одну руку от него расположился Арганда, по другую – Берелейн и Галленне. За ними, под колышущимися на ветру знаменами, колонной по двое последовали десять майенцев и десять гэалданцев. При виде появившейся из леса процессии шончан двинулись навстречу, тоже выстроившись в колонну. Талланвор ехал впереди вместе с командирами, один из которых восседал на чалом жеребце, а другой – на гнедом. Лошадиные копыта неслышно ступали по толстому ковру прошлогодней травы. В лесу стало слишком тихо, даже ухо Перрина едва ли могло что-то уловить.

Пока майенцы и гэлданцы разворачивались в шеренгу и бо́льшая часть шончан-солдат в ярко раскрашенных доспехах делали то же самое, Перрин и Берелейн подъехали к Талланвору и двум облаченным в латы шончанским командирам. Лакированный шлем одного из офицеров, похожий на голову насекомого, украшало три тонких голубых пера, на шлеме другого имелось только два пера. Сул'дам и дамани держались чуть позади. Все они встретились посередине луга в окружении полевых цветов и тишины. Стороны отделяли друг от друга шесть шагов.

Когда Талланвор занял позицию между переговорщиками, шончан подняли руки, защищенные полосатыми, как и все их вооружение, латными перчатками, и сняли шлемы. Под шлемом с двумя перьями оказался светловолосый мужчина; на его квадратном лице красовалось с полдюжины шрамов. Он явно побывал во многих сражениях, и от него, как ни странно, пахло удивлением. Но Перрина больше заинтересовал второй всадник. Верхом на вышколенном гнедом боевом коне – едва ли ему встречались такие раньше – сидела высокая женщина. Несмотря на слишком широкие плечи, она выглядела худой и вовсе не юной. На висках седина коснулась ее коротко стриженных выующихся волос. На темной, словно дерн, коже лица виднелось только два шрама. Один из них пересекал левую щеку. А тот, что на лбу, заходил на правую бровь. Некоторые считают, что большое количество шрамов свидетельствует о том, что их обладатель – крепкий

орешек. Но Перрину всегда казалось, что чем меньше шрамов, тем больше доказательств того, что человек знает, что делает. Дуновение воздуха донесло до него запах этой женщины – от нее веяло уверенностью.

Шончанка оглядела реющие на ветру знамена. Перрину показалось, что ее взгляд задержался на Красном орле Манетерен, а потом на Золотом ястребе Майена, после чего женщина принялась изучать его самого. Выражение ее лица не менялось, но, когда она заметила его желтые глаза, в ее запахе появилось нечто новое и непонятное, нечто резкое и жесткое. Когда же она увидела массивный кузнечный молот, продетый в петлю на его поясе, странный запах усилился.

– Перед вами – Перрин т’Башир Айбара, лорд Двуречья, сеньор королевы Аллиандре Гэалданской, – возвестил Талланвор, указывая рукой на Перрина. Он всегда говорил, что шончан – сами не свои до формальностей, но Перрин не имел ни малейшего представления, шончанская это церемония или нечто андорское. Талланвор, судя по всему, взял отовсюду понемножку. – Перед вами – Берелейн сур Пейн-драг Пейерон, Первенствующая Майена, защитница волн, верховная опора Дома Пейерон.

Поклонившись вышеназванным, он перекинул поводья в другую руку и указал на шончан:

– Перед вами – знаменный генерал Тайли Хирган из Непобедимой армии, на службе императрицы Шончан. Перед вами – капитан Бакайяр Мишима из Непобедимой армии, на

службе императрицы Шончан.

Еще один поклон, и Талланвор, развернув своего серого, подъехал к знаменосцам и занял место рядом с ними. Он был так же мрачен, как Айрам, но от него пахло надеждой.

– Рада, что он не назвал вас Волчьим королем, милорд, – протянула генерал знамени. Из-за того, что она растягивала слова, Перрину приходилось напрягаться, чтобы разобрать, что она говорит. – Иначе я бы сочла, что Тармон Гай’дон уже совсем близко. Вам известны пророчества о Драконе? «Когда в руки возьмет молот Волчий король, знай, конец бытия в этом мире грядет; и когда повенчается ворон с лисой, трубный глас на сражение тебя позовет». Лично мне вторая строка совершенно непонятна. И вы, миледи. Сур Пейндраг. Что это значит – «Пейндраг»?

– Мой род ведет начало от самого Артура Пейндрага Танриала, – ответила Берелейн, высоко подняв подбородок.

Порыв ветра донес до Перрина струйку гордости, вплетенную в запах терпения и аромат духов. Они условились, что переговоры будет вести Перрин, а ее задачей станет ослеплять шончан красотой и грацией юной правительницы. Или, в конце концов, ее присутствие добавит весомости словам Перрина. Но он решил, что ей можно ответить на прямой вопрос.

Тайли кивнула, как будто именно такой ответ и ожидала услышать:

– Значит, вы – дальняя родственница императорской се-

мьи, миледи. Несомненно, императрица, да живет она вечно, окажет вам честь. Если, разумеется, вы не станете заявлять о правах на империю Ястребиного Крыла.

– Я претендую только на Майен, – гордо ответствовала Берелейн. – И его я буду защищать до последнего вздоха.

– Я сюда пришел не для того, чтобы обсуждать пророчества, Ястребиное Крыло или вашу императрицу, – сердито заметил Перрин. И снова на пару мгновений цвета смешались у него перед глазами, но он тут же отогнал видение. Сейчас у него нет на это времени. Волчий король? Прыгун наверняка бы повеселился по этому поводу, по-своему, по-волчьи. Да любому волку станет смешно. И все же Перрину стало не по себе. Он прежде не сознавал, что именно о нем говорилось в пророчествах. А что, если его молот – предвестник Последней битвы? Но лишь Фэйли имеет значение. Только она. И все то, что поможет освободить ее. – Мы договорились, что на эту встречу придет по тридцать человек с каждой стороны, но в лесу скрываются ваши люди. Много людей.

– Как и у вас, – возразил Мишима с улыбкой, которую портил белый шрам в уголке рта, – иначе бы вы не знали о наших.

Он растягивал слова еще сильнее.

Перрин не сводил взгляда со знаменного генерала:

– Пока они здесь, существует вероятность неожиданного поворота событий. А я не хочу никаких неожиданностей. Я лишь хочу вернуть жену из плена Шайдо.

– И как вы собираетесь избежать неожиданностей? – поинтересовался Мишима, поигрывая поводьями. Его вопрос прозвучал так, словно он вовсе не был настолько уж важным. Такое ощущение, что Тайли позволила ему говорить, а сама в это время наблюдала за реакцией Перрина. – Нам следует положиться на ваше слово и отправить людей прочь первыми? Или вам придется поверить нам и самим отвести отряды назад? «На высотах все пути вымощены кинжалами». Здесь нет места излишнему доверию. Я бы предложил одновременно приказать нашим людям отступить, но одна из сторон может нарушить обещание.

Перрин покачал головой:

– Вам придется поверить мне, знаменный генерал. У меня нет причин нападать на вас или брать вас в плен, но зато есть все причины не делать этого. Но я не могу быть уверен, что это верно и в отношении вас. Вы можете счесть, что пленение Первенствующей Майена стоит маленького предательства.

Берелейн тихонько рассмеялась. Настал черед палки. Это должно не просто заставить шончан покинуть лес первыми, но и убедит, что им необходимо то, что он намерен предложить. Перрин упер один конец палки в седло, держа ее вертикально.

– Мне кажется, ваши люди – отличные солдаты. Мои же люди – не солдаты, хотя им приходилось сражаться с троллоками и с Шайдо. И они неплохо справлялись. – Ухватив

палку за основание, Перрин поднял ее высоко над головой, так что оструганная часть оказалась наверху. – Но они привыкли охотиться на львов, леопардов, горных кошек, которые спускались с утесов, чтобы нападать на наши стада. На вепрей и медведей – животных, что тоже охотятся в лесах, мало чем отличающихся от этого.

Ветка резко дернулась в его руке, затянутой в латную перчатку, когда две стрелы – их едва ли разделял удар сердца – вонзились в обтесанное дерево. Перрин опустил палку, чтобы показать две стрелы, – их острые наконечники насквозь прошли твердую древесину с двух сторон. Три сотни шагов – не малое расстояние для такой мишени, но он выбрал для этой задачи Джондина Баррана и Джори Конгара. Лучших стрелков из тех, что были в его распоряжении.

– Если до этого дойдет, ваши люди даже не увидят, кто их убивает, и эти доспехи окажутся слабым аргументом против длинных луков Двуречья. Но я надеюсь, что это все-таки не понадобится.

Изо всех сил он подбросил палку в воздух.

– Мои глаза! – проревел Мишима, схватившись за меч, даже осаживая своего чалого жеребца и в то же время стараясь не упустить из виду Перрина и его ветку. Шлем Мишима свалился с седла и покатился по траве.

Знаменный генерал даже не подумала потянуться за мечом, но тоже старалась смотреть и на Перрина, и на палку. Сначала пыталась. А потом стала следить за веткой, которая

взлетала все выше и выше, до тех пор пока не зависла в воздухе в сотне футов над ними. Внезапно палку окутал шар пламени, такого яростного, что Перрина обдало жаром, как из печи. Берелейн подняла руку, прикрывая ладонью лицо. Тайли же просто продолжала задумчиво наблюдать.

Пламя пылало лишь несколько секунд, но этого оказалось достаточно, чтобы превратить дерево в пепел, который ветром быстро унесло прочь. В жухлую траву упало лишь два спекшихся кусочка металла, припорошенные золой. В месте падения сразу же заплясали язычки пламени, от которых немедленно занялась трава. Даже боевые кони испуганно зафыркали. Белая кобыла Берелейн принялась плясать и кружить на месте, пытаясь избавиться от поводьев и ринуться прочь.

Перрин тихо выругался – ему следовало подумать о накопленных стрел – и собрался было спрыгнуть с коня и затоптать разгоравшийся огонь, но, прежде чем он успел перекинуть ногу через седло, язычки пламени пропали, оставив после себя лишь тонкие усики дыма, поднимающиеся от пятна почерневшей травы.

– Молодец, Нори, – проговорила сул'дам, ласково поглаживая дамани. – Нори – самая замечательная дамани.

Облаченная в серое женщина застенчиво заулыбалась. Но вопреки словам сул'дам выглядела обеспокоенной.

– Что ж, – заговорила Тайли, – у вас есть марат'... – Она замолчала, поджав губы. – У вас есть Айз Седай. И не одна?

Это не так важно. Не могу сказать, что те Айз Седай, с которыми мне доводилось встречаться, сильно меня впечатлили.

– Это не мара’дамани, мой генерал, – тихо произнесла сул’дам.

Тайли сидела неподвижно, внимательно изучая Перрина.

– Аша’ман, – вымолвила она наконец. Это было утверждение, а не вопрос. – Вы меня интригуете, милорд.

– И еще кое-что, чтобы убедить вас окончательно, – объявил Перрин. – Тод, обмотай знамя вокруг древка и принеси сюда.

Не услышав ничего в ответ, он оглянулся через плечо. Тод смотрел на него широко распахнутыми глазами.

– Тод.

Вздвогнув, Тод принялся сматывать полотнище с красным орлом. После он понуро подъехал к Перрину и передал ему сверток. Парень так и остался сидеть в седле с вытянутой рукой, в надежде получить обратно хотя бы древко.

Пришпорив Ходока, Перрин проехал вперед, держа свернутое знамя параллельно земле.

– Двуречье, знаменный генерал, было сердцем Манетерен. Последний король Манетерен погиб в сражении как раз на том месте, где спустя годы возник Эмондов Луг – деревня, в которой я вырос. Манетерен – в нашей крови. Но Шайдо удерживают в плену мою жену. Чтобы освободить ее, я отказываюсь от мысли возродить Манетерен и в подтверждение этого готов дать любые обеты, какие только вы попросите.

Ожившая Манетерен стала бы для вас, шончан, густо заросшим колючками полем. И у вас есть возможность очистить это поле, не пролив ни капли крови.

Позади него кто-то жалобно застонал. Перрин решил, что это Тод.

Вдруг легкий ветерок, гулявший по лугу, резко усилился и яростно задул в противоположном направлении, осыпая всех пылью и песком. От такого сильного порыва Перрину даже пришлось прикинуться к седлу, чтобы не оказаться на земле. С него едва ли не сорвало камзол. Откуда взялся песок? Подлесок же по щиколотку завален прошлогодней листвой. Налетевшая буря вдобавок пахла горелой серой, да так, что в носу защипало. Кони замотали головой, но рев ветра заглушил их испуганное ржание.

Свирепый порыв длился какие-то мгновения и прекратился столь же внезапно, как и начался, оставив после себя легкий бриз, дувший по-прежнему в том направлении, куда дул до этого. Кони продолжали дрожать, фыркать, мотать головой и выкатывать глаза. Перрин погладил Ходока по шее и прошептал ему в ухо несколько успокаивающих слов, но они едва ли помогли.

Генерал знамени сделала странный жест рукой и пробормотала:

– Тень, изыди! Откуда, во имя Света, это взялось? Я слышала всякие истории о том, что происходят необъяснимые события. Или это ваш очередной «аргумент», милорд?

– Нет, – честно признался Перрин. Как выяснилось, с погодой в какой-то мере умеет обращаться Неалд, но никак не Грейди. – А разве так важно, откуда это взялось?

Тайли задумчиво поглядела на него, а затем кивнула.

– Действительно, важно ли? – произнесла она, но было ясно, что на самом деле шончанка думает иначе. – Нам известно кое-что о Манетерен. Ежевика – угроза для босых ног, но никак не для сапог. Половина Амадиции пересказывает слухи о вас и о том вашем знамени, о том, что вы явились возродить Манетерен и «освободить» от нас Амадицию. Миши-ма, труби отступление.

Светловолосый мужчина тотчас взялся за небольшой прямой рог, который висел на красном шнуре у него на шее. Выдув из него четыре пронзительные ноты, он повторил сигнал дважды, а затем отпустил рог, позволив тому вернуться в исходное положение.

– Свою часть я выполнила, – сообщила Тайли.

Перрин повернулся назад и громко и четко, как только мог, прокричал:

– Даннил! Передай! Когда последний солдат-шончан достигнет границы луга, собирайте всех и отправляйтесь к Грейди!

Генерал знамени заткнула мизинцем ухо и, не обращая внимания на латную перчатку, сделала вид, что прочищает его.

– У вас сильный голос, – сухо заметила она. Только теперь

генерал приняла знамя и аккуратно положила его поперек седла перед собой. Больше она на него не взглянула, но ее рука, возможно машинально, принялась поглаживать свернутое полотнище. – И как же вы хотите мне помочь, милорд?

Мишима зацепился ногой за высокую переднюю луку и свесился с седла, чтобы подобрать упавший головной убор. Ветер прокатил шлем по примятой жухлой траве, остановив его на полпути к строю шончанских солдат. Со стороны деревьев донеслась короткая трель жаворонка, за ней другая, потом еще одна. Силы шончан отходили. Коснулся ли их этот странный порыв ветра? Не важно.

– Людей у меня куда меньше, чем у вас, – признал Перрин, – и это, конечно, не вымуштрованные солдаты, но зато со мной Аша’ман и Айз Седай и еще Хранительницы Мудрости, которые тоже способны направлять. Вам понадобятся все они до единого.

Тайли открыла было рот, но он предупреждающе поднял руку:

– Я хочу, чтобы вы дали слово, что не станете пытаться надеть на них ошейники. – Он многозначительно взглянул на сул’дам и дамани. Сул’дам неотрывно глядела на Тайли, ожидая приказаний, а сама лениво поглаживала другую женщину по волосам, словно успокаивала кошку. А Нори едва ли не мурлыкала! О Свет! – С вас слово, что вы их не тронете, их и всех, кто в лагере носит белое одеяние. В любом случае большая их часть не Шайдо, а те Айил, что есть среди

них, – мои друзья.

Тайли покачала головой:

– Странные у вас друзья, милорд. Во всяком случае, тех жителей Кайриэна и Амадиции, что попадались нам в отрядах Шайдо, мы отпускали на свободу, правда большинство кайриэнцев, оказавшись на воле, терялись и не знали, что им делать. Из людей в белом мы оставляем себе только Айил. Из гай'шайн получают чудесные да'ковале, не в пример всем остальным. И все же я согласна оставить в покое ваших друзей. И ваших Айз Седай и Аша'мана. Очень важно положить конец всему этому сборищу. Скажите мне, где они, и я начну учитывать вас в своих планах.

Перрин пальцем потер переносицу. Едва ли многие из тех гай'шайн были Шайдо, но он вовсе не собирался сообщать об этом шончанке. Пусть у них останется шанс получить свободу по истечении года и одного дня.

– Боюсь, это будет все же мой план. Севанна – крепкий орешек, но я нашел способ с ней разобраться. У нее где-то сто тысяч Шайдо, и она продолжает набирать еще и еще. Пусть не все из них *алгай'д'сисвай*, но любой взрослый, если понадобится, возьмет в руки копьё.

– Севанна. – Тайли расплылась в довольной улыбке. – Это имя нам знакомо. Мне бы очень хотелось представить Севанну из Джумай Шайдо капитан-генералу. – Ее улыбка потухла. – Сто тысяч – это куда больше, чем я ожидала, но это не значит, что я не смогу с ними справиться. Мы уже встре-

чались с этими Айил, в Амадиции. Правда, Мишима?

Возвращающийся к ним Мишима рассмеялся, но смех получился резким, в нем не было веселья.

– Что верно, то верно, генерал знамени. Они яростные бойцы, дисциплинированные и умелые, но и на них можно найти управу. Нужно окружить один из их отрядов, их септов, тремя или четырьмя дамани и давить до тех пор, пока не сдадутся. Грязноватое дельце, ничего не скажешь. С ними их семьи. Но при таком условии они сдаются не в пример быстрее.

– Насколько я понимаю, у вас около десятка дамани, – заметил Перрин, – но смогут ли они противостоять тремстам или четырестам Хранительницам Мудрости, каждая из которых способна направлять?

Знаменный генерал нахмурилась:

– Вы уже не первый раз упоминаете Хранительниц Мудрости, способных направлять Силу. В каждом отряде, что нам попадался, были свои Хранительницы. Но ни одна из них не могла направлять.

– Потому что все они, что есть у Шайдо, сейчас с Севанной, – ответил Перрин. – По крайней мере три сотни, а может, и все четыре. Те Хранительницы Мудрости, что находятся со мной, уверены в этом.

Тайли и Мишима переглянулись, генерал знамени вздохнула. Мишима выглядел угрюмым.

– Что ж, – произнесла она, – приказы приказами, но те-

перь вряд ли удастся закончить все по-тихому. Придется потревожить Дочь Девяти Лун, даже если мне потом нужно будет приносить извинения императрице, да живет она вечно. А наверняка придется.

Дочь Девяти Лун? Судя по всему, какая-то высокопоставленная дама у шончан. Но каким же образом ее собираются потревожить?

Мишима поморщился. Вместе со всеми шрамами, пережившими его лицо, зрелище получилось не из приятных.

– Я читал, что при Семаларене с каждой стороны было по четыре сотни дамани и вышла бойня. Половина имперской армии полегла на поле боя, а мятежники потеряли добрые три четверти.

– И все же, Мишима, нам придется пойти на это. Или это сделают за нас. Ты сможешь избежать извинений, а я нет. – (Света ради, что же такого ужасного в извинении? От женщины пахло... смирением.) – К сожалению, на то, чтобы собрать достаточное количество солдат и дамани и вскрыть этот нарыв, уйдут недели, если не месяцы. Благодарю вас за предложенную помощь, милорд. Об этом не забудут. – Тайли протянула свернутое знамя. – Возвращаю его вам, так как не в силах обеспечить выполнение своей части сделки. Но могу дать совет. Быть может, прямо сейчас перед Непобедимой армией стоят другие задачи, но мы не хотим, чтобы кто-то воспользовался временным преимуществом и провозгласил себя королем. Мы хотим вернуть эту землю, а не раздробить

ее на куски.

– А мы хотим эти земли сохранить, – гневно вступила Берелейн, заставив свою лошадь преодолеть те шесть шагов, что отделяли ее от шончан. Животному только того и надо было, оно хотело скакать, скакать прочь от этого жуткого ветра, так что Первой Майена пришлось приложить усилия, чтобы с ним справиться и заставить остановиться. Даже ее запах был пропитан гневом. Никакого терпения. От нее пахло так же, как от волчицы, защищающей своего раненого самца. – Я слышала, что Непобедимую армию зря так называют. Что Дракон Возрожденный разгромил вас на юге. И почему же вы думаете, что Перрин Айбара не сумеет сделать то же самое?

О Свет, а он-то беспокоился о горячности Айрама!

– Я не собираюсь никого громить, кроме Шайдо, – твердо заявил Перрин, отгоняя образ, который начал формироваться у него в мозгу. Он сложил руки на передней луке седла. Ходок, похоже, наконец-то успокоился. Жеребец время от времени все так же подрагивал, но больше не выкатывал глаза. – Есть способ сделать это, причем тихо, так что вам не придется приносить извинения. – Раз это так важно для нее, он готов это использовать. – Пусть Дочь Девяти Лун продолжит пребывать в покое. Я же говорил, что все спланировал. Талланвор рассказал мне, что у вас есть что-то вроде чая, после которого женщина, способная направлять, едва ли с ног не валится.

Секунду спустя Тайли снова положила знамя поперек своего седла и внимательно оглядела собеседника.

– И женщина, и мужчина, – произнесла она наконец. – Я слышала истории, что с помощью этого чая поймали несколько мужчин. Но каким же образом вы предполагаете напоить им четыре сотни женщин, окруженных сотней тысяч Айил?

– Я предлагаю напоить их всех, причем так, чтобы они не узнали, что пьют. Мне нужно столько чая, сколько можно достать. Наверное, целый фургон, и не один, скорее всего, а много. Нагреть воду возможности нет, так что настой получится слабый.

Тайли негромко рассмеялась:

– Смелый план, милорд. Думаю, фургонами этот чай могут отмерять разве что на фабрике, где его производят, но это слишком далеко отсюда, в Амадиции, практически в Тарабоне. И я смогу достать больше чем несколько фунтов только в одном случае – если обращусь к кому-нибудь из высших и объясню, зачем мне столько. А это положит конец надеждам не поднимать шума и сделать все тихо.

– Аша’манам знакома такая вещь, как Перемещение, – заметил Перрин. – Это способ в один шаг преодолевать расстояния в сотни миль. Так что это вполне может помочь с добычей чая.

Из левой перчатки он извлек сложенный и захватанный, с жирными пятнами, листок бумаги.

Брови Тайли поползли вверх, по мере того как она знакомилась с его содержанием. Перрин знал короткий текст наизусть:

ПРЕДЪЯВИТЕЛЬ СЕГО НАХОДИТСЯ ПОД МОЕЙ ЛИЧНОЙ ЗАЩИТОЙ. ИМЕНЕМ ИМПЕРАТРИЦЫ, ДА ЖИВЕТ ОНА ВЕЧНО, ЕМУ ДОЛЖНА БЫТЬ ОКАЗАНА ЛЮБАЯ ПОМОЩЬ, КАКОЙ ОН ПОТРЕБУЕТ РАДИ СЛУЖБЫ ИМПЕРИИ, И СВЕДЕНИЯ ОБ ЭТОМ НЕ ПОДЛЕЖАТ РАЗГЛАШЕНИЮ.

Перрин понятия не имел, кто такая Сюрот Сабелле Мелдарт, но раз она может подписаться под таким, значит она – важная персона. Быть может, она и есть та самая Дочь Десяти Лун.

Передав бумагу Мишима, генерал знамени воззрилась на Перрина. Резкий, жесткий запах вернулся, причем с утроенной силой.

– Айз Седай, Аша’ман, Айил, ваши глаза, тот молот, а теперь еще и это! Кто же вы такой?

Мишима присвистнул сквозь зубы.

– Подпись самой Сюрот, – пробормотал он.

– Я мужчина, который хочет вернуть свою жену, – ответил Перрин, – и ради этого я готов заключить сделку с самим Темным. – Он старался не смотреть на сул’дам и дамани. Он не так уж и далек от сделки с Темным. – Мы договорились?

Тайли взглянула на его протянутую руку, а затем пожала ее. Пожатие оказалось крепким. Сделка с Темным. Но он

сделает все, лишь бы только освободить Фэйли.

Глава 5

Нечто... странное

Барабанная дробь дождевых капель, вытанцовывавших на тенте палатки всю ночь напролет, сменилась легким перестуком, когда Фэйли, старательно опутив глаза, дабы не оскорбить высокую персону, приблизилась к позолоченному и украшенному обильной резьбой трону Севанны, который стоял посреди ярких ковров, слоями устилавших пол. Весна наступила стремительно, однако жаровни уже не зажигали, так что воздух здесь хранил утреннюю прохладу. Склонившись в низком реверансе, она протянула серебряный поднос, украшенный сложным чеканным узором в виде шнуров. Айилка взяла золотой кубок, наполненный вином, и пригубила его, едва ли взглянув на Фэйли, но та сделала еще один реверанс и только после этого отошла, чтобы поставить поднос на крышку обитого медью синего сундука, где уже стоял в окружении трех других золотых кубков серебряный кувшин с высоким горлышком. После чего девушка снова заняла свое место среди одиннадцати гай'шайн, которые выстроились в промежутках между высокими светильниками, расставленными вдоль стены палатки из алого шелка. Шатер был просторным и высоким. Обычная низкая айильская палатка — не для Севанны.

И вообще, иногда возникают сомнения, что она имеет какое-то отношение к Айил. Этим утром на Севанне было красное платье из шелковой парчи, которое плотно обтягивало талию иставляло напоказ половину ее немалого бюста. Однако она надела на себя столько украшений – множество ожерелий из изумрудов, опалов и огневииков, а еще нити крупного жемчуга, что выглядела почти пристойно. У Айил не принято носить кольца, но на каждом пальце Севанны красовался усыпанный драгоценными камнями перстень, а то и не один. Ее длинные, до пояса, светлые волосы перехватывал на манер диадемы или даже короны синий шелковый шарф, поверх которого лежала широкая лента из плетеного золота, унизанная огневииками. Ничего айильского в наряде Севанны не было.

Фэйли и остальные, шесть женщин и пятеро мужчин, бодрствовали всю ночь, стоя рядом с постелью Севанны, на случай если женщина проснется и чего-нибудь захочет; сама же постель представляла собой пару пуховых матрасов, положенных друг на друга. Есть ли в мире еще правитель, которому, пока он изволит спать, обязано прислуживать столько слуг? Фэйли изо всех сил боролась с зевотой. Много может повлечь за собой наказание, но зевок – самый верный способ. Гай’шайн должны быть послушными и услужливыми, что, судя по всему, следовало понимать как подбострастными и раболепными. Байн и Чиад, несмотря на свойственную им во всем прочем вспыльчивость, похоже, сумели приспо-

собраться. Но у Фэйли никак не получалось. За месяц, что прошел с тех пор, как ее раздели и связали, словно головоломку кузнеца, за то, что она спрятала нож, ее девять раз пороли за незначительные проступки, которые Севанне представлялись серьезными преступлениями. Рубцы, оставшиеся с последнего раза, еще не зажили окончательно, и девушке вовсе не хотелось вновь оказаться наказанной за нерадивость.

Фэйли надеялась, что Севанна считает, что та ночь, проведенная на морозе, сломила ее. Ведь только Ролан и его жаровни спасли девушке жизнь. Но очень хочется надеяться, что сломить ее все-таки не удалось. Когда долгое время притворяешься, зачастую маскарад превращается в реальность. В плену она провела меньше двух месяцев, а уже не может вспомнить точно, сколько дней прошло с тех пор, как ее захватили. Порой кажется, что белое одеяние она носит целый год, если не больше. Иногда широкий пояс и ошейник из плоских золотых звеньев начинают казаться частью ее. И это наводит ужас. Но Фэйли упорно держалась за надежду. Скоро она сбежит. Должна сбежать. Прежде чем ее найдет Перрин и попытается освободить. Но почему же он еще не нашел ее? Шайдо уже очень долго простояли лагерем у Малдена. Он бы ее не бросил. Ее волк обязательно придет за ней, чтобы спасти. И поэтому надо сбежать прежде, чем он погибнет, пытаясь вызволить ее. Прежде, чем она поймет, что больше не притворяется.

– Терава, сколько еще ты собираешься подвергать наказанию Галину Седай? – спросила Севанна, хмуро глядя на Айз Седай. Терава, скрестив ноги, сидела перед ней на голубой подушке, украшенной по углам кисточками. Ее спина была идеально прямой, а на лице застыло жесткое выражение. – Прощлой ночью она приготовила мне слишком горячую ванну, но у нее и так рубцы по всему телу, так что мне пришлось приказать отстегать ее по пяткам. А это не очень удобно, если учесть, что ей все-таки нужно ходить.

Фэйли старалась не смотреть на Галину с того самого момента, как Терава привела ту в палатку, но при упоминании имени взгляд против воли устремился к женщине. Галина, выпрямившись, стояла на коленях между двумя айилками, чуть в стороне; на щеках у нее виднелись коричневые синяки и кровоподтеки, кожа влажно блестела – пленнице пришлось пройти сквозь проливной дождь, чтобы попасть сюда, – ноги и щиколотки были перепачканы грязью. На ней остались лишь отделанные огневиками золотые ошейник и пояс, отчего нагота еще больше бросалась в глаза. От волос и бровей осталась лишь жалкая щетина. Все волоски на теле, от головы до кончиков пальцев ног, были опалены Единой Силой. Фэйли слышала рассказы о том, как это происходило, и о том, как в качестве первого истязания Айз Седай подвесили за щиколотки. В последние дни гай'шайн только и твердили об этом. И лишь немногие, кому удавалось разглядеть лишенное возраста лицо за тем, во что оно преврати-

лось, по-прежнему считали, что Галина действительно Айз Седай; остальные же, как и сама Фэйли, сомневались, что среди гай'шайн может обнаружиться Айз Седай. Конечно, у нее характерное лицо и кольцо на пальце, но разве Айз Седай позволит Тераве так с собой обращаться? Фэйли не раз задавала себе этот не дававший ей покоя вопрос и не находила ответа. Она продолжала убеждать себя, что Айз Седай часто поступают так или иначе по причинам, которые недоступны пониманию других, но подобный довод звучал не очень-то убедительно.

Что бы ни заставляло Галину терпеть такие надругательства, сейчас в ее широко распахнутых глазах, неотрывно смотревших на Тераву, застыл страх. Она тяжело дышала, так что было видно, как вздымается грудь. У нее есть причины бояться. Наверное, все, кто проходил мимо палатки Теравы, слышали доносившиеся оттуда мольбы Галины о пощаде. Уже на протяжении четырех дней Фэйли видела, как Айз Седай – безволосая, одетая так же, как и сейчас, – спешит по какому-нибудь поручению, с искаженным ужасом лицом. И каждый день Терава добавляла все новые и новые полосы к узору из рубцов, который покрывал тело Галины от плеч до бедер. И лишь только одна из ссадин начинала заживать, как Терава считала своим долгом тотчас обеспечить новую. Фэйли слышала, как среди Шайдо шептались, что с Галиной поступают слишком жестоко, но никто не собирался вмешиваться в дела Хранительницы Мудрости.

Терава, ростом не уступавшая мужчинам-айильцам, поправила темную шаль, что сопровождалось звоном и стуком браслетов из золота и драгоценной поделочной кости, и взглянула на Галину – так голубоглазый сокол смотрит намышь. Ее ожерелья, тоже золотые и костяные, казались незамысловатыми по сравнению с вычурными украшениями Севанны, а темные шерстяные юбки и блуза из *алгода* – тусклыми, однако из них двоих больший страх Фэйли внушала Терава, а не Севанна. Севанна может наказать за оплошность, но Тераве ничего не стоит убить Фэйли просто потому, что ей вдруг этого захотелось. И она наверняка так и сделает, если Фэйли попытается сбежать и ее поймают.

– Пока у нее на лице остается хоть крошечная царапина, ее телу суждено сносить побои. Я не трогала ее лицо, так что у тебя есть возможность наказывать ее за другие проступки.

Галина задрожала. Слезы потекли у нее по щекам.

Фэйли отвела взгляд. Слишком больно смотреть. Даже если удастся заполучить из палатки Теравы жезл, станет ли Айз Седай хорошим помощником в побеге? Судя по всему, ее дух окончательно сломлен. Тяжело признать, но пленникам приходится смотреть на вещи с практической стороны. Не предаст ли ее Галина, чтобы купить себе избавление от побоев? Она угрожала выдать Фэйли, если той не удастся добыть жезл. Это Севанна будет рада заполучить жену Перрина Айбара, однако Галина уже совсем отчаялась и готова на что угодно. Фэйли молилась, чтобы у женщины нашлись силы

вынести все это. Конечно же, девушка и сама вынашивала мысли о побеге, на случай если Галина не сдержит обещание взять ее с собой, когда вырвется отсюда, но все же будет гораздо безопаснее и проще, если той все-таки удастся исполнить обещанное. О Свет, ну почему Перрин еще не здесь? Нет! Нужно сосредоточиться.

– Ну, так она не особо производит впечатление, – пробормотала Севанна, теперь хмуро поглядывая на вино в кубке. – Даже кольцо не делает ее похожей на Айз Седай.

Она раздраженно покачала головой. По каким-то непонятным для Фэйли причинам Севанне нужно было, чтобы все знали, что Галина – Айз Седай. Видимо, она считала, что это делает ей честь.

– И почему ты так рано, Терава? Я даже еще не поела. Хочешь вина?

– Воды, – отрезала Терава. – Рано? Солнце уже почти поднялось над горизонтом. Я перекусила до того, как оно встало. Скоро, Севанна, ты станешь такой же ленивой и изнеженной, как мокроземцы.

Лузара, полногрудая доманийка-гай'шайн, резво взяла серебряный кувшин с водой и наполнила кубок. Севанну, видимо, забавляло то, что Хранительницы Мудрости упорно пили только воду, но тем не менее требуемое всегда было наготове. Лишний раз оскорблять их не хотелось даже Севанне. Меднокожая доманийка зрелых лет раньше была купчихой, но даже несколько серебристых нитей в черных волосах

до плеч не спасли ее от плена. Она была изумительно красива, а Севанна собирала все дорогое, стильное и красивое, будь это какая-то вещь – или гай’шайн, и она попросту забирала себе, что ей хотелось, пусть даже если это принадлежало кому-то другому. Недовольства в таких случаях редко кто высказывал, ведь гай’шайн было так много. Лузара присела в грациозном реверансе и с поклоном протянула поднос Тераве, восседавшей на подушке. Все это она сделала именно так, как было предписано, но по пути к своему месту у стены она улыбнулась Фэйли. И что самое плохое, улыбка была заговорщицкой.

Фэйли подавила вздох. В последний раз ей досталось как раз за вздох в неподходящий момент. Лузара была одной из тех, кто за последние две недели дал ей клятву верности. После Аравин Фэйли старалась выбирать осторожно, но отказать тому, кто хотел принести ей клятву, – значит породить возможного предателя, так что теперь у нее было весьма внушительное число сторонников, правда в большинстве их она не была уверена. Теперь девушка начала думать, что на Лузару можно положиться или что, по крайней мере, доманийка не предаст ее осознанно, но женщина воспринимала ее планы побега как детскую игру, словно им ничего не будет, если они проиграют. Судя по всему, и торговлю она тоже воспринимала именно так и, не задумываясь, зарабатывала и теряла состояние за состоянием. Но в случае проигрыша у Фэйли не будет возможности начать все сначала. Ни у нее, ни у Ал-

лиандре, ни у Майгдин. Ни у Лузары. Тех гай'шайн Севанны, что предприняли попытку к бегству, держали в цепях, когда им не нужно было исполнять какие-то поручения или прислуживать хозяйке.

Терава сделала глоток воды, затем поставила кубок подле себя на цветастый ковер и устремила на Севанну стальной взор:

– Хранительницы Мудрости считают, что нам давно настало время отправиться на северо-восток. В тамошних горах найдутся долины, которые нетрудно оборонять, и добраться до них мы сумеем меньше чем за две недели, пусть даже из-за гай'шайн не будем передвигаться достаточно быстро. Эта же местность открыта со всех сторон, и отряды в набеге за съестными припасами нам приходится отправлять все дальше и дальше.

Зеленые глаза Севанны встретили этот взгляд не моргая. Вряд ли самой Фэйли удалось бы проделать то же самое. Севанну очень раздражало, когда Хранительницы Мудрости встречались без нее, и нередко она потом срывала злость на своих гай'шайн, однако сейчас она улыбнулась и отпила вина, а потом ответила собеседнице невозмутимым тоном, словно бы разъясняла какому-нибудь тугодуму то, что он никак не в состоянии уразуметь.

– Здесь плодородная почва. И у нас есть их семена, которые мы не преминем присовокупить к своим. А кто знает, насколько плодородна почва в горах? Благодаря набегам у

нас есть крупный рогатый скот, а еще овцы и козы. Здесь отличные пастбища. А что известно о пастбищах в тех горах, а, Терава? Здесь у нас воды больше, чем когда-либо было у любого клана. А знаешь ли ты, где в горах есть вода? А что касается защиты, кто осмелится напасть на нас? Эти мокроземцы бегут от наших копий.

– Не все, – сухо заметила Терава. – Кое-кто вполне способен на танец копий. И что, если Ранд ал’Тор пошлет какой-нибудь другой клан против нас? Мы узнаем об этом, только когда услышим сигналы боевых рогов. – Вдруг она тоже улыбнулась, но улыбка коснулась лишь губ, глаза остались серьезными. – Ходят слухи, что ты хочешь позволить Ранду ал’Тору взять тебя в плен и стать его гай’шайн, чтобы у тебя появилась возможность соблазнить его и женить на себе. Забавная мысль, согласна?

Фэйли невольно вздрогнула. Безумное намерение Севанны выйти замуж за ал’Тора – нужно действительно быть безумцем, чтобы поверить, что ей это удастся! – именно оно может заставить Галину предать Фэйли. Если айилка не знает, что Перрин связан с ал’Тором, то Галина может рассказать ей об этом. И расскажет, если Фэйли не удастся добратся до этого проклятого жезла. Тогда Севанна приложит все усилия, чтобы не дать Фэйли сбежать. А значит, ее непременно закуют в цепи – точно так же, как и в случае неудачного побега.

Севанне эта мысль вовсе не показалась такой уж забав-

ной. Ее глаза заблестели, она подалась вперед, так что вырезу платья стало крайне сложно справляться с формами обладательницы.

– Кто это сказал? Кто?

Терава взяла кубок и сделала еще глоток воды. Поняв, что ответа не дожидаться, Севанна откинулась назад и привела в порядок платье. Ее глаза продолжали сверкать, словно искусно отполированные изумруды, в ее тоне не было ничего обыденного. Слова жгли не хуже глаз.

– Я выйду замуж за Ранда ал’Тора, Терава. Он был почти у меня в руках, но ты и прочие Хранительницы Мудрости помешали мне. Я выйду за него замуж, объединю кланы и завоюю все мокрые земли!

Терава презрительно усмехнулась поверх кубка:

– *Куладин* был *Кар’а’карном*, Севанна. Я пока не нашла Хранительниц Мудрости, которые разрешили ему отправиться в Руидин, но я найду их. Ранд ал’Тор – творение Айз Седай. Они сообщили ему, что нужно сказать в Алкайр Дал. Черный день настал, когда он узнал и раскрыл тайны, которые дозволено знать лишь тем немногим, кто способен вынести их бремя. Будь благодарна, что большинство считает, что он солгал. Ах, я и забыла. Ты же никогда не была в Руидине. Ты сама ему не поверила.

В палатку начали входить гай’шайн. Их белые одеяния были влажными от дождя, все придерживали подол на уровне коленей, пока не оказывались внутри. На каждом были зо-

лотые ошейник и пояс. Их мягкие белые сапожки, зашнурованные белыми шнурками, оставляли на коврах грязные следы. Позже, когда черные подтеки высохнут, им придется вычистить ковры, но даже чуточку испачканное одеяние сулило хорошую порку. Севанна желала, чтобы одежда тех гай'шайн, что окружают ее, была непогрешимо-белой. Ни одна из айилок не обратила внимания на прибывших.

По-видимому, слова Теравы застали Севанну врасплох.

– Какая разница, кто дал Куладину разрешение? Не важно, – заявила она и, не получив ответа, взмахнула рукой, словно отгоняла муху. – Куладин мертв. А у Ранда ал'Тора есть знаки, как бы там он их ни заполучил. Я выйду за него замуж и буду его использовать. Если Айз Седай в состоянии контролировать его – а я видела, что они управляют с ним, как с ребенком, – значит и я смогу. С кое-какой помощью с твоей стороны. И ты мне поможешь. Согласись, что объединение кланов – достойная цель, и разве не важно, как она будет достигнута? Однажды ты уже признала это. – В ее голосе слышалась если не прямая угроза, то явственный намек на нее. – Мы, Шайдо, в одно мгновение станем самым могущественным кланом.

Сняв капюшоны, вновь пришедшие гай'шайн безмолвно выстроились вдоль стен палатки. Девять мужчин и три женщины, одной из которых была Майгдин. На лице златовласой женщины застыло мрачное выражение, оно воцарилось там с того самого дня, когда Терава обнаружила ее в палатке

Хранительниц Мудрости. Что бы Терава там с ней ни сделала, с тех пор Майгдин только лишь твердит, что убьет свою мучительницу. И иногда стонет во сне.

Терава оставила свои мысли об объединении кланов при себе.

– Слишком многое говорит за то, что нам не стоит здесь задерживаться. Многие вожди септов каждое утро нажимают на красные диски на своих *нар'баха*. Советую тебе прислушаться к мнению Хранительниц.

Нар'баха? Это означает «коробка дураков» или что-то в этом роде. Что же это такое на самом деле? Байн и Чиад продолжают рассказывать ей об обычаях Айил, когда находят время, но об этом они никогда не упоминали. Майгдин осталась рядом с Лузарой. Стройный кайриэнец из дворянской семьи, по имени Дойрманес, поравнялся с Фэйли. Он был молод и очень красив, но беспрестанно нервно покусывал губу. Если он узнает об обетах верности, его придется убить. Она была уверена, чуть что – он сразу побежит к Севанне.

– Мы остаемся здесь, – зло заявила Севанна, метнув кубок на пол, отчего по ковру растеклось винное пятно. – Я говорю от имени вождя клана, и я свое слово сказала!

– Сказала, – спокойно согласилась Терава. – Бендуин, вождь септа Зеленая Соль, получил разрешение отправиться в Руидин. Он ушел пять дней назад в сопровождении двадцати своих алгай'д'сисвай и четырех Хранительниц Мудро-

сти, которые станут свидетельницами.

И лишь только тогда, когда все гай'шайн до единого выстроились рядом с теми, кто уже находился в палатке, Фэйли и остальные смогли надеть капюшоны и начать гуськом двигаться к выходу, приподнимая подол одеяния до колен. Она даже слегка покраснела, оттого что приходится выставять ноги вот так, напоказ.

– Он хочет занять мое место, а мне не удосужились ничего сказать?

– Не твое, Севанна. Куладина. Как его вдова, ты вправе говорить за вождя клана, но только до тех пор, пока новый вождь клана не вернется из Руидина. Но ты – не вождь клана.

Фэйли шагнула под холодную, серую утреннюю морось, и опустившийся входной клапан палатки отрезал ответ Севанны на последнюю реплику. Что же все-таки происходит между этими двумя женщинами? Иногда, как, например, этим утром, они казались непримиримыми противниками, но в остальное время они были заговорщицами, которые поневоле связаны чем-то таким, что не дает покоя ни той ни другой. Или же именно то, что им приходится быть заодно, и заставляет их чувствовать себя не в своей тарелке. Что ж, пока не очень понятно, как знание этого поможет ей с побегом, так что, наверное, это вообще не важно. Но заинтриговавшая Фэйли загадка никак не выходила у нее из головы.

У входа в палатку стояла группа из шести Дев Копья – вуали опущены на грудь, за спиной виднеются копья, при-

крепленные к чехлам луков. Байн и Чиад скептически относились к тому, что Севанна использует Дев для своего почетного караула – в то время как она сама никогда не была Девой Копья – и для охраны своей палатки, причем воительниц всегда было не меньше шести и дежурили они и днем и ночью. И обе также считали странным и достойным презрения, что Девы Шайдо позволяют ей это. Тот факт, что ты вождь клана или тот, кто говорит за него, не дает тебе права пользоваться тем, что положено лишь людям наиболее выдающимся и благородным. Руки шести Дев быстро двигались, их пальцы мелькали, складываясь в различные знаки, – они беседовали на языке жестов. Фэйли заметила мелькнувший несколько раз знак, обозначающий Кар’а’карна, но увиденного было недостаточно, чтобы понять, о чем же разговаривают Девы и о ком именно – о Куладине или об ал’Торе.

О том, чтобы остаться и постараться понять, о чем шел разговор, – если получится, конечно, – речи не было. Тем более что остальные гай’шайн уже спешили прочь по грязной дороге. С другой стороны, Девы могут что-то заподозрить и тогда сами высекут ее или, что еще хуже, воспользуются при этом ее собственными шнурами. Фэйли уже доставалось от Дев за «нахальный взгляд» и больше не хотелось. Особенно потому, что наказание означало оказаться прилюдно обнаженной. И то, что она – гай’шайн Севанны, не послужит ей защитой. Любой Шайдо имеет право проучить любого гай’шайн, если сочтет, что тот ведет себя неподоба-

ющим образом. Это может сделать даже ребенок, если его отрядили наблюдать за работой гай'шайн. Ну а с другой стороны, холодный дождь, каким бы мелким он ни был, скоро насквозь промочит ее шерстяное одеяние. До палатки недалеко, около четверти мили, но наверняка на пути ее еще не раз остановят.

Повернувшись спиной к большой алой палатке, девушка зевнула. Очень хотелось завернуться в одеяла и проспать пару часов. Тем более что вечером будет много работы. Правда, она не знала, какая это будет работа. Было бы гораздо проще, если бы Севанна распределила, кто, что и когда делает, но ей, видимо, нравилось выбирать имена в случайном порядке, причем всегда – в последнюю минуту. Так что планировать что-либо крайне сложно, не говоря уже о побеге.

Высокий шатер Севанны окружали разномастные палатки: низкие и темные айильские, островерхие и обычные, палатки всех возможных размеров и цветов. Между ними пролегала паутина «улиц», где размокшая земля теперь превратилась в реки грязи. Так как палаток у Шайдо не хватало, они прихватывали все, что им только попадалось по дороге. Ныне вокруг Малдена расположились лагерем четырнадцать септов – сто тысяч Шайдо и столько же гай'шайн, а кроме того, ходят слухи, что в ближайшие дни должны прибыть еще два септа – Морай и Белый Утес. Не считая детишек, игравших и возившихся среди грязи с собаками, навстречу ей попадались люди в перепачканных белых одеждах, тащившие

корзины и объемистые мешки. Многие женщины не спешили – они бежали. У Фэйли было подозрение, что, за исключением мастеров кузнечного дела, Шайдо вообще редко утруждают себя какой-либо работой, разве что со скуки. При таком количестве гай'шайн найти себе работу – уже работа. Теперь не только Севанна может позволить себе нежиться в ванне и наслаждаться тем, как гай'шайн трут ей спину. Конечно, ни одна из Хранительниц Мудрости не зашла еще так далеко, но кое-кто уже считал зазорным пройти два лишних шага и поднять что-то, если под рукой всегда есть гай'шайн, который сделает это.

Фэйли уже почти дошла до части лагеря, отведенной гай'шайн, – прямо под серыми стенами Малдена, – когда заметила Хранительницу Мудрости, которая уверенной походкой направлялась к ней, накинув свою темную шаль на голову, чтобы защитить волосы от дождя. Фэйли не стала останавливаться, а лишь слегка согнула колени. Суроволицая Мейра не навела такой страх, как Терава, но тоже не давала спуску и, помимо этого, была ниже Фэйли. Тонкие губы Хранительницы вообще превращались в ниточку, если ей доводилось встречать женщину выше себя. Казалось бы, вести о том, что сюда скоро прибудет ее септ, Белый Утес, должны были порадовать женщину, но, судя по всему, никакого эффекта новость не оказала.

– Так, значит, ты просто медленно плетешься, – заметила Мейра, когда Фэйли подошла ближе. Ее сапфировый взгляд

был тверже алмаза. — Я оставила Риэль слушать остальных, потому что побоялась, что какой-нибудь пьяный идиот затащит тебя к себе в палатку.

Женщина огляделась, словно бы в поисках того самого идиота, который вознамерился так поступить.

— Никто ко мне не приставал, Хранительница Мудрости, — быстро ответила Фэйли.

За последнюю пару недель несколько попыток было со стороны пьяных и не очень, но Ролан всегда оказывался в нужном месте в нужное время. Могучему *Мера'дин* дважды пришлось драться за нее, и один раз он убил нападавшего. Фэйли ожидала, что это повлечет за собой кучу последствий и проблем, но Хранительницы Мудрости сочли, что схватка была честной, и, по словам Ролана, ее имя даже не упоминалось. Несмотря на утверждения Байн и Чиад, что подобные посягательства идут вразрез со всеми обычаями, насилие постоянно угрожало женщинам-гай'шайн. Фэйли была уверена, что Аллиандре изнасиловали по крайней мере один раз, прежде чем она с Майгдин обзавелись парой Мера'дин, которые теперь, словно тени, следуют за ними. Ролан отрицал, что просил своих собратьев помочь ее людям, заявив, что парням было просто нечего делать и они искали, чем бы заняться.

— Простите мою медлительность.

— Не лебези. Я не Терава. Я не стану тебя бить только потому, что мне это нравится. — Слова были произнесены безжа-

лостным тоном, достойным палача. Может, Мейра и не бьет людей ради удовольствия, но Фэйли не понаслышке знала, что у этой Хранительницы тяжелая рука. — А теперь расскажи мне, что Севанна говорила и делала. Быть может, эта вода, падающая с неба, и чудо, но торчать под ней довольно противно.

Подчиниться приказу было совсем несложно. Севанна ночью не просыпалась, а когда она встала, то все ее разговоры свелись к выбору платья и украшений, особенно украшений. Изначально ее шкатулка для драгоценностей служила в качестве сундука для одежды, но теперь ее под самую крышку заполняла груда ювелирных шедевров, которым позавидовала бы любая королева. Прежде чем вообще что-то надеть, Севанна долго примеряла различные сочетания ожерелий и колец и изучала свое отражение в высоком зеркале, оправленном в позолоченную раму. Это смущало всех. Особенно Фэйли.

Она как раз дошла до появления Теравы с Галиной, когда все перед ее взором пошло рябью. Ее саму трясло! И это не плод воображения! Синие глаза Мейры расширились от изумления: она тоже это почувствовала! Волна ряби накатилась снова, на этот раз мощнее. В ужасе Фэйли выпрямилась и отпустила подол платья. Мир задрожал в третий раз, еще сильнее, дрожь словно пронизывала ее, и Фэйли почувствовала, что еще немного — и она сольется с ветром или просто растворится в туманной дымке.

Тяжело дыша, девушка ждала четвертого удара, понимая, что на этот раз погибнет все, включая ее саму. А когда ничего не произошло, она облегченно выдохнула, освобождая каждую клеточку легких от воздуха.

– Что это было, Хранительница Мудрости? Что?

Мейра коснулась рукой своего запястья и, по-видимому, слегка удивилась, что ее пальцы не прошли сквозь кость и плоть.

– Я... понятия не имею, – медленно произнесла она. Встряхнувшись, Мейра продолжила: – Иди по своим делам, девочка.

Хранительница Мудрости подобрала юбки и, миновав Фэйли, почти бегом припустила прочь, разбрызгивая грязь в разные стороны.

Детей на улицах видно больше не было, но из палаток слышались плач и всхлипывания. Брошенные собаки скулили и дрожали, поджав хвост. Люди вокруг ощупывали себя, ощупывали друг друга, не обращая внимания на принадлежность к Шайдо или к гай'шайн. Фэйли обхватила себя руками. Конечно, она не бесплотна. Ей просто показалось, будто бы она превращается в туман. Конечно. Приподняв юбку – и так уже придется застирывать, – девушка сделала несколько шагов. А потом побежала, уже не заботясь о том, сколько грязи окажется на ней и на остальных. Она отлично понимала, что от очередной волны этой ряби сбежать не удастся. Но она все равно бежала и бежала, не жалея ног.

Палатки гай'шайн широким кольцом окружали высокую гранитную стену Малдена. Как и во внешней части лагеря, они представляли собой пеструю картину, но большинство из них были маленькими. В островерхой палатке Фэйли на ночлег с трудом уместались две, но, вопреки всему, там жила она и еще три – Аллиандре, Майгдин и бывшая кайриэнская дворянка Дайрайне, одна из тех, кто добивался благосклонности Севанны, докладывая ей то, что делают другие гай'шайн. Это все усложняло, но убить эту женщину – тоже не выход, тем более что сама Фэйли была против таких мер. По крайней мере, до тех пор, пока Дайрайне не станет реальной угрозой. Женщины спали, тесно прижавшись друг к другу, словно новорожденные щенки, и радуясь, что тепло человеческого тела так согревает в холодные ночи.

Когда Фэйли, согнувшись, вошла в палатку, внутри царил полумрак. Свечей и масла для ламп не хватало, так что эти ценные ресурсы предпочитали не растрачивать на гай'шайн. На одеялах лицом вниз лежала Аллиандре, шею ее стягивал ошейник, а исполосованные бедра накрывала тряпка, пропитанная травяным настоем. По крайней мере, Хранительницы Мудрости выдавали свои лечебные травы не только Шайдо, но и гай'шайн. Аллиандре не сделала ничего плохого, но вчера Севанна назвала ее имя в числе тех пяти, кто ей менее всего угодил в этот день. Не в пример многим во время наказания Аллиандре держалась достойно, – Дойрманес начинал судорожно всхлипывать еще до того, как его клали кверху

задом на сундук, – но ей доставалось чуть ли не раз в три-четыре дня. Быть королевой – не значит уметь прислуживать королеве. Но на Майгдин выбор падал едва ли не чаще, а она была пусть и не самой умелой, но все же горничной знатной леди. Сама Фэйли попала в число ежедневно наказываемых всего один-единственный раз.

Судя по тому, что Аллиандре даже не попыталась прикрыться, а просто приподнялась на локтях, ее дух уже дал трещину. И все же она расчесала свои длинные волосы. Если бы она этого не сделала, Фэйли бы поняла, что для женщины все потеряно.

– А вы не ощутили... только что... нечто странное, миледи? – спросила Аллиандре, и в ее дрожащем голосе чувствовался страх.

– Почувствовала, – подтвердила Фэйли, стоя ссутулившись у шеста, поддерживавшего крышу палатки. – Не знаю, что это было. И Мейра тоже не знает. Сомневаюсь, что это известно хоть кому-то из Хранительниц Мудрости. Но это «странное» не причинило нам никакого вреда. – Конечно же не причинило. Конечно же нет. – И это никоим образом не влияет на наши планы.

Зевая, девушка расстегнула золотой пояс и бросила его на одеяла, а потом взялась за подол верхнего платья, чтобы снять его через голову.

Аллиандре опустила голову на руки и тихонько заплакала: – Нам никогда не сбежать. И меня вечером снова нака-

жут. Я знаю. Всю оставшуюся жизнь меня будут бить каждый день.

Вздохнув, Фэйли оставила в покое подол платья, опустилась на колени рядом со своей подданной и погладила ее по голове. Будь ты по положению выше или ниже, ответственности от этого не меньше.

– Временами я тоже этого боюсь, – тихо призналась она. – Но я не позволяю этим страхам завладеть мною полностью. Я обязательно сбегу. *Мы* обязательно сбежим. Аллиандре, нужно быть храброй. Я знаю, ты именно такая. Я знаю, что ты разобралась с Масимой и сохранила мужество и силу духа. И ты сумеешь взять себя в руки и сейчас, если постараться.

Качнулся клапан входа, и в образовавшемся проеме появилась голова Аравин. Полная женщина не блистала красотой, но, как подозревала Фэйли, была из дворян, хотя никогда этого не утверждала. Несмотря на полумрак, Фэйли удалось разглядеть, что на лице пришедшей сияла улыбка. На Аравин тоже были ошейник и пояс Севанны.

– Миледи, Элвон и его сын хотят с вами поговорить.

– Им придется подождать пару минут, – сказала Фэйли.

Аллиандре больше не плакала, но продолжала лежать тихо и неподвижно.

– Миледи, не думаю, что вам следует это откладывать.

У Фэйли перехватило дыхание. Неужели? На это даже страшно надеяться.

– Я возьму себя в руки, – произнесла Аллиандре, поднимая голову, чтобы посмотреть на Аравин. – Если у Элвона то, что я надеюсь, – я не сдамся, даже если Севанна станет меня допрашивать.

Схватив пояс – если ее увидят за пределами палатки без пояса и ошейника, последующее наказание едва ли будет уступать тому, которое полагается за попытку побега, – Фэйли выскочила наружу. Морось почти прекратилась, превратившись во влажный туман, но пока лучше надеть капюшон. Влажный воздух все равно пробирает до костей.

Элвон, коренастый мужчина, уступал в росте своему сыну – долговязому парнишке Тэрилу. На обоих были забрызганные грязью белые одеяния из парусины. Тэрилу, старшему сыну Элвона, было только четырнадцать, но Шайдо не поверили ему, поскольку ростом он был со среднего жителя Амадиции. Фэйли с самого начала прониклась к Элвону доверием. О нем и его сыне среди гай'шайн ходили легенды. Три раза они сбегали, и каждый раз Шайдо оказывалось все труднее и труднее отыскать их и вернуть. И, несмотря на ужесточающееся с каждым разом наказание, в тот день, когда они поклялись ей в верности, они уже начали планировать, как предпринять четвертую попытку вернуться к своей семье. Фэйли никогда не видела, чтобы они улыбались, но сегодня улыбка озаряла и обветренное лицо Элвона, и скуластую физиономию Тэрила.

– Что у вас? – спросила Фэйли, торопливо застегивая по-

яс вокруг талии. Ей казалось, что еще чуть-чуть – и сердце выскочит из ее груди.

– Это все мой Тэрил, миледи, – сказал Элвон. Лесоруб говорил с сильным акцентом, так что его было сложно понять. – Он просто шел мимо, понимаете, и никого вокруг не было, ни души, поэтому он изловчился... Тэрил, покажи леди, что там у тебя.

Паренек застенчиво залез в рукав – туда, где в этих одеяниях обычно пришивают карманы, – и извлек гладкий белый жезл, сработанный из чего-то, что по виду напоминало поделочную кость. Он был в фут длиной и с запястье Фэйли толщиной.

Оглядевшись вокруг – не видит ли кто, и, по счастью, никого, кроме них, на улице не было, – Фэйли быстрым движением схватила жезл и спрятала его в рукав, чтобы там опустить в карман. Жезл туда идеально помещался, но сейчас Фэйли держала заветный предмет в руке и не хотела отпускать. На ощупь он был гладким, словно стеклянным, и ощутимо прохладным, холоднее утреннего воздуха. Наверное, это *ангриал* или тер'ангриал. Тогда понятно, почему он так нужен Галине. Хотя как объяснить то, почему она не забрала его сама? Ладонь, скрытая под тканью рукава, крепко сжала жезл. С этого самого момента Галина больше не угроза для них. Она – их спасение.

– Пойми, Элвон, может так получиться, что Галина не сумеет забрать тебя с сыном с собой, когда соберется уйти, –

сказала Фэйли. – Она обещала взять только меня и тех, что попали в плен вместе со мной. Но я обещаю, что найду способ освободить вас и всех тех, кто поклялся мне в верности. И всех остальных тоже, если смогу, но вас – в первую очередь. Перед Светом клянусь, надеждой на спасение и перерождение, что так и сделаю.

Как это у нее получится, Фэйли понятия не имела, разве что обратиться к отцу за армией. В любом случае она исполнит обещанное.

Лесоруб собрался было сплюнуть, но потом взглянул на нее и покраснел. Он сглотнул.

– Да эта ваша Галина никому не поможет, миледи. Говорит, что она, мол, Айз Седай и все такое, но, по-моему, она просто игрушка в руках Теравы. И уж Терава-то ее ни за какие коврижки не отпустит. А так, я и сам знаю, что если мы пособим вам выбраться, то и вы нас тут не бросите. И ни к чему клятвы и всякие такие штуки. Вы же сказали, что вам нужен этот жезл, если кто-нибудь может по-тихому его заграбастать, ну вот Тэрилу и свезло. И все тут.

– Я хочу на волю, – вдруг вставил Тэрил, – но если хоть кто-то все же удерет, так, значит, мы их и побили, считай.

Парнишка сам удивился, что заговорил, отчего его щеки зажглись ярким румянцем. Отец окинул сына хмурым взглядом, а потом задумчиво кивнул.

– Хорошо сказано, – ласково похвалила мальчика Фэйли. – Но я дала клятву и выполняю ее. Вы с отцом...

Она оборвала фразу, потому что Аравин, глядя через плечо девушки, предупреждающе коснулась рукой ее запястья. Радость на лице женщины сменилась испугом.

Повернув голову, Фэйли увидела Ролана, стоящего у ее палатки. Он был на две добрых ладони выше Перрина. Шею его охватывала привычная *шурфа*, с которой на широкую грудь мужчины свисала черная вуаль. Лицо его было мокрым от дождя, а влажные короткие рыжие волосы, завившись колечками, прилипли к голове. Сколько он уже тут стоит? Недолго, потому что тогда Аравин заметила бы айильца раньше. Сложно спрятаться за такой крошечной палаткой. Элвон и его сын расправили плечи, словно бы собираясь наброситься на рослого Мера'дин. Плохая мысль. Мышам не пристало нападать на котов, сказал бы Перрин.

– Возвращайтесь к своим делам, Элвон, – быстро приказала она. – И ты, Аравин, тоже. Идите сейчас же.

У Аравин и Элвона хватило сообразительности пропустить часть с прощальными поклонами и, бросив опасливый взгляд на Ролана, двинуться прочь, но Тэрил уже поднял руку, чтобы коснуться костяшками пальцев лба. Однако в последний момент мальчишка сообразил, что продолжать не стоит. Густо покраснев, он стремглав бросился вслед за отцом.

Ролан вышел из-за палатки и замер перед Фэйли. Странно, в руке он держал букетик желтых и голубых полевых цветов. Фэйли никак не могла отделаться от мыслей о жезле,

который прятала в рукаве. Где же его укрыть? Если Терава обнаружит, что его нет, она перевернет весь лагерь.

– Нужно быть осторожней, Фэйли Башир, – улыбнулся Ролан, глядя на нее сверху вниз. Аллиандре не считала его особо привлекательным, но Фэйли была с ней не согласна. Эти голубые глаза и улыбка делали его почти что красивым. – То, что ты затеваешь, опасно, и меня может не оказаться рядом, чтобы опять защитить тебя.

– Опасно? – Внутри у Фэйли все похолодело. – Что ты имеешь в виду? Куда ты собираешься?

От одной мысли о том, что она может лишиться его защиты, в животе появлялся нехороший ком. Мало кому из женщин-мокроземок удалось избежать приставаний Шайдо. Без него...

– Некоторые из нас подумывают вернуться в Трехкратную землю. – Его улыбка потухла. – Мы не можем идти за лже-Кар'а'карном и к тому же мокроземцем. Быть может, нам будет позволено прожить жизнь в наших холдах. Мы раздумываем над этим. Мы много времени провели вдали от дома, и от этих Шайдо нас уже тошнит.

Она найдет способ решить проблему, когда он уйдет. Она должна. Любой ценой.

– Так что опасного в том, что я делаю? – Фэйли приложила все усилия, чтобы голос прозвучал как можно более непринужденно, но это оказалось непросто. О Свет, что же ей без него делать?

– Эти Шайдо слепы даже тогда, когда трезвы, Фэйли Башир, – спокойно ответил он. Сняв с нее капюшон, он воткнул один из цветков ей в волосы над левым ухом. – А мы, Мера’дин, используем глаза, чтобы видеть. – Еще один цветок занял место над правым ухом. – В последнее время у тебя появилось много новых друзей, и ты собираешься бежать вместе с ними. Смелый план, но опасный.

– И ты расскажешь это Хранительницам Мудрости? Или Севанне? – Удивительно, что ей удалось произнести эти слова таким спокойным тоном. Желудок, судя по всему, решил завязаться в узел.

– Зачем мне это? – спросил Ролан, пристраивая очередной цветок. – Джорадин подумывает забрать с собой в Трехкратную землю Ласиль Алдорвин, пусть даже она из древоубийц. Он думает, что ему удастся убедить ее положить свадебный венок к его ногам.

Ласиль обрела для себя защитника, забравшись в постель к тому Мера’дин, который сделал ее гай’шайн, а Аррела сделала то же самое с одной из Дев, что взяли ее в плен, но Фэйли сильно сомневалась, что план Джорадина увенчается успехом. Обе женщины нацелились на побег, словно острия стрел, наложенных на натянутую тетиву.

– И теперь я думаю, что мог бы взять тебя с собой, если мы все-таки решим уйти.

Фэйли взглянула на него. Капли влаги почти насквозь промочили ее волосы.

– В Пустыню? Ролан, я люблю своего мужа. Я тебе это уже говорила. Это правда.

– Я знаю, – ответил айилец, продолжая украшать ее цветами. – Но сейчас ты носишь белое одеяние, а то, что случилось с тобой, когда ты ходила в белом, подлежит забвению, когда ты его снимешь. И твоему мужу не в чем будет тебя винить. Кроме того, если ты отправишься со мной, в первом же попавшемся по пути городе мокроземцев я отпущу тебя на свободу. Мне вообще не следовало делать тебя гай'шайн. А в этом ошейнике и поясе столько золота, что оно позволит тебе благополучно вернуться в объятия мужа.

От изумления Фэйли раскрыла рот. Через секунду она обнаружила, что ее кулак врезался в широкую грудь обидчика. Гай'шайн строжайшим образом запрещено совершать насильственные действия, но мужчина лишь заулыбался еще шире.

– Ты!.. – Она снова ударила его, на этот раз сильнее. Она просто колотила его. – Ты!.. Мне даже нужного слова не придумать! Ты заставил меня поверить, что ты оставишь меня на растерзание этим Шайдо, хотя на самом деле предлагаешь помочь мне сбежать?

Ему наконец удалось поймать ее кулак и спрятать его в мощной ладони.

– Если мы уйдем, Фэйли Башир, – рассмеялся он. Он еще и смеется! – Это еще не решено. В любом случае, зачем мужчине сразу давать женщине понять, что он готов ради нее на

все?

И снова неожиданно для себя она одновременно расплакалась и засмеялась, так что ей даже пришлось опереться на Ролана, чтобы не упасть. Проклятое айильское чувство юмора!

– Ты прекрасна с цветами в волосах, Фэйли Башир, – прошептал он, добавляя в ее локоны новый цветок. – И без них тоже. И сейчас ты все еще в белом.

О Свет! Жезл теперь у нее – он холодит ей руку, – но до тех пор, пока Терава не позволит Галине свободно ходить по лагерю, способа его передать не представится, и нет гарантии, что женщина не выдаст ее из отчаяния. Ролан предлагает ей спасение, если Мера’дин решат-таки уйти, но он не прекратит попытки завлечь ее к себе в постель до тех пор, пока на ней белое одеяние. А если Мера’дин предпочтут остаться, не выдаст ли кто-нибудь из них ее план побега? Если верить словам Ролана, они все знают! Надежда и опасность, все так запутанно. Вот такой клубок.

Как выяснилось позже, Фэйли оказалась абсолютно права насчет реакции Теравы на исчезновение жезла. Перед полуднем всех гай’шайн согнали на открытое место и заставили раздеться догола. Из всех сил стараясь прикрыть себя руками, Фэйли стояла среди других женщин, одетых в золотые ошейники и пояса Севанны, – всем было приказано немедленно надеть их на голое тело. Они стояли группой, пытаясь сохранить осколки скромности, пока Шайдо перерывали па-

латки гай'шайн, выкидывая нехитрый скарб наружу и втаптывая все в грязь. Фэйли оставалось лишь думать о том месте в городе, где она спрятала жезл, и молиться. Надежда и опасность – как же распутать этот клубок?

Глава 6

Шест и «лезвие»

Вообще-то, Мэт и не думал, что Люка покинет Джурадор, проведя в нем лишь один день, – обнесенный каменной стеной город жил за счет добычи соли и был весьма богат, а Люка любил, когда деньги сами идут к нему в руки. Поэтому он не сильно расстроился, узнав, что «Грандиозное странствующее представление и Величайшая выставка чудес и диковин Валана Люка» остается здесь еще по крайней мере дня на два. Сильно расстраиваться он действительно не стал, а только понадеялся, что удача от него не отвернется или же ему поможет то, что он – та'верен. Правда, на его памяти то, что он – та'верен, никогда не приводило ни к чему хорошему.

– Очереди на вход уже почти такие же, как вчера в самый пик, – радостно размахивал руками Люка.

Ранним утром, на следующий день после смерти Ринны, они сидели в огромном, ярко раскрашенном фургоне Люка. Высокий мужчина по-хозяйски расположился на позолоченном стуле, стоявшем рядом с узким столом – настоящим столом, окруженным табуретками, которые сейчас были задвинуты под столешницу. В остальных же фургонах нечто наподобие стола крепилось к потолку на веревках, а есть приходилось, сидя на кроватях. Люка еще не вырядился в одну

из своих кричаще-ярких курток, но страстная жестикуляция привлекала к нему внимание ничуть не хуже. В углу фургона Лателле, его жена, готовила на завтрак кашу на маленьком очаге, сложенном из кирпичей, и в воздухе резко пахло специями. Женщина все свои блюда щедро приправляла специями, так что на вкус Мэта они получались несъедобными, но Люка заглатывал все, что она перед ним ставила, причем так, будто никогда не ел ничего вкуснее. У него, наверное, луженый язык.

– Я жду, что сегодня посетителей придет вдвое больше, а может, и втрое. И завтра тоже. Посмотреть все зараз не успеешь, а здешние могут позволить себе прийти дважды. Это все молва, Коутон. Молва. Она приносит поболее, чем ночные цветы Алудры. Все так хорошо складывается, что я прямо чувствую себя та'вереном. Поток посетителей, и с каждым разом все больше и больше. Вот что делает охранный грамота, выданная верховной леди. – Люка резко замолчал, слегка смутившись, будто бы только что вспомнил, что имя Мэта на этой грамоте не указано.

– Будь ты и правда та'вереном, тебе это могло бы и не понравиться, – пробурчал Мэт, отчего Люка неодобрительно покосился на него.

Мэт засунул палец под черный шелковый шарф, который скрывал шрам от петли у него на шее, и ослабил его. Ему вдруг показалось, что ткань слишком давит. Всю ночь ему не давали покоя гнетущие сны, в которых он видел трупы,

плывущие вниз по реке, а проснулся Мэт оттого, что в голове крутились игральные кости. А это всегда плохой знак. Теперь же казалось, что они прямо-таки подпрыгивают, норовя расколоть череп изнутри.

– Я могу заплатить тебе столько, сколько ты заработаешь, устраивая представления в каждой деревушке по дороге отсюда до самого Лугарда. И не важно, сколько зевак ты при этом соберешь. Это помимо того, что я тебе обещал за то, что ты взялся доставить нас в Лугард.

Если не останавливаться на каждом перекрестке, чтобы дать представление, они на три четверти сократят время, которое им потребуется, чтобы добраться до Лугарда. И еще больше они сэкономят, если Мэту удастся убедить Люка проводить в дороге целый день, а не полдня, как они это делают сейчас.

Судя по всему, Люка идея понравилась, потому что он задумчиво закивал. Но потом он вдруг покачал головой и с напускной печалью на лице развел руками:

– И что же это получится – странствующая труппа, которая никогда не дает представлений? Очень подозрительно. У меня есть грамота, и верховная леди замолвит за меня словечко, да и вы сами не хотите навлечь на нас орду шончан. Пусть уж все идет как есть. Целее будете.

Этот скряга вовсе не заботится о треклятой безопасности Мэта Коутона, он просто думает, что его треклятые представления принесут больше, чем Мэт заплатит! Кроме того,

ему очень нравится быть в центре внимания, он не меньше любого из своих артистов жаждет покрасоваться перед публикой, слава для него не хуже денег. Кое-кто из труппы поговаривал о том, чем займется в старости, когда покончит с выступлениями. Но только не Люка. Он будет продолжать до тех пор, пока замертво не упадет посреди представления. И устроит так, что это увидит максимальное количество зрителей.

– Еда готова, Валан, – нежно пропела Лателле, обернув полотенцем и снимая с огня чугунный котелок, который и поставила на толстую тканую салфетку на столе.

Два места уже были накрыты: тарелки, покрытые белой глазурью, и серебряные ложки. Люка всегда будет есть с серебряных ложек, даже если остальные станут довольствоваться оловянными, металлическими или даже деревянными. Суровая укротительница медведей – колючий взгляд, поджатые губы – выглядела непривычно в длинном белом переднике, надетом поверх синего, расшитого блестками платья. Наверняка, когда Лателле хмурилась, бедные мишки мечтали, чтобы поблизости оказалось дерево, на которое можно залезть и спрятаться в его кроне. Но, как ни странно, она порхала вокруг мужа, чтобы обеспечить ему всяческие удобства.

– Вы позавтракаете с нами, мастер Коутон?

В этом вопросе не было и намека на приглашение, скорее даже наоборот. Женщина даже не повернулась к посудному

шкафу, где стояли тарелки.

Мэт отвесил ей любезный поклон, отчего хозяйка помрачнела еще больше. Он никогда не переходил с этой женщиной за грань вежливого общения, но почему-то все равно ей не нравился.

– Благодарю за сердечное приглашение, госпожа Люка, но нет.

Она что-то проворчала. Вот и будь потом вежливым. Он нахлобучил шляпу с плоскими полями и ретировался. Игральные кости все так же гремели в голове.

Большой фургон Люка, сверкающий синим и красным, украшенный золотыми звездами и кометами, не говоря уже о всевозможных фазах луны, нарисованных серебряной краской, стоял в самом центре лагеря, как можно дальше от воющих клеток с животными и коновязей. Его окружали фургоны поменьше – эдакие домики на колесах, по большей части без окон, выкрашенные в один цвет и без вычурных украшений, как у Люка, – а также палатки из синей, красной, зеленой и иногда полосатой ткани, не уступающие по размерам целым домам. Солнце уже поднялось над горизонтом на высоту собственного диска, по небу плыли брызги белых облаков. Вокруг, играя с обручем и гоня мяч, бегали дети, а артисты разминались перед утренним выступлением. Женщины и мужчины скручивались и растягивались, многие уже были одеты в яркие костюмы и платья, усыпанные сверкающими блестками. При виде четверки акробатов

в тонких штанах, стянутых на щиколотках, и в полупрозрачных блузах, оставлявших мало простора для воображения, Мэт вздрогнул. Двое из них стояли на голове на одеялах, расстеленных на земле возле их красной палатки, а еще двое заплели свои тела в такие узлы, которые, на взгляд Мэта, вряд ли можно распутать. У них позвоночники, наверное, из проволоки! Силач Петра стоял с обнаженным торсом у своей палатки, где жил вместе с женой, и разогревал мышцы, поднимая одной рукой такие тяжести, которые Мэту вряд ли удастся приподнять двумя. Предплечья мужчины могли потягаться по толщине с ногами Мэта. И с такой-то нагрузкой Петра и не думал потеть! Собачки Кларин рядом стояли у палатки в ожидании дрессировщицы и виляли хвостиками. В отличие от медведей Лателле собачки выступали на ура только ради улыбки этой пухленькой добродушной женщины.

Когда в голове крутились и стучали игральные кости, Мэт всегда старался найти себе тихое местечко, где едва ли может что-то случиться, и сидеть там, пока проклятое верчение не прекратится. Но сейчас, несмотря на то что можно было постоять и полюбоваться акробатками, часть которых была одета не менее символически, чем та четверка по-змеиному гибких мужчин, он предпочел пройтись полмили до Джурадора, внимательно рассматривая всех, кто попадался ему на широкой, утрамбованной до каменной твердости глинистой дороге. Он надеялся кое-что приобрести.

Люди же все подходили и пристраивались в конец длинной очереди, ожидавшей за прочной веревкой, натянутой вдоль высокой парусиновой стены балагана. Лишь немногие из женщин могли похвастаться платьем, отделанным богатой вышивкой, и мало у кого из мужчин короткая куртка хоть как-то была украшена шитьем. Мимо тащилось несколько фермерских телег с высокими колесами, влекомые лошадю или волом. Среди раскинувшегося на невысоких холмах за городком леса ветряных мельниц — они приводили в действие насосы, выкачивающие соляной раствор, — и вдоль длинных поддонов для выпаривания двигались фигурки людей. Мэт подходил к городским воротам, когда из них с грохотом выехал купеческий караван — двадцать крытых парусиной фургонов, запряженных шестерками лошадей, и сама купчиха, в ярко-зеленом плаще, сидела на козлах головного фургона, рядом с возницей. Стая ворон, пролетая мимо, прокаркала над головой, отчего у Мэта по спине пробежали мурашки, но сегодня никто не собирался растворяться прямо у него на глазах, и, насколько он видел, длинные тени стелились вслед за всеми прохожими. Призраки умерших сегодня по дороге тоже не встречались, хотя Мэт был убежден, что именно их он видел накануне.

Разгуливающие мертвецы явно не предвещают ничего хорошего. Судя по всему, они имеют какое-то отношение к Тармон Гай’дон и Ранду. Цвета в голове слились в пестрый вихрь, и на мгновение перед его внутренним взором пред-

стали Ранд и Мин, стоящие у широкой кровати. Они целовались. Мэт споткнулся и чуть не упал. На них ничего не было! Надо будет поосторожнее думать о Ранде... Цвета вновь закружились и на миг сложились в новый образ. Мэт снова споткнулся. Подглядывать за поцелуями – это еще цветочки, есть кое-что и похуже. Надо быть осторожнее со своими мыслями, намного осторожнее! О Свет!

У окованных железом ворот, опираясь на алебарды, стояли двое стражников. Они, облаченные в белые нагрудники и белые же шлемы с гребнями из конского волоса, с подозрением оглядели Мэта. Возможно, они решили, что он пьян. Приветственный кивок ничуть не изменил выражения их суровых лиц. С тем же успехом он мог напиться прямо здесь, у них на глазах. Впрочем, стражники не стали переговаривать ему путь, а только проводили взглядом. От пьяных одни неприятности, особенно от тех, кто в такую рань уже успел налакаться, но подвыпивший господин в приличном, без особых украшений, но хорошо скроенном и из добротного шелка камзоле, из рукавов которого выглядывает тонкое кружево, – совсем другое дело.

Даже в этот ранний час на вымощенных камнем улицах Джурадора стоял гул и гомон: торговцы вразнос расхаживали с подносами или стояли у ручных тележек, на которых были разложены товары; лавочники, установив возле своих магазинчиков небольшие лотки и пристроившись теперь за ними, громко расхваливали качество того, что предлагали на

продажу; бочары молотками набивали обручи на бочки для перевозки соли. Стук ткацких станков, за которыми сидели плетельщики ковров, практически заглушал редкие удары кузнечных молотов, не говоря уже о звуках флейт, барабанов и цимбал, доносившихся из таверн и постоянных дворов. Это обычная сутолока и суматоха города, где полно домов, лавок, гостиниц и еще больше стоявших вплотную к ним таверн и конюшен, – города, выстроенного в камне и увенчанного красной черепицей. Джурадор – город солидный, основательный. И привычный к воровству. Большинство окон нижних этажей закрывали прочные кованые решетки или железные ставни. Такими же были окна и на верхних этажах домов зажиточных горожан, – несомненно, большинство из них занимались торговлей солью. Музыка, льющаяся из таверн и гостиниц, захлестнула Мэта. Там, внутри, наверняка играют в кости. Он чуть ли не всеми клеточками тела чувствовал, как заветные кубики катятся по столу. Слишком давно он уже не держал в руках игральные кости, вместо этого прислушиваясь к их грохотанию в своей голове, но сегодня утром он пришел не играть.

Он еще не завтракал и поэтому направился к морщинистой женщине, на шее которой висел на ремне переносной лоток и которая выкрикивала: «Мясные пирожки, из лучшей в Алтаре говядины!» Мэт поверил ей на слово и вручил запрошенные медяки. На фермах, что встречались в окрестностях Джурадора, крупного рогатого скота не наблюдалось,

попадались только овцы и козы, но, наверное, лучше особенно не выспрашивать, чем же начинены пирожки, купленные на улице любого города. Наверное, на каких-нибудь фермах неподалеку все-таки есть коровы. Наверное. Тем не менее пирожок оказался вкусным и на удивление еще горячим. Перекидывая его с ладони на ладонь, с жадностью откусывая и вытирая жир и мясной сок с подбородка, Мэт зашагал по людной улице дальше.

Он старался пробираться сквозь толпу осторожно, ни на кого не натыкаясь. Алтарцы слынут раздражительными и вспыльчивыми типами. В этом городе можно почти точно угадать статус горожанина по количеству вышивки на платье или плаще. Чем больше – тем выше по положению ее обладатель. Так что незачем подходить ближе, чтобы рассмотреть, сшита одежда из шелка или из шерсти. Кроме того, дамы побогаче предпочитали прятать свои смуглые скулы за полупрозрачными вуалями, которые крепились к высоким нарядным гребням, украшавшим тщательно уложенные кольцами косы. Но и у мужчин, и у женщин – не важно, торговцы ли они солью или простые лавочники и лоточники, – на поясе висели длинные ножи с изогнутыми клинками. И зачастую можно было заметить, как горожане поглаживают их рукояти, словно сгорая от желания броситься в драку. Мэт всегда старался избегать таких потасовок, но в подобных делах удача нередко отворачивалась от него. Видимо, это все та'верен. Игральные кости никогда не предсказывали драки.

Битвы – да, но уличные побоища – никогда. Так что на всякий случай Мэт шагал действительно очень и очень аккуратно. Правда, подобная предусмотрительность вряд ли его спасет. Когда игральные кости остановятся, они остановятся – вот и все. Но рисковать нет смысла. Мэт вообще ненавидел риск. Ну, если речь не идет, конечно же, об азартных играх, и для него они вряд ли могут считаться риском.

У лавки, где продавались мечи и кинжалы, он увидел бочку, из которой во множестве торчали боевые и дорожные посохи. За товаром присматривал внушительный детина, костяшки пальцев у него оказались сбиты, а нос у него явно был не раз сломан. С поясного ремня у него, помимо неизбежного изогнутого кинжала, свисала увесистая дубинка. Грубым голосом этот колоритный персонаж возвещал, что все представленные клинки – андорскойковки. Правда, все, кто не изготавливал собственных мечей, вечно заявляли, что покупатель держит в руках работу андорских мастеров или умельцев Пограничных земель. Или иногда еще тайренских. В Тире куют отличную сталь.

К величайшему удивлению и радости Мэта, в бочке обнаружился тонкий шест, изготовленный, судя по всему, из черного тиса. Он на целый фут возвышался у Мэта над головой. Вытащив шест, он пристально рассмотрел тонкие, почти что переплетающиеся волокна древесины. Точно, черный тис, все верно. Именно такая текстура, эти переплетающиеся волокна позволяют создавать луки удивительной си-

лы, вдвое превосходящие луки из обычной древесины. Точно сказать нельзя, пока не начнешь остругивать лишнее, но этот шест выглядит идеальным. Во имя Света, каким же образом черный тис оказался здесь, на юге Алтары? Мэт был уверен: это дерево растет только в Двуречье.

Когда появилась хозяйка лавки – холеная женщина, корсаж которой украшала вышивка в виде птиц с ярким оперением, – и принялась было нахваливать достоинства выставленных клинков, Мэт перебил ее:

– Хозяйка, сколько вы хотите за эту черную палку?

Она моргнула, удивившись, что господин в шелках и кружевах хочет приобрести боевой посох, – пусть тот и тонкий, но она, вот проклятье, была совершенно уверена, что эта проклятая штука – самый что ни на есть боевой посох! – и назвала цену, которую этот странный тип, даже не подумав торговаться, тут же заплатил. Отчего хозяйка моргнула еще раз и нахмурилась, подумав, что надо было запросить больше. Мэт и заплатил бы куда больше за составляющие двуреченского лука! Закинув необработанный шест на плечо, он отправился дальше, жадно доедая остатки пирожка и вытирая руки о полы камзола. Однако сюда Мэт пришел вовсе не ради завтрака, не ради шеста и не ради азартных игр. Его интересовали конюшни.

На извозчичьих дворах и в платных конюшнях всегда пара-тройка лошадей выставлена на продажу, а если предложить хорошую цену, хозяева продадут и тех, что отдавать

не собирались. По крайней мере, так было обычно до прихода шончан. По счастью, в Джурадоре они задерживаться не стали. Мэт переходил от конюшни к конюшне, от стойла к стойлу, рассматривая гнедых и чалых, чубарых и пегих, мышастых, каурых, вороных, серых в яблоках и без, кобыл и мерин. Жеребец для его целей не подойдет. Не у всех животных, которые попадались Мэту, был поджарый живот или длинные пясти, и все же он никак не мог найти то, что искал. Наконец он зашел в узкую конюшню, зажатую между большим каменным постоянным двором с вывеской «Двенадцать соляных колодцев» и ковровой лавкой.

Мэт полагал, что от стука ткацких станков лошади станут вести себя нервно, однако все они стояли тихо, по-видимому уже привыкнув к этому звуку. Ряды стойл уходили вглубь гораздо дальше, чем он сначала предположил, но фонари, свисавшие с опорных столбов, освещали помещения, до которых не добирался дневной свет. Воздух, приправленный пылью с чердака, пах сеном, овсом и конским навозом, но отнюдь не лежалым. Три работника, вооружившись лопатами, чистили стойла. Хозяин содержал заведение в чистоте. Меньше шансов развести какую-нибудь заразу. Некоторые конюшни Мэт решительно обходил стороной, едва только ветер приносил их вонь.

К одному из столбов веревочным недоуздом была привязана черно-белая кобыла, конюх как раз подкладывал в ее стойло свежую солому. Лошадь держалась прямо, наострив

уши, словно бы прислушиваясь к чему-то. Пятнадцать ладоней в холке, в меру длинная шея, глубокая грудь, что говорит о выносливости, идеальные пропорции ног – короткие пальцы, правильно поставленные по отношению к путовому суставу. Плечи покатые, а высота крупа совпадает с высотой холки. Кобыла вполне могла составить конкуренцию Типуну. Более того, она принадлежала к породе, о которой Мэт только слышал и не чаял увидеть воочию, – перед ним стояла представительница легендарных «лезвий» из Арад Домана. Ни у какой другой породы не было столь примечательного окраса. Черные и белые полосы пересекали шкуру лошади, словно нанесенные ударом лезвия, – отсюда и название. Ее присутствие здесь было не менее удивительным, чем недавняя находка – шест из черного тиса. Мэт много раз слышал, что ни один доманиец не станет продавать такого коня чужеземцу. Он не позволил взгляду задерживаться на красавице надолго и стал присматриваться к остальным животным в стойлах. Неужели игральные кости в голове приостанавливают свой танец? Нет, ему показалось. Они без устали продолжают свою пляску и, с тех пор как он покинул фургон Люка, не останавливаются ни на секунду.

Жилистый мужчина с венчиком седых волос вокруг лысины приветственно сложил руки и склонил голову.

– Ток Фирним к вашим услугам, милорд, – представился он с сильным акцентом и с сомнением покосился на шест у Мэта на плече. Господа, привыкшие к шелкам и золотым

кольцам с печаткой, редко таскают с собой такие штуки. – Чем могу быть полезен? Милорд хочет взять коня напрокат? Или купить?

Вышивка в виде мелких ярких цветков украшала верх его жилетки, надетой поверх рубахи, которая, судя по всему, некогда была белой. Мэт старался не смотреть на эти цветы. На поясе у собеседника висел привычный кривой нож, а морщинистое лицо пересекали два длинных тонких шрама. Старых шрама. Очевидно, стычки, в которых хозяину конюшни довелось участвовать, подобных сувениров ему не оставили или же их не было видно.

– Купить, мастер Фирним, если у вас есть что-нибудь на продажу. И если я смогу подобрать из этого что-то подходящее. Мне сегодня столько раз уже пытались всучить старую хромую клячу, уверяя, будто ей всего шесть лет, что еще немного – и я пушу в ход палку. – Ухмыльнувшись, он весело тряхнул шестом. Отец всегда говорил, что, если хочешь хорошего торга, развесели того, с кем торгуешься.

– У меня три экземпляра на продажу, и ни один из них не хромает, милорд, – с поклоном ответил Фирним без намека на улыбку. Он взмахнул рукой. – Вон, одну как раз вывели из стойла. Пятилетка, очень хороша, милорд. Продаю дешево, всего за десять крон. – И вкрадчиво прибавил: – Золотом.

У Мэта отвисла челюсть.

– За пегую?! Я знаю, что из-за шончан цены взлетели, но это же просто смешно!

– О-о-о, это не просто пегая, милорд. Это же «лезвие». Перед вами чистокровная представительница скаковой доманийской породы «лезвие».

Кровь и проклятый пепел! Слишком дорого, так в сделке выгоды не будет.

– Ну, это вы так утверждаете, – пробормотал Мэт, опустив один конец шеста на каменный пол, чтобы иметь возможность на него опереться. В последнее время бедро редко его беспокоило, если только он не предпринимал долгие прогулки, а именно этим он и занимался все утро, отчего теперь нога ныла. Что ж, не важно, сойдутся они в цене или нет, но игру нужно поддержать. Существуют правила ведения торга, когда речь идет о лошадях. Нарушишь – уйдешь с пустым кошельком. – Никогда не слышал о такой породе. Хм, «лезвие»... А что еще у вас есть? Меня интересуют только кобылы и мерины.

– Кроме этой дивной кобылки породы «лезвие», у меня на продажу только мерины, милорд, – откликнулся Фирним, выделив слово «лезвие». Повернувшись к рядам стойл, он крикнул. – Адела! Приведи того здорового гнедого, что мы продаем!

Из глубины конюшни выскочила худая прыщавая девица в штанах и в никак не украшенной темной жилетке и бросилась исполнять приказание. Сначала Адела привела гнедого, потом по требованию Фирнима серого в яблоках, после чего за веревочные недоуздки вывела обоих к дверям конюш-

ни, на свет. Это было сделано по просьбе Мэта. Оба мерина отличались неплохой статью, но гнедой оказался слишком крупным, выше семнадцати ладоней в холке, а серый в яблоках постоянно прижимал уши к голове и пару раз попытался укусить Аделу за руку. Впрочем, девушка умело управлялась с животными и легко уворачивалась от злобных нападков мерина. Мэт без всяких сожалений отверг бы обоих, даже если бы заранее не нацелился на «лезвие».

Появился тощий серый полосатый котяра – этакая скальная кошка в миниатюре, уселся у ног Фирнима и принялся вылизывать окровавленную ранку на плече.

– Крысы что-то в этом году разбушевались, прямо даже не припомню, когда было такое, – пояснил хозяин конюшни, хмуро посмотрев на кота. – И они становятся все наглее и злобнее. Я уже подумываю купить еще одного кота, а может, и двух. – Оставив досужую тему, он вновь заговорил о деле. – Не соизволит ли милорд взглянуть на жемчужину моей конюшни, раз остальные не подходят?

– Пожалуй, мастер Фирним, я все-таки погляжу на пегую, – с сомнением протянул Мэт. – Но о десяти кронах не может быть и речи.

– Причем золотом, – добавил Фирним. – Хурд, приведи сюда «лезвие» для милорда. – Он снова подчеркнул название породы. Да уж, заставить его сбавить цену – задачка не из простых. Разве что поможет тот факт, что Мэт – та’верен. Хотя его удача никогда не помогала в таких прямолинейных

вещах, как торг.

Хурд оказался тем, кто менял солому в стойле «лезвия»: на голове у мужчины осталась лишь парочка седых волос, а во рту наблюдалось полное отсутствие зубов. Последний факт становился очевидным, когда Хурд улыбался, что он, собственно, и делал, выводя кобылу на свет. Ему явно нравилось это животное. Еще бы.

Шла кобыла ровно, но Мэт все равно тщательно ее осмотрел. Зубы подтвердили, что насчет возраста Фирним оказался честен, – только дурак станет врать про возраст лошади, разве что покупатель сам окажется дураком. Но, как ни странно, большая часть торгашей сейчас придерживается именно такого подхода. Лошадь повела ушами, когда Мэт погладил ее по носу, проверяя глаза. Они оказались чистыми и ясными, без намека на мутные выделения. Мэт придиричливо ощупал ее ноги и не нашел ни воспалений, ни опухолей. Нигде не было ни намека на ссадину, болячку или лишай. Мэт мог спокойно просунуть кулак в промежуток между грудной клеткой кобылы и ее локтевым суставом – у нее, несомненно, размашистый ход, – но втиснуть ладонь между ее последним ребром и бедром было сложно. Она вынослива, и быстрый бег вряд ли повредит ее сухожилиям.

– Милорд, я смотрю, вы знаток.

– Вот именно, мастер Фирним. Десять золотых крон – это слишком, особенно за пегую. Знаете, кое-кто говорит, будто они приносят несчастье. Не могу сказать, что я в это верю.

Иначе я даже не стал бы предлагать свою цену.

– Несчастье? Ничего такого не слыхал, милорд. И какова ваша цена?

– За десять золотых я куплю себе чистокровного тайренца. Не самого лучшего, но все-таки тайренца. Я дам за нее десять крон. Серебром.

Фирним запрокинул голову и вызывающе громко расхохотался. Отсмеявшись, он посерьезнел, и они продолжили торговаться. В итоге Мэт вручил ему пять крон и четыре марки золотом и еще три кроны серебром. Все монеты были отчеканены в Эбу Дар. В сундуке под кроватью у него имелись монеты из разных стран, но с иноземными деньгами всегда много мороки, потому что надо искать банкира или менялу, чтобы взвесить монеты и высчитать, как они соотносятся с местными. А Мэт не только не хотел лишний раз привлекать к себе внимание, но и понимал, что в таком случае ему придется заплатить больше, а то и все требуемые десять золотых крон. Судя по всему, весы, с помощью которых оценивают монеты, всегда склоняются в пользу менял. Мэт не предполагал, что ему удастся сбить цену настолько, но, судя по довольной физиономии Фирнима, который наконец-то заметно повеселел, тот не ожидал получить так много. В торговле лошадьми самое замечательное завершение торга – когда обе стороны считают, что заключили выгодную сделку. Как-никак, день начался отлично, и плевать на эти проклятые игральные кости. Ему следовало знать, что так не может про-

должаться долго.

Когда к полудню Мэт вернулся к балагану, сидя верхом на «лезвии» — потому что нога не давала покоя, а в голове по-прежнему перекатывались треклятые игральные кости, — очередь на вход оказалась еще длиннее, чем утром. Люди ждали, когда наступит их черед пройти под натянутой между двумя высоченными жердями большой голубой вывеской, на которой красовалось название представления, написанное аршинными красными буквами. Стоило одному любителю зрелищ опустить монетки в прозрачный кувшин, который держал плечистый конюх, одетый в грубую шерстяную куртку, — из этого кувшина под бдительным присмотром другого, еще более внушительного конюха монеты пересыпались в обитый железом сундук, — новый посетитель пристраивался в хвост очереди, так что короче она не становилась. Вереница людей тянулась вдоль веревочного ограждения и заворачивала за угол. Как ни странно, никто не толкался и не пихался. Среди посетителей было много фермеров и селян, которые распознавались по шерстяным одеждам и грязи, въевшейся в ладони, однако личики их жен и мордашки детей были тщательно вымыты. К сожалению, Люка так собрал свою вожаемую толпу. Теперь убеждать его уехать завтра — бесполезно. Игральные кости свидетельствовали: что-то вот-вот произойдет, что-то очень важное для Мэта, чтоб ему сгореть, Коутона, но вот что? Хотя были случаи, когда кубики переставали перекатываться, а он так и не

понимал, что же такое случилось.

Уже миновав парусиновую стену, там, где поток зрителей растекался по главной улице, по обеим сторонам которой выступали артисты, Мэт заметил Алудру, она принимала заказанный товар – две телеги, уставленные бочками разных размеров. Необычными бочками, судя по всему.

– Я покажу вам, где оставить телеги, – говорила стройная женщина возчику первой телеги – парню с выдающейся вперед челюстью. Длинные косички Алудры, украшенные цветными бусинами, взметнулись, когда она на секунду обернулась, провожая Мэта взглядом. Потом женщина вернулась к разговору с возчиком. – А лошадей потом отведете к коновязям, да?

И что же это она купила, да еще в таком количестве? Наверняка что-то для своих фейерверков. Каждый вечер, как только стемнеет, пока еще никто не успел отправиться в постель, она запускала в небо свои огненные ночные цветы. Штучки две-три для городка такого размера, как Джурадор, или для нескольких расположенных рядом друг с другом деревень. У Мэта были соображения, зачем ей потребовался литейщик колоколов, но, похоже, лишь одно из них несло в себе хоть толику смысла, да и то, если задуматься, все равно выходила полная ерунда.

Мэт спрятал кобылу у коновязей. Ну, «лезвие» спрятать, конечно, сложновато, но ее сложнее заметить среди других лошадей, тем более что нужное время еще не наступило.

Палку для лука он оставил в фургоне, где жил вместе с Эгинин и Домоном – их на месте не оказалось, – после чего направился к выцветшему фиолетовому фургону Туон. Тот сейчас стоял неподалеку от обиталища Люка, но Мэт предпочел бы, чтобы он остался на прежнем месте – рядом с грузовыми фургонами. Только Люка и его жена знали, что Туон – верховная леди, а вовсе не служанка, которая якобы намеревалась выдать двух любовников, Мэта и Эгинин, предполагаемому мужу последней, но многие артисты уже недоумевали, почему Мэт большую часть времени проводит с Туон, а не с Эгинин. Недоумевали и не одобряли. Все они, как ни странно, отличались строгим нравом. Даже акробаты. Сбежать с женой жестокого лорда – романтично. Путаться с горничной высокородной леди – постыдно. А то, что фургону Туон выделили такое удобное место, вызовет массу толков и среди людей, которые находятся рядом с Люка уже долгие годы, и среди его лучших артистов.

Сказать по правде, Мэт не знал, стоит ли ему идти к Туон, когда в голове бесчинствуют игральные кости. Очень уж часто они замирали в ее присутствии, но он до сих пор не имел ни малейшего понятия, почему в тот или иной раз происходило именно так, – ни в одном случае. Ну, так, чтобы быть совершенно уверенным в том, по какой причине кости вдруг останавливались. В первый раз, наверное, просто потому, что он встретил ее. При мысли об этом волосы у него на затылке чуть не встали дыбом. Как ни крути, женщина –

это постоянный риск. А с такой женщиной, как Туон, этот риск возрастает вдесятеро. И никогда не знаешь, как повернутся события, пока уже не будет слишком поздно. Порой Мэт ломал голову, почему его пресловутая удача не помогает ему в отношениях с женщинами? Женщины так же непредсказуемы, как набор добрых игральных костей.

Никто из «красноруких» не стоял на страже возле фургона – сейчас им не до этого, – поэтому Мэт взбежал по короткой лесенке в задней части фургона и постучал, прежде чем распахнуть дверь и войти. В конце концов, он платил за этот фургон, и вряд ли они станут валяться раздетыми в такое время суток. А если не хочется, чтобы кто-то вошел, – на двери есть щеколда.

Госпожа Анан куда-то отлучилась, но народу внутри все равно оказалось немало. С потолка на веревках был спущен узкий стол, на котором теперь были расставлены разномастные тарелки с хлебом, оливками и сыром. Мэт заметил один из высоких серебряных кувшинов для вина, принадлежащих Люка, еще один приземистый кувшин в красную полосу и чашки в цветочек. Туон, с отросшими за месяц черными кудрявыми волосами, сидела на единственном в фургоне стуле, расположившись в дальнем конце стола, рядом с ней, сбоку, на одной из кроватей пристроилась Селусия. Напротив нее, на другой кровати, опираясь локтями на стол, сидели Ноэл и Олвер. Сегодня Селусия надела темно-синее платье по эбударской моде, которое открывало удивитель-

ный вид на ее незабываемую грудь, и украсила волосы цветастым шарфом. На Туон же было красное платье, словно бы полностью состоящее из мелких складочек. О Свет, он же только вчера купил для нее отрез этого шелка! Как ей удалось уговорить костюмерш сшить платье так быстро? Мэт не сомневался, что обычно это занимает куда больше времени. Здесь явно помогли щедрые посулы, за которые ему теперь придется расплачиваться золотом. Что ж, раз принес даме шелк, изволь заплатить и за пошив. Таковую поговорку Мэт слышал еще мальчишкой, когда даже и не думал, что сможет позволить себе такую роскошь, как шелк. Но, Свет, это сущая правда!

— ...и только женщин можно встретить за пределами их деревень, — рассказывал Ноэл, седой скрюченный старичок, но при виде Мэта, плотно закрывавшего за собой дверь, умолк.

Лоскуты кружев на запястьях Ноэла явно видали и лучшие деньки, как и ладно скроенный камзол из тонкой серой шерсти, однако вся его одежда была чистой и опрятной. Однако, по правде сказать, вся эта одежда странно смотрелась на человечке со скрюченными пальцами и морщинистым лицом. Она подошла бы скорее пожилому забияке из таверны, который при первой же возможности лезет в драку, несмотря на то что лучшие годы уже остались позади. Олвер, наряженный в добротный синий камзол, который Мэт заказал для него, улыбался во весь рот. О Свет, он замечательный

мальчик, но эти оттопыренные уши и огромный рот его совсем не красят. Ему понадобится масса усилий, чтобы поладить с женщинами, если ему вообще когда-нибудь повезет на этот счет. Мэт пытался проводить с Олвером побольше времени, чтобы держать подальше от влияния его «дядюшек» – Ванина с Гарнаном, да и от прочих «красноруких» тоже, и, судя по всему, парнишке это нравилось. Ну конечно, не так, как играть в «змей и лисиц» или в камни с Туон и пялиться на грудь Селусии. Хорошо, конечно, что парни научили мальчишку стрелять из лука и управляться с мечом, но вот кто же научил его так вожделенно смотреть на...

– Ну где твои манеры, Игрушка? – Слова Туон текли так же медленно, как мед из горшка. Густой мед. В его присутствии, если только они не играли в камни, черты ее лица принимали жесткое выражение, достойное судьи, выносящей смертный приговор. И тон был соответствующим. – Сначала постучись, а потом дождись позволения войти. Если только ты не собственность и не слуга. Тогда стучать не нужно. У тебя жир на камзоле. Я думала, ты умеешь есть аккуратно.

Услышав выговор, сделанный Мэту, Олвер перестал улыбаться. Ноэл провел пятерней по своим длинным волосам, вздохнул и принялся изучать зеленую тарелку, стоящую напротив, будто надеялся найти среди оливок изумруд.

Плевать на зловещий тон. Мэту нравилось смотреть на эту маленькую темнокожую женщину, которая скоро станет

его женой. Можно сказать, что наполовину она уже ею стала. О Свет, ей только нужно сказать три предложения – и дело в шляпе! Чтоб ему сгореть, но от нее глаз не отвести! В первую их встречу он принял Туон за ребенка, но тогда его обманул ее рост, а лицо было закрыто тонкой вуалью. Без вуали становилось ясным, что это личико в форме сердечка может принадлежать только женщине. Огромные глаза – два темных океана, в которых мужчина может проплывать всю жизнь. Редкие улыбки бывали таинственными, а бывали озорными, и Мэт ценил каждую из них. Ему нравилось смешить ее. Если, конечно, она смеялась не над ним. На самом-то деле Мэт предпочитал женщин пофигуристей, но он точно знал, что если как-нибудь улучит момент, когда Селусии не окажется поблизости, и обнимет Туон, то все встанет на свои места. И быть может, ему удастся сорвать поцелуй с этих пухлых губ. О Свет, эти мечты не дают ему покоя! И не важно, что она отчитала его, словно они давно женаты. Ну, почти не важно. Чтоб ему сгореть, дело тут вовсе не в крошечном жирном пятне! Лопин и Нерим, парочка слуг, которыми Мэт оказался обременен, передерутся за право почистить его камзол. У них и так мало занятий, так что если он не скажет, кто должен выполнить работу, – драка обеспечена. Но вслух он сказал совсем не это. Женщины обожают заставлять тебя защищаться, и если начнешь оправдываться – пиши пропало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.